

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего профессионального образования
«МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

ВЕСТНИК

Московского института лингвистики

№ 2 / 2013 – 1 / 2014

Соучредители: «Московский институт лингвистики»
«Московский финансово-экономический институт»
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-37854

Редакционный совет

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор.
Виноградов В.А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор.
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор.
Егоров М.А., доктор филологических наук, профессор.
Караулов Ю.Н., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Коттхофф Хельга, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.
Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор.
Красных В.В., доктор филологических наук, профессор.
Поляков Ф.Б., доктор филологических наук, профессор, Венский университет, Австрия.
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор.
Слышкин Г.Г., доктор филологических наук, профессор.
Тарасов Е.Ф., доктор филологических наук, профессор.
Тер-Минасова С.Г., доктор филологических наук, профессор.
Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор.
Шоре Элизабет, доктор филологических наук, профессор, Фрайбургский университет им. Альберта Людвига, ФРГ.

Редакционная коллегия

Терентий Л.М. – ректор НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», кандидат политических наук, *главный редактор*.
Багрова А.Я., кандидат педагогических наук, доцент.
Гуревич Л.С. доктор филологических наук, доцент.
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук, *выпускающий редактор*.
Кирилина А.В., доктор филологических наук, профессор, *заместитель главного редактора*.
Лапин А.А., кандидат политических наук.
Сазанов А.В., доктор исторических наук, профессор.
Сподах Г.Г., кандидат экономических наук.
Усачев Е.В., проректор по внешним связям МИЛ.
Хаймова В.М., кандидат филологических наук, доцент.
Шишканов И.В., кандидат филологических наук, доцент.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Адрес редакции: Москва, ул. Новомосковская, д.15а

e-mail: vm@inyaz-mil.ru

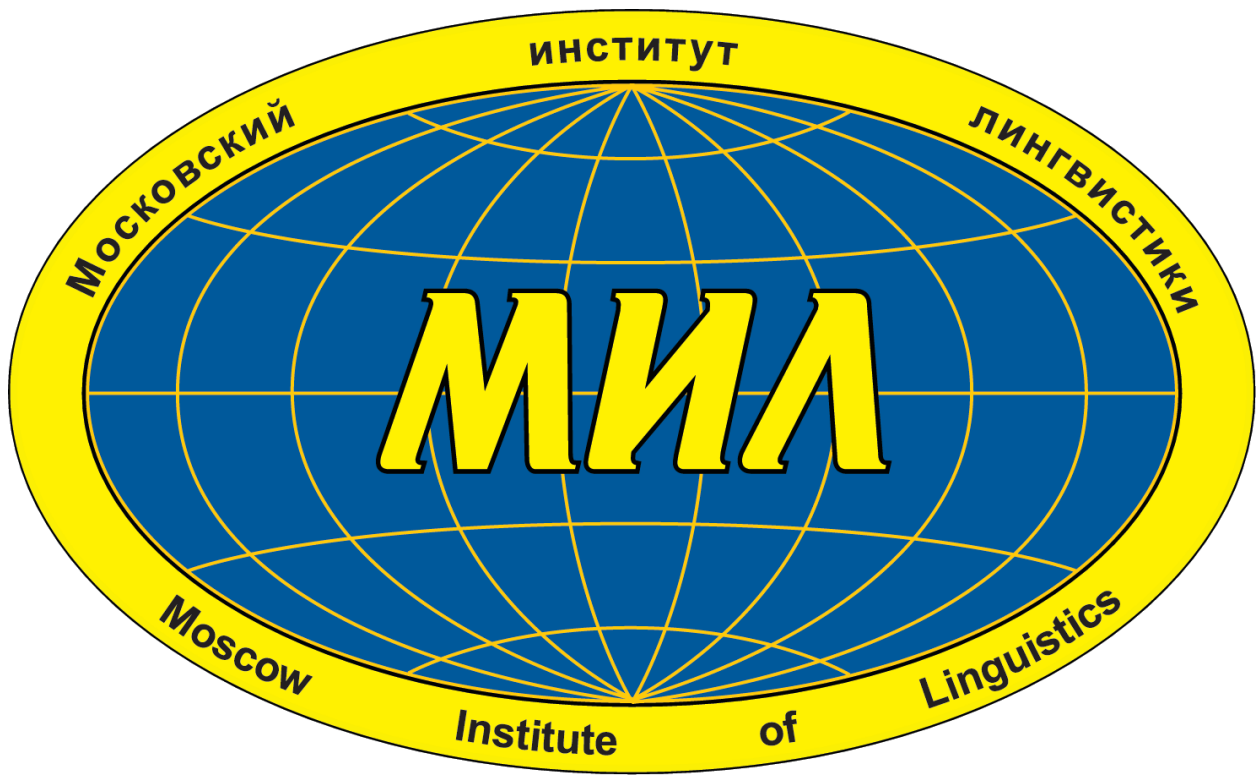

Москва 2014
© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2014
ISBN 978–5–904360–28–3
ISSN 2222-9283

Подписано в печать 21.07.2014. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0215. Усл. печ. л. 9,38. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер»
150008, г. Ярославль, Столярная улица, д. 14

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Багрова А.Я. Организация работы по теоретическому курсу второго иностранного языка.....	6
Гуревич Л.С. Диффамационные метакоммуникативные предикаты сплетни и клеветы в англоязычном дискурсе: интерпретация с позиции внешнего наблюдателя..	10
Климов Ю.Н. Квантитативная лексикология книг Ветхого завета.....	16
Климов Ю.Н. Корпусная лингвистика поэмы Ш. Бодлера «Путешествие» (Ch. Baudelaire «Le voyage») в оригинале и в переводах на русский язык.....	30
Мыскин С.В. Специфика функционирования профессиональных прецедентных текстов в совместной деятельности работников	40
Палкин А.Д. Трактовка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс	54
Салтыкова М.В. К вопросу о концептах как лингвокультурологической категории в аспекте этнофункционального подхода формирования языковой личности.....	66
Самохин И.С. Сигнальная лексема “love” в англоязычной поп-музыке 1980-х годов	76
Юдаева О.В. Повторы как экспоненты эмоционального компонента воздействия..	84

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Дорогов Н.И. Проблемы эффективности бюджетных расходов при организации государственных закупок в рыночных условиях.....	94
Пителинский К.В. Социоэкономические аспекты управления – архаизация общества через его виртуализацию.....	106

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шалимова Ж.Н. Краеведение: история и современность.....	112
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ	120
-------------------------	-----

CONTENTS

LINGUISTIC RESEARCHES

Bagrova A.Ya. Organisation Of Work On Theory Of A Second Language.....	6
Gurevich L.S. Metacommunicative Defamatory Predicates Of Gossip And Slander In The English Discourse: The Observer View Interpretation.....	10
Klimov Yu.N. Quantitative Leqicology Books Of The Old Testament.....	16
Klimov Yu.N. Corpus Linguistics Of The Poem «Le Voyage» By Charles Baudelaire In The Original And Its Russian Translations.....	30
Myskin S.V. Specifics Of The Functioning Of Professional Precedent Texts In The Activities Of Professional Employees.....	40
Palkin A.D. Interpretation Of Language And Thought Interrelation: historical Excursus...54	
Saltikova M.B. Regarding Concepts As Linguoculturological Category In The Aspect Of Ethnofunctional Approach To Language Identity Formation.....	66
Samokhin I.S. Signal Lexeme “Love” In The English Language Pop Music Of The 1980-S.....	76
Yudaeva O.V. Reiterations As Exponents Of Emotional Component Of Influence.....	84

MANAGEMENT: SCIENTIFIC ANALYSIS

Dorogov N.I. On-Budget Expenditures Efficiency Problems In Administration Public Purchases Within A Market.....	94
Pitelensky K.V. Socioeconomic Management Aspects – Filing Via Virtualization.....	106

PEDAGOGICAL STUDIES

Shalimova Zh.N. Regional Studies: Past and Present.....	112
--	-----

<i>NOTES ON CONTRIBUTORS</i>	119
------------------------------------	-----

<i>INFORMATION</i>	120
--------------------------	-----

А.Я. Багрова

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ КУРСУ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению одной из сторон организации работы по теоретическому курсу второго иностранного языка (немецкий язык как второй). В статье рассмотрены цели и задачи теоретического курса в рамках программы обучения второму иностранному языку. Чтение данного курса предполагает сравнение с первым языком, лингвострановедческий подход к фактам исторического развития языка. Предполагается сочетать лекционную форму обучения теории второго иностранного языка с элементами семинарских занятий, с предъявлением студентам творческих заданий, позволяющих лучше осмыслить теоретический материал.

Ключевые слова: теоретический курс, сопоставительный подход, принцип опоры на родной язык, лингвострановедческий подход.

A.Ya. Bagrova

ORGANISATION OF WORK ON THEORY OF A SECOND LANGUAGE

The article is dealt with the organization of work on the course in theory of German as a second language.

The course aims of a broader perspective of the theory than that presented to students in lecture materials and is provided with exercises to help students consolidate what they have learned in the subsequent sections.

Working through this course is based on principles of comparative approach with the facts of linguistic and cultural study being taken into account.

Key words: theoretical course, comparative approach, linguistic and cultural studies.

В настоящей статье будет рассмотрена одна из форм организации работы по теоретическому курсу второго иностранного языка, а именно немецкого языка. На данный теоретический курс отведено 38 лекционных часов и 12 часов семинарских занятий в VIII семестре (IV курс). Каковы цели такого теоретического курса?

Теоретический курс преследует прежде всего образовательные цели: он расширяет лингвистический кругозор, развивает научное мышление студентов, помогает глубже осознать особенности не только второго изучаемого языка, но и первого иностранного языка и родного языка. В то же время он должен решать как теоретические, так и практические задачи. В курсе имеет место сопоставление близкородственных немецкого и английского языков. В теоретическом плане такое сопоставление предполагает обобщение межъязыковых сходств и различий, выделение характерных особенностей второго иностранного языка, сравнение характерных тенденций и закономерностей развития обоих изучаемых иностранных языков. Известно, что немецкий и английский языки находятся в постоянном контактировании, поэтому задача курса состоит в том, чтобы показать взаимодействие и взаимообогащение сопоставляемых языков; по мере возможности показать причины их сходства и расхождений.

Теоретический курс имеет, кроме того, и прикладные задачи, а именно: научить студентов пользоваться результатами научного сопоставления изучаемых иностранных языков. Студенты, выявив межъязыковые сходства и различия, должны уметь установить их методическую целесообразность, исходя из межъязыковых интерференций, а также уметь определять границы применения межъязыкового сравнения как приёма обучения иностранному языку (далее ИЯ).

Сжатые временные рамки, а также то обстоятельство, что курс предлагается на завершающем этапе обучения, ставит ряд проблем.

Первый вопрос: готовит ли предшествующее обучение студентов в лингвистическом плане к восприятию такого теоретического курса? Следует отметить, что к этому времени студентами изучены курсы общего языкознания и теоретические курсы частного языкознания по первому ИЯ. Несомненно, что элементы сравнения первого ИЯ со вторым языком обязательно присутствуют в этих теоретических курсах. Таким образом, можно предположить, что у студентов выработан сопоставительный подход к изучению иностранного языка.

Представляется также, что теоретический курс обучения второму ИЯ делает такой подход более углублённым. Одним из принципов методики преподавания второго ИЯ является опора на родной язык и первый ИЯ. В практике преподавания второго иностранного языка этот принцип находит своё применение, в частности, при объяснении тех или других явлений изучаемого второго ИЯ.

Кроме того, перед лектором стоят следующие вопросы:

– необходимость жёсткого отбора материала;

– построение данного курса: можно ли довольствоваться только изложением соответствующей информации перед аудиторией или возможно даже при таких ограниченных временных рамках сочетать с собственно лекциями такие формы работы, как семинары, собеседования, письменные рефераты и устные выступления-доклады студентов, коллоквиумы и т.д.;

– содержание печатных пособий по теоретическому курсу: должны ли быть это только конспекты лекций, или пособия могут представлять собой подборку языковых материалов для практических заданий, подборку статей, отрывков теоретических работ на иностранном языке по вопросам, затрагиваемым в курсе лекций, а также по темам, которые студенты могут проработать самостоятельно;

– подача материала, формы и содержание зачёта по теоретическому курсу второго ИЯ.

Остановимся подробнее на данных вопросах. Прежде всего, об отборе материала и содержании теоретического курса.

Основные задачи курса состоят не только в повышении общеобразовательного уровня и филологической подготовки студентов, но также и в том, чтобы вскрыть сложность взаимоотношения различных форм существования языка в разные периоды его истории, показать сферы их функционирования. Чтение данного курса предполагает лингвострановедческий подход к фактам исторического развития языка.

Для того чтобы дать студенту систематизированное представление об исторических процессах в системе иностранного языка (внутренняя история), исторические изменения строя языка (историческая фонетика, историческая грамматика и историческая лексикология) прослеживаются в его подсистемах: системе гласных, системе согласных, системе имени, системе глагола и т.д., с учётом отражения того или иного исторического процесса в строе современного языка.

Кроме того, теоретический курс включает следующие проблемы для изучения: 1) история древних германцев, возникновение древнегерманских языков, основные этапы развития германских языков и западногерманских языков; 2) факторы, повлиявшие на обособление английского и немецкого языков; 3) диалекты современного немецкого языка – свидетель близкого родства с английским языком; 4) языковой тип как форма организации понятийного содержания языка.

В соответствии с изложенным, как нам представляется, должна быть изменена подача материала. Остановимся в этой связи на некоторых аспектах.

На современном этапе развития немецкий и английский языки характеризуются, как известно, определённым сходством

между собой и в то же время существенными различиями. Большинство особенностей вытекает из исторического развития этих языков. Теоретический курс построен таким образом, чтобы показать, что в немецком и английском языках сохранилось от древнейшего языкового состояния, что является результатом действия общих тенденций, свойственных родственным языкам, а что появилось в результате самостоятельного развития каждого из этих языков, их взаимодействие между собой и с другими языками.

Приведём несколько примеров. В среднеанглийский и средневерхненемецкий периоды развития происходят значительные расхождения в лексическом составе немецкого и английского языков. Среди других причин можно назвать, например, взаимодействие английского и немецкого языков: скандинавские заимствования вытесняют из употребления древнеанглийские (сканд. Така «брат» вытеснила *niman*). Немецкий язык заимствует в этот период лексику из французского и латинского, появляются также кальки, например: ст. -фр. *chevalier* «рыцарь - обладатель коня» соответствует свн. *ritter*.

Многие характерные черты современного немецкого и современного английского языков объясняются внутриязыковыми законами и действующими между ними тенденциями. В древневерхненемецком и древнеанглийском языках действовала тенденция ассимиляции гласного глагола к гласному окончанию, проявлением чего, например, является один из видов частичной регрессивной ассимиляции – «умлаут». Распространённость данного явления в обоих языках была не одинаковой: уже в древнеанглийском умлаут был представлен весьма ограниченно, и в дальнейшем наблюдалась тенденция к затуханию. В немецком же ареале умлаут получил развитие, и, начиная со средневерхненемецкого периода, умлаут широко представлен в нём как внутренняя флексия и в словоизменении, и в словообразовании.

В ходе развития близкородственные английский и немецкий языки всё более и более обособлялись, характеризовались новыми тенденциями. Если сравнить их современное состояние с древними периодами, то можно констатировать, что в прошлом они были намного ближе.

Что касается предъявления материала, то представляется, что предъявлять студентам материал только в форме лекционного курса нецелесообразно, так как тогда студенты в лучшем случае примут предложенную информацию к сведению. Мы предлагаем сочетать чисто лекционную форму занятий с элементами семинарских занятий, с предъявлением студентам творческих заданий, позволяющих лучше осмыслить теоретический материал.

В качестве примера приведём наши предложения о том, как можно было бы организовать занятия по проблеме языковых лакун.

Познакомив студентов в лекционной части с основными положениями данной проблемы, при обсуждении на семинаре можно особо выделить следующие случаи:

а) явления могут быть интернациональными, а наименования могут отсутствовать в одном или нескольких языках, например: в русском языке нет слова-эквивалента немецкому *Sitzriese – ein Mensch, der kurze Beine und einen langen Rumpf hat. Wenn er sitzt, scheint er groß zu sein;*

б) отсутствие родового понятия, например, в русском нет наименования *Geschwister. Großeltern, Adoption* (усыновление, удочерение);

в) отсутствие специального слова: *wandern – su Fuß langsam auf Umwegen;*

г) содержание понятия (*Sachverhalt*) реализуется не во всех частях речи: *Kandidat – кандидат, Kandidatur – кандидатура,*

Kandidieren – 0, Verhandlungen – переговоры, Verhandeln – 0, Säge – пила, sägen – пилить, но: Bürste – щётка, bürsten – 0.

Семинарские занятия по разным темам должны строиться не однотипно. Так, чтобы организовать семинарские занятия по теме «Диалекты современного немецкого языка – свидетель близкого родства с английским языком», требуется предварительная заготовка печатного и озвученного иллюстративного материала, который предлагается студентам в сочетании с набором разнообразных заданий, (своеобразная лабораторная работа) либо непосредственно на семинаре, либо заранее. По отдельным темам студентам предлагается ряд научных трудов для реферирования, преимущественно на немецком языке. Содержание этих трудов излагается студентами на семинарском занятии в виде коротких устных докладов.

Конечно, нереально, чтобы на каждом семинарском занятии выступил каждый студент. Поэтому заранее объявляются не только темы теоретического курса, но и вопросы для самостоятельной проработки для того, чтобы студенты могли в соответствии со своими интересами выбрать какой-либо из этих вопросов и подготовиться к выступлению. Количество таких заданий в общей сложности должно соответствовать количеству студентов. На заключительном (зачётном) занятии каждый студент излагает вопрос по любой другой теме. Студентам предлагается также объединиться «по интересам», и зачётное обсуждение материала проводится в образовавшихся группах. Этот вариант уже опробован нами, он вызывает у студентов интерес, позволяет отойти от традиционной формы зачёта и провести его, как нам представляется, в форме, более подходящей для взрослой аудитории.

Л.С. Гуревич

**ДИФФАМАЦИОННЫЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ
СПЛЕТНИ И КЛЕВЕТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ С ПОЗИЦИИ ВНЕШНЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ**

Статья посвящена анализу метакоммуникативных диффамационных предикатов сплетни и клеветы в англоязычном дискурсе. Отмечается, что при смещении фокуса Наблюдателя диффамационного действия происходит сдвиг в семантике метакоммуникативного предиката. В данной статье рассматриваются причины смещения значений предикатов и коммуникативные ситуации, обеспечивающие условия для семантических сдвигов и десемантизации актуализируемых в данных ситуациях глагольных лексем.

Ключевые слова: метакоммуникативные диффамационные предикаты, коммуникативная ситуация, когнитивное пространство, Наблюдатель, десемантизация.

L.S. Gurevich

**METACOMMUNICATIVE DEFAMATORY PREDICATES OF GOSSIP
AND SLANDER IN THE ENGLISH DISCOURSE:
THE OBSERVER VIEW INTERPRETATION**

The article is devoted to the analysis of metacommunicative defamatory predicates of gossip and slander in the English discourse. It states that the shift of the Observer's role in the defamatory action interpretation causes the shift of the verb meaning. The article considers the reasons of it and analyses the communicative situations, providing conditions for semantic shifts and desemantisation of the verb tokens.

Key words: metacommunicative defamatory predicates, a communicative situation, cognitive space, the Observer, desemantisation.

Диффамационный тип речевого взаимодействия представляет достаточно серьезную проблему в коммуникации, поэтому в психологии общения эта проблема занимает особое место. Психолингвисты пытаются разобраться в причинах, заставляющих людей сплетничать и клеветать друг на друга, выявить негативные последствия сплетен и, по возможности, разработать превентивные меры для того, чтобы минимизировать моральный ущерб, наносимый этим действием.

В англоязычном дискурсе клеветническое действие передается рядом синонимичных лексем, таких как *defame*, *smirch*, *aspere*, *denigrate*, *calumniate*, *smear*, *besmirch*, гиперонимом в котором является лексема *slander*. Следует также отметить, что для номинации устной формы клеветы используется вышеназванное языковое соответствие *slander* для фиксированной на бумажном (и другом) носителе (статья, пасквиль, картинка (карикатура), электронное издание и т.д.) – *libel*.

Говоря о метакоммуникативных высказываниях, содержащих предикаты диффамации¹, мы должны отметить некоторые особенности их функционирования в речи, когда глагол оскорбления приобретает предикативный статус. Иными словами, мы рассматриваем их, как и другие метакоммуникативные предикаты, через призму когнитивного пространства Адресанта, – Внешнего Наблюдателя оскорбительно-го речевого действия. Сплетни и клевета воспринимаются им как оскорбление, по крайней мере, по трем причинам: 1) **публичности** критики объекта высказывания, при условии **отсутствия самого объекта** критики, а отсюда при отсутствии возможности для объекта дать оправдательные или корректирующие пояснения в свою защиту; 2) негативного (и /или несоразмерно преувеличенного) характера искажения ис-

ходной информации, касающейся объекта высказывания; 3) нанесения морального ущерба объекту высказывания. Следует также отметить, что в ситуации словесного оскорбления в зоне внимания Наблюдателя находятся: а) содержание речевого высказывания, дающее наблюдателю основание идентифицировать его как оскорбление и б) состояние «оскорбленности» (обида) у объекта высказывания. На основании сопоставления и совмещения этих двух компонентов наблюдатель идентифицирует речевое действие как оскорбление. В противном случае мы можем иметь дело с противоречивыми ситуациями, когда при отсутствии оскорбительного действия мы наблюдаем перлокутивный эффект оскорбленности у адресата (*Он не сказал ничего оскорбительного в ее адрес, а она на что-то обиделась*), или же при наличии вербального оскорбления мы не обнаруживаем у адресата должного перлокутивного эффекта (*Он назвал ее самым обидным для женщины словом, а она даже и бровью не повела!*).

В ситуации клеветы или сплетни в фокусе внимания наблюдателя находятся несколько иные компоненты, чем в самой ситуации оскорбления. Это: а) содержание высказывания, причем особое внимание уделяется прагматическому аспекту высказывания; б) реальная ситуация, являющаяся объектом сплетни. Наблюдатель соотносит оба компонента, определяя их на предмет совпадения /несовпадения, и, выявив ряд неточных или заведомо неверных сведений негативного характера о ком-либо, идентифицирует ситуацию **как распускание сплетен** (*gossiping*), а при обнаружении явной лжи и умышленного характера нанесения морального ущерба объекту высказывания **как клевету** (*slandering*). Для сопоставления двух компонентов высказывания наблюдателю не обязательно владеть достоверной информацией, касающейся

¹ Диффамация – критическое замечание, не имеющее под собой реальной, подтвержденной неопровержимыми фактами основы.

объекта сплетни или клеветы, актуальный и виртуальный денотаты ситуаций¹ сосуществуют в когнитивном пространстве индивида в тесном взаимодействии и имеют тенденцию к компенсации недостающих элементов из резервов друг друга. Возьмем в качестве примера следующую ситуацию:

The daughters were good scholars, and favorites in the school, so long as the mother was able to maintain them there. A young man, the nephew and clerk of a wealthy but miserly merchant, became acquainted with the daughters, and was specially attentive to the older one. The uncle disapproved of the conduct of his nephew, and failing to control it by honorable means, resorted to the circulation of the vilest slanders against mother and daughters (Indictment against Susan B. Anthony. District Court of the United States of America). – Дочери были прилежными ученицами и любимицами в школе до тех пор, пока их мать могла их там содержать. Молодой человек, племянник и торговый служащий у одного богато-го, но скупого лавочника, познакомился с дочерьми и проявил особое внимание к старшей из них. Дядя не одобрил поведения своего племянника и, пренебрегая достойными средствами, чтобы повлиять на ситуацию, пустил грязную клевету в адрес матери и дочерей.

Автор не указывает, какую конкретно клевету пустил лавочник о женщинах, однако описание их всяческих достоинств, свидетельствующих о том, что в когнитивном пространстве автора присутствует исключительно положительный образ оных, не позволяет ни самому автору, ни читателю предположить, что они могли совершить нечто предосудительное, позорящее честь и достоинство женщины. Ему и не нужно знать, совершили ли они в действительности то, о чем говорилось в клевете; положи-

тельный образ героинь, знание стереотипов их поведения позволяют прогнозировать ситуацию таким образом (создание виртуального денотата за счет резервных элементов актуального денотата), что все сказанное о них воспринимается как ложь, навет.

Метакоммуникативные предикаты диффамации представляют собой суждение, и основная мысль, которая имплицитно выражается Наблюдателем и Адресантом метакоммуникативного высказывания, заключается в следующем: «Я не согласен с тем, что говорят об объекте высказывания. Это явная ложь, порочащая его доброе имя». Несогласие может быть вербализовано разными средствами и способами. Нередко оно выражается посредством контрастного изображения автора клеветы и ее объекта, где отрицательный портрет принадлежит, безусловно, ее автору:

The young may be slandered as “kooks” and “societal misfits” by frightened, demagogic old men, but that will not scare them. – Запуганные и склонные к демагогии старики могут оклеветать молодое поколение, назвав его «тупыми сопляками» и «никудыхами», но это его не испугает.

В данной ситуации авторы клеветнического высказывания представлены в невыгодном свете, ставящем под сомнение правомерность и справедливость их суждения, в то время как объект высказывания описывается в нейтральных тонах без отрицательно-оценочных определений.

В ситуациях, когда Адресант₁ совпадает с Объектом клеветы (Наблюдатель-Экспериментер), основной стратегией Адресанта₁ становится реабилитация в глазах окружающих, а одной из ведущих тактик, помогающих достичь данной цели, является дискредитация автора клеветнического замечания:

¹ На основании анализа публикаций, посвященных особенностям человеческого мышления, и собственных умозаключений, мы можем утверждать, что ментальные модели индивида содержат элементы реального денотата – отражение в сознании реальных характеристик объекта действительности – и виртуального денотата – собирательного образа прототипического объекта реальной действительности.

Thomas Jefferson: I will not have my reputation slandered by a man whose history – from the moment that history stooped to notice him – is a fabric of machinations against the liberty of this country (http://www.pbs.org/wgbh/amex/hamilton/program/hamilton_11_trans.html).

– **Томас Джефферсон: Я не позволю запятнать мою репутацию человеку, чья биография – с того момента, как история снизошла до того, чтобы заметить его – является сетью интриг против свободы своей страны.**

Доказывая, что автор клеветы – нечестный и непорядочный человек, Адресант₁ тем самым дает понять окружающим, что не стоит ждать от него справедливых и правдивых замечаний, поэтому, что бы тот ни сказал, всё будет заведомой ложью.

Как любое авторское суждение, метакоммуникативное высказывание диффамационного характера требуют доказательств своей правомерности. По этой причине Адресант сознательно или неосознанно предоставляет факты, оправдывающие его заявление о клевете. Несоответствие истине, лживость высказывания, и, следовательно, клевета, могут быть доказаны, в частности, с помощью обнаружения противоречий в клеветническом высказывании:

He came back – he gave testimony in which some people say he slandered his fellow vets by calling them war criminals. – Он вернулся, он дал показания, в которых, как говорят некоторые люди, он оклеветал своих бывших однополчан, ветеранов вьетнамской войны, назвав их военными преступниками.

Противоречие, которое опровергает истинность всего высказывания, заключается в том, что, будучи однополчанином ветеранов, и, следовательно, неся все бремя ответственности за содеянное поровну с ними, автор, тем не менее, исключает себя из списка виновных, перекладывая общую вину на их плечи.

Неправомерно считать, что заявление о клевете обязательно преследует толь-

ко стратегию дискредитации клеветника. Иногда первостепенной коммуникативной задачей Адресанта₁ становится положительная саморепрезентация, как в следующем примере:

I am indignant at Bill Moyers' description of our president. He can criticize his policy but he slandered him with his description in the article about Rove . . . (Suzanne Allen, Wagram, NC). – Я возмущена тем, как Билл Мойерс описывает нашего президента. Он может критиковать его политику, но он оклеветал его в своем описании в статье о Рове...

Выражая благородное возмущение по поводу клеветы, направленной на высокую персону, автор, тем самым, повышает уровень собственной значимости как в собственных глазах, так и в глазах окружающих. Истинным благородством могло бы стать, например, заступничество за слабого и нуждающегося в защите человека, которое вдобавок могло бы быть чреватым для заступника негативными последствиями. В данном же случае, автор, ничем не рискуя, выражает поддержку лицу, не нуждающемуся в ней. Таким образом, мотивация речевого поступка указывает однозначно на то, что посредством метакоммуникативного высказывания актуализируется стратегия положительной саморепрезентации Адресанта.

Искренность /неискренность сочувствия жертве клеветы проявляется не только посредством вычленения мотивации, но и посредством актуализации определенных моментов диалогического дискурса, а именно: акцентирование внимания на отрицательных характеристиках клеветы и на страданиях ее жертвы, как в следующем высказывании:

She has been slandered, subjected to malicious gossip, despised and persecuted in this provincial little town, and she has suffered as a result. – Ее оклеветали, подвергли злым сплетням, презрению и преследованиям в этом маленьком провинциальном городке и, в результате, страданиям.

Предикат *to slander* не всегда отражает негативное оценочное суждение Адресанта₁ в отношении личности Адресанта₂. Иногда он передает всего лишь категоричное несогласие с точкой зрения Адресанта₂ без оценки самого говорящего, как в следующем примере:

The scandal is enough to revive enmity in the descendants of Sir John Oldcastle, slandered by Shakespeare in early versions of Henry IV Part 1 (<http://www.pbs.org/shakespeare/events/event236.html>). – Этого одного скандала достаточно для того, чтобы возобновить вражду между потомками сэра Джона Олдкасла, оклеветанного Шекспиром в ранней версии «Генриха IV» (Часть 1).

В данном предложении мы наблюдаем частичную десемантизацию предиката *to slander*, в котором отсутствует компонент намеренности нанесения морального ущерба и который соответствует значению «неверно представить информацию об объекте».

Как нам удалось выяснить, такой частичной десемантизации подвержен данный предикат чаще всего в тех случаях, когда у Адресанта₁ и Адресанта₂ нет точек межличностного соприкосновения, нет повода для личной вражды или обиды, т.е. отсутствует личностная мотивация преднамеренного нанесения морального ущерба объекту высказывания. В этом случае иллюкутивная сила предиката значительно снижена, а глагол в таких контекстах синонимичен глаголу *misinform*.

Смягчение отрицательной оценки личности Адресанта₂ при отсутствии личной мотивации для обиды или ненависти к нему может осуществляться за счет перенесения ответственности за клевету с индивида на класс субъектов, к которому данный индивид принадлежит (к богатым, знатным, политикам, мужскому населению, человечеству в целом и т.д.), как в следующей ситуации:

I think Bill Moyer should apologize to Karl Rove, but he should wait for Karl to

apologize to all those he has slandered over the last 20 years or so first. Since being a Republican means never having to say you sorry (or wrong), I think this might take a bit. – Я считаю, что Биллу Мойеру следует извиниться перед Карлом Ровом, но он должен подождать, пока тот не извинится сначала перед всеми теми, кого он оклеветал за последние 20 лет. Так как быть республиканцем означает никогда не извиняться и не признавать собственных ошибок, я думаю, что ждать ему придется долго.

В данном случае вина за клевету перекладывается Адресантом₁ с Карла Рова на всех республиканцев, принадлежность к которым оправдывает такой стиль поведения.

Частичной десемантизации подвержен данный предикат и в юридических контекстах, где в первую очередь актуализируется уже другой семантический признак – «нанесение морального ущерба»:

If a married woman is slandered she can prosecute in her own name the slanderer, and recover to her own use damages for the injury (Argument of Mr. Selden for the Defendant: http://www.pbs.org/stantonanthony/resources/index.html?body=us_vs_anthony.html). – Если замужнюю женщину оклеветали, она может подать в суд на клеветника от собственного имени и возместит моральный ущерб за нанесенное ей оскорбление.

Идентификация клеветы в юридических контекстах осуществляется через детерминанты: ФАКТ (FACT) /МНЕНИЕ (OPINION); ПРАВДА (TRUTH) /ВЫМЫСЕЛ (FALSE STATEMENT). Доказательством клеветы является доминирование в определении действий клеветника детерминанта ФАКТ, а в определении содержания высказывания – ВЫМЫСЕЛ. В каждой стране свои критерии определения клеветы и мера ответственности за нее. Например, в американском законодательстве клевета (*libel*) определяется наличием пяти ключевых моментов: 1) публикация пороча-

щей информации (ФАКТ); 2) узнаваемость (прямая или косвенная) объекта клеветы (ФАКТ); 3) дискредитация репутации объекта клеветы (ФАКТ); 4) лживость опубликованной информации (ВЫМЫСЕЛ); 5) виновность клеветника (ФАКТ). Только при выполнении всех пяти условий обвинения высказывание признается клеветой. Поэтому в юридическом дискурсе, в отличие от общекоммуникативного дискурса, не наблюдается семантических сдвигов в употреблении предикатов клеветы, отсутству-

ет «значение говорящего» (термин П.Ф. Стросона), и не наблюдается актуализации окказиональных значений.

Таким образом, «значение говорящего», а именно, соотношение позиций Наблюдателя и Деятеля (Адресанта) в метакоммуникативном высказывании диффамационного характера, влияет на актуализацию значения глагольной лексемы, расширяя спектр функционирования её значений от прототипической реализации до частичной или полной десемантизации.

Литература

Strawson P. F. Meaning and Truth // Philosophy as it is / Honderich T., Burnyeat M. (eds.). – London: Oxford University Press, 1970. – 32 p.

Гуревич Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. – 372 с.

КВАНТИТАТИВНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ КНИГ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

На основе кумулятивных длин слов и их частот исследованы следующим характеристикам: кумулятивные длины слов (КДС) и их частоты (КЧС); зависимость кумулятивных длин слов и их частоты от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины; зависимость среднего значения кумулятивных длин слов и их частоты компьютерного квантитативного лексического кроссингвера (ККЛК) от последовательности книг; зависимость натурального логарифма КДС и натурального логарифма КЧС для ККЛК от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины; зависимость отношения относительных скоростей КДС и КЧС от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины; моделирование компьютерной точки ККЛК кумулятивных длин и частот слов по линейному и степенному уравнениям; параметры точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера: координаты точки ККЛК, отношение координат точки ККЛК натурального логарифма КДС к натуральному логарифму КЧС; отношение относительных скоростей КДС к КЧС и значение точки ККЛК показана близость и различие книг Ветхого завета по перечисленным характеристикам.

Ключевые слова: квантитативная лексикология, кумулятивная длина слов, кумулятивная частота слов, компьютерный квантитативный лексический кроссингвер, отношение относительных скоростей кумулятивной длины слов и частоты от последовательности книг, Ветхий завет, моделирование, линейная зависимость, степенная зависимость, относительные скорости, координаты точки, близость и различие книг Ветхого завета.

Yu.N. Klimov

QUANTITATIVE LEXICOLOGY BOOKS OF THE OLD TESTAMENT

On the basis of cumulative lengths of words and their frequencies are investigated to the following characteristics: cumulative lengths of words (CLW) and their frequencies (CFW); dependence of cumulative lengths of words and their frequencies from sequence of books, since the greatest researched size; dependence of average value of cumulative lengths of words and their frequencies computer quantitative lexical crossingover (CQLC) from sequence of books; dependence of natural logarithm CLW and natural logarithm CFQ for CQLC from sequence of books, since the greatest researched size; dependence of the relation of relative speeds CLQ and CFW from sequence of books, since the greatest researched size; modeling of computer point CQLC of cumulative lengths and frequencies of words on the linear and sedate equations; parameters of a point computer quantitative lexical crossingover: coordinates of point CQLC, the relation of coordinates of point CQLC of natural logarithm CLW to natural logarithm CFW; the attitude(relation) of relative speeds CLW to CFW and value of point CQLC the affinity of books of the Old Testament under the listed characteristics is shown.

Key words: quantitative lexicology, cumulative length of words, cumulative frequency of words, computer quantitative lexical crossingover, the relation of relative speeds of cumulative length of words and frequencies from sequence of books, the Old Testament, modeling, linear dependence, sedate dependence, relative speeds, coordinates of a point, affinity and distinction of books of the Old Testament.

Исследование квантитативной лексикологии книг Ветхого завета [Библия] для выявления их сходства и различия проводили по методике [Antony L, 2005] по следующим характеристикам:

- кумулятивные длины слов (КДС) и их частоты (КЧС);
- зависимость кумулятивных длин слов и их частоты от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины;
- зависимость среднего значения кумулятивных длин слов и их частоты компьютерного квантитативного лексического кроссингвера (ККЛК) от последовательности книг;
- зависимость натурального логарифма КДС и натурального логарифма КЧС для ККЛК от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины;
- зависимость отношения относительных скоростей КДС и КЧС от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины;
- моделирование компьютерной точки ККЛК кумулятивных длин и частот слов по линейному и степенному уравнениям;
- параметры точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера (ККЛК): координаты точки ККЛК, отношение координат точки ККЛК натурального логарифма КДС к натуральному логарифму КЧС; отношение относительных скоростей КДС к КЧС и значение точки ККЛК;
- близость книг Ветхого завета по перечисленным характеристикам.

Полученные результаты по кумулятивным длинам слов и их частотам в Ветхом завете приведены в табл. 1, где N – объем текста, V – объем словаря и соответствующие им натуральные логарифмы.

Показано, что по кумулятивной длине слов (КДС), начиная с наибольшей величины, книги Ветхого завета располагались сле-

дующим образом: Книга Исайи, Псалтирь, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Бытие, Вторая книга Паралипоменон, Исход, Книга Иова, Второзаконие, Числа, Первая книга Паралипоменон, Первая книга Царств, Третья книга Царств, Притчи Соломона, Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств, Книга Даниила, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Вторая книга Ездры, Левит, Книга Неемии, Книга Есфирь, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Амоса, Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоила, Книга Малахии, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Наума, Книга Ионы, Книга Аггея и Книга Авдия с длиной слов от 50192 (Книга Исайи) до 1559 (Книга Авдия) с соответствующими натуральными логарифмами от 10,8240 до 7,3518.

Близкие значения КДС получены для следующих книг:

Книга Исайи, Псалтирь, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Бытие, Вторая книга Паралипоменон, Исход, Книга Иова, Второзаконие, Числа, Первая книга Паралипоменон, Первая книга Царств, Третья книга Царств, Притчи Соломона Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств;

Книга Даниила, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Вторая книга Ездры, Левит, Книга Неемии, Книга Есфирь, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Екклесиаста;

Книга Амоса, Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоила, Книга Малахии, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Наума;

Книга Ионы, Книга Аггея и Книга Авдия.

Далее по объему текста, начиная с наибольшей величины, книги Ветхого завета располагались следующим образом: Псалтирь, Книга Иеремии, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Исайи, Исход, Числа, Второзаконие, Вторая книга Паралипоменон, Первая книга Царств, Третья книга Царств, Левит, Четвертая книга Царств, Вторая книга

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таблица 1.

Характеристики кумулятивных длин слов, объемов объема текста и словаря в Ветхом завете

№ пп	Текст	КДС	N	V	Ln КДС	Ln N	Ln V
1	Бытие	33567	29336	4939	10,4213	10,2866	8,5049
2	Исход	28687	23721	4145	10,2642	10,0741	8,3297
3	Левит	18517	17108	2676	9,82644	9,7473	7,8921
4	Числа	27800	22915	3980	10,2328	10,0395	8,289
5	Второзаконие	27964	21542	3945	10,2387	9,97776	8,2802
6	Книга Иисуса Навина	19881	14227	2994	9,8975	9,5629	8,0044
7	Книга Судей Израилевых	21319	13765	3165	9,9673	9,5298	8,0599
8	Руфь	4349	1926	731	8,3777	7,5632	6,5944
9	Первая книга Царств	26082	19207	3794	10,1690	9,8630	8,2412
10	Вторая книга Царств	23982	15584	3496	10,0851	9,6540	8,1594
11	Третья книга царств	25891	18387	3750	10,1617	9,8194	8,2295
12	Четвертая книга Царств	24003	16820	3484	10,0859	9,7303	8,1559
13	Первая книга Паралипоменон	26928	14379	4023	10,2009	9,5735	8,2998
14	Вторая книга Паралипоменон	29382	19406	4095	10,2881	9,8733	8,3175
15	Книга Ездры	11549	5228	1690	9,3543	8,5617	7,4325
16	Книга Неемии	16133	7581	2355	9,6886	8,9334	7,7643
17	Книга Есфирь	13024	5852	1831	9,4745	8,6745	7,5126
18	Вторая книга Ездры	18585	8075	2603	9,8301	8,9965	7,8644
19	Книга Иова	28508	13448	4086	10,257	9,5065	8,3153
20	Псалтирь	45598	30536	6187	10,7276	10,3267	8,7302
21	Притчи Соломона	25585	10909	3518	10,1498	9,2973	8,1656
22	Книга Екклесиаста	8943	4161	1373	9,0986	8,3335	7,2248
23	Книга Песни Песней Соломона	5525	1927	863	8,6170	7,5637	6,7604
24	Книга Исайи	50192	25760	6838	10,8236	10,1566	8,8303
25	Книга Иеремии	41928	30433	5804	10,6437	10,3233	8,6663
26	Книга Иезекииля	38134	28383	5313	10,5489	10,2535	8,5779
27	Книга Даниила	21360	11264	3052	9,9692	9,3293	8,0236
28	Книга Осии	9668	3741	1466	9,1765	8,2271	7,2903
29	Книга Иоила	4347	1393	691	8,3772	7,2392	6,5381
30	Книга Амоса	7710	2972	1187	8,9502	7,9969	7,0792
31	Книга Авдия	1559	467	262	7,3518	6,1463	5,5683
32	Книга Ионы	2644	984	461	7,8800	6,8916	6,1334
33	Книга Михея	6594	2178	1032	8,7939	7,6861	6,9393
34	Книга Наума	3329	866	518	8,1104	6,7638	6,2500
35	Книга Аввакума	3832	1056	598	8,2511	6,9622	6,3936
36	Книга Софонии	3815	1087	595	8,2467	6,9911	6,3886
37	Книга Аггея	2170	792	364	7,6824	6,6745	5,8972
38	Книга Захарии	9998	4463	1530	9,2101	8,4035	7,3330
39	Книга Малахии	3880	1307	605	8,2635	7,1754	6,4052
40	Плач Иеремии	7039	2363	1078	8,8592	7,7676	6,9829

Царств, Первая книга Паралипоменон, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Книга Иова, Книга Даниила, Притчи Соломона, Вторая книга Ездры, Книга Неемии, Плач Иеремии, Книга Есфирь, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Осии, Книга Амоса, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоиля, Книга Малахии, Книга Софонии, Книга Аввакума, Книга Ионы, Книга Наума, Книга Аггея и Книга Авдия от 30536 (Псалтирь) до 467 (Книга Авдия) с соответствующими натуральными логарифмами от 10,3267 до 6,1463.

Близкие значения объемов текстов получены для следующих книг:

Псалтирь, Книга Иеремии, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Исаяи, Исход, Числа, Второзаконие;

Вторая книга Паралипоменон, Первая книга Царств, Третья книга Царств, Левит, Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств, Первая книга Паралипоменон, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Книга Иова, Книга Даниила, Притчи Соломона;

Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Осии;

Книга Амоса, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоиля, Книга Малахии;

Книга Софонии, Книга Аввакума, Книга Ионы, Книга Наума, Книга Аггея и Книга Авдия.

Найдено, что по объему словаря, начиная с наибольшей величины, книги Ветхого завета располагались следующим образом: Книга Исаяи, Псалтирь, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Бытие, Исход, Вторая книга Паралипоменон, Книга Иова, Первая книга Паралипоменон, Числа, Второзаконие, Первая книга Царств, Третья книга Царств, Притчи Соломона, Вторая книга Царств, Четвертая книга Царств, Книга Судей Израилевых, Книга Даниила, Книга Иисуса Навина, Левит, Вторая книга Ездры, Книга Неемии, Книга Есфирь, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Амоса, Плач Иеремии, Книга Михея,

Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоиля, Книга Малахии, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Наума, Книга Ионы, Книга Аггея и Книга Авдия от 6838 (Книга Исаяи) до 262 (Книга Авдия) с соответствующими натуральными логарифмами от 8,8303 до 5,5683.

Близкие значения по объему словаря получены для книг:

Книга Исаяи, Псалтирь, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Бытие, Исход, Вторая книга Паралипоменон, Книга Иова, Первая книга Паралипоменон, Числа, Второзаконие, Первая книга Царств, Третья книга Царств, Притчи Соломона, Вторая книга Царств, Четвертая книга Царств, Книга Судей Израилевых, Книга Даниила, Книга Иисуса Навина;

Вторая книга Ездры, Книга Неемии, Книга Есфирь, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Амоса;

Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоиля, Книга Малахии, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Наума, Книга Ионы;

Книга Аггея и Книга Авдия.

По отношению объема словаря к объему текста, начиная с наибольшей величины, книги Ветхого завета располагались следующим образом: Книга Наума, Книга Аввакума, Книга Авдия, Книга Софонии, Книга Иоиля, Книга Михея, Книга Ионы, Книга Малахии, Книга Аггея, Плач Иеремии, Книга Песни Песней Соломона, Книга Амоса, Книга Осии, Руфь, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Ездры, Притчи Соломона, Вторая книга Ездры, Книга Есфирь, Книга Неемии, Книга Иова, Первая книга Паралипоменон, Книга Даниила, Книга Исаяи, Книга Судей Израилевых, Вторая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Книга Иисуса Навина, Четвертая книга Царств, Третья книга царств, Псалтирь, Первая книга Царств, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Второзаконие, Исход, Числа, Бытие и Левит от 0,5982 (Книга Наума) до 0,1564 (Левит).

Близкие значения отношения объема словаря к объему текста получены для книг:

Книга Наума, Книга Аввакума, Книга Авдия, Книга Софонии;

Книга Иоиля, Книга Михея, Книга Ионы, Книга Малахии, Книга Аггея, Плач

Иеремии, Книга Песни Песней Соломона;

Книга Амоса, Книга Осии, Руфь, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Ездры, Притчи Соломона, Вторая книга Ездры, Книга Есфирь, Книга Неемии, Книга Иова;

Первая книга Паралипоменон, Книга Даниила, Книга Исаяи, Книга Судей Израилевых, Вторая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Книга Иисуса Навина, Четвертая книга Царств, Третья книга царств, Псалтирь;

Первая книга Царств, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Второзаконие;

Исход, Числа, Бытие и Левит.

Далее проводили моделирование величины натурального логарифма КДС от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины (рис.1) по линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям, полиномам второй и третьей степени, которые представлены следующим образом: $y = 12,2580x^{-0,0960}$, $R^2 = 0,6556$; $y = -0,8970 \ln(x) + 11,937$, $R^2 = 0,6900$; $y = 11,207e^{-0,0080x}$, $R^2 = 0,9262$; $y = -0,0784x + 11,0710$, $R^2 = 0,9446$; $y = -0,0016x^2 - 0,0128x + 10,6110$, $R^2 = 0,9865$ и $y = -2E-05x^3 - 0,0002x^2 - 0,0363x + 10,6970$, $R^2 = 0,9874$. КДС от последовательности книг Ветхого завета описываются линейным, экспоненциальным уравнениями, полиномами второй и третьей степени с относительной скоростью по степенному уравнению $-0,0960$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скоростью $-0,0080x$.

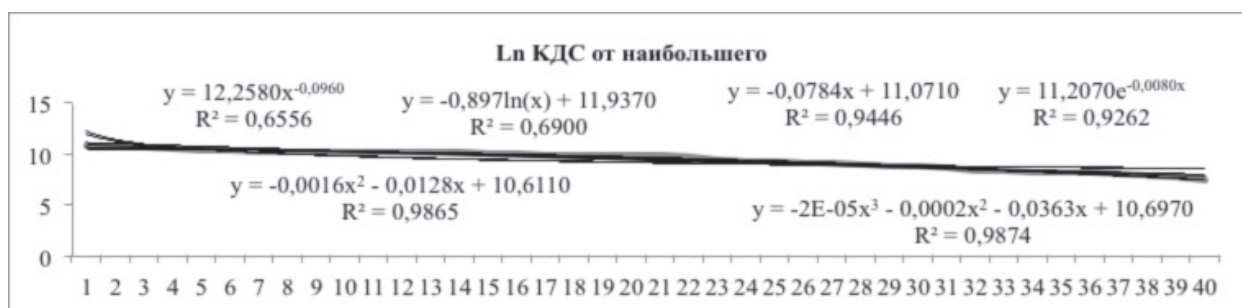
Затем моделировали величину натурального логарифма объемов текстов от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины (рис. 2) по линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям,

полиномам второй и третьей степени, которые представлены следующим образом: $y = 12,6690x^{-0,1360}$, $R^2 = 0,6346$; $y = -1,1760 \ln(x) + 12,0320$, $R^2 = 0,6767$; $y = 11,195e^{-0,0120x}$, $R^2 = 0,9274$; $y = -0,0021x^2 - 0,0179x + 10,3210$, $R^2 = 0,9934$; $y = -0,1042x + 10,9250$, $R^2 = 0,9520$; $y = 2E-05x^3 - 0,0030x^2 - 0,0023x + 10,2640$, $R^2 = 0,9936$ и $y = 2E-05x^3 - 0,0030x^2 - 0,0023x + 10,2640$, $R^2 = 0,9936$ от последовательности книг Ветхого завета описываются экспоненциальным, линейным уравнениями, полиномами второй и третьей степени с относительной скоростью по степенному уравнению $-0,1360$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скорости $-0,0120x$.

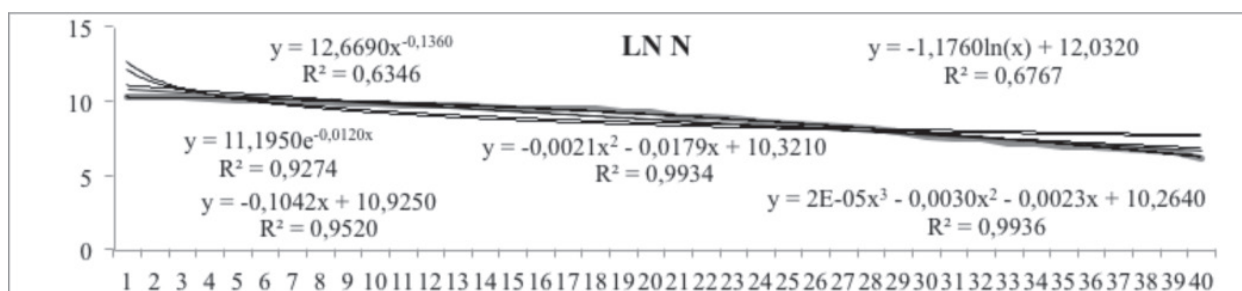
После этого моделировали величину натурального логарифма объемов словарей от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, (рис.3) по линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям, полиномам второй и третьей степени, которые представлены следующим образом: $y = 10,2550x^{-0,1130}$, $R^2 = 0,6498$; $y = -0,8440 \ln(x) + 9,8895$, $R^2 = 0,6900$; $y = 9,2299e^{-0,0100x}$, $R^2 = 0,9247$; $y = -0,0739x + 9,0754$, $R^2 = 0,9466$; $y = -0,0015x^2 - 0,0125x + 8,6459$, $R^2 = 0,988$ и $y = -2E-05x^3 - 0,0004x^2 - 0,0305x + 8,7109$, $R^2 = 0,9885$ с относительной скоростью по степенному уравнению $-0,1130$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скорости $-0,0100x$.

Перейдем к параметрам точки компьютерного лексического кроссинговера (ККЛК): координаты средней точки ККЛК КДС и КЧС, координаты точки ККЛК $\ln$ КДС и $\ln$ КЧС, отношение относительных скоростей $V_{\text{КДС}}/V_{\text{КЧС}}$ к величине точки компьютерного лексического кроссинговера.

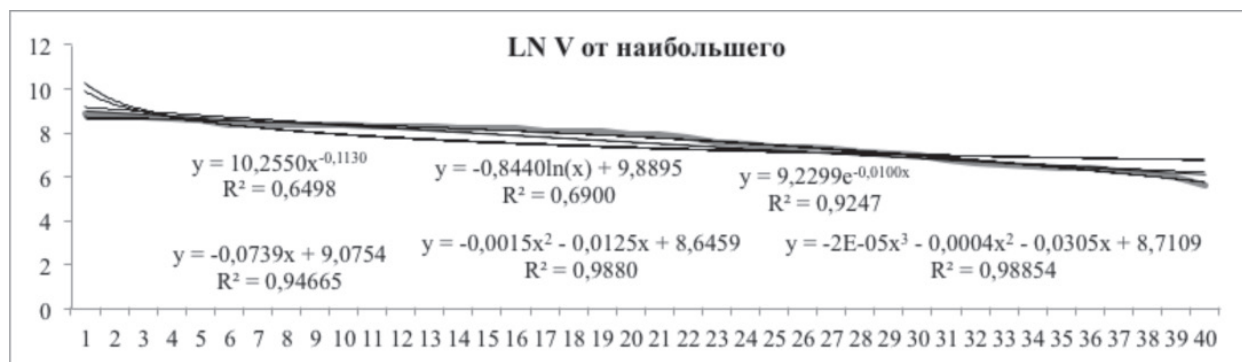
По координатам средней точки ККЛК КДС и КЧС последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, они располагались следующим образом: Бытие, Книга Иеремии, Псалтирь, Книга Иезекииля, Исход, Числа, Книга Исаяи, Второзаконие, Первая книга Царств, Вторая

Рис.1. Моделирование натурального логарифма КДС от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины.

Рис.2. Моделирование натурального логарифма объемов текстов от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины.

Рис.3. Моделирование натурального логарифма объемов словарей от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины.

книга Паралипоменон, Левит, Третья книга царств, Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Книга Амоса, Первая книга Паралипоменон, Книга Иова, Книга Даниила, Притчи Соломона, Книга Есфирь, Книга Неемии, Вторая книга Ездры, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Осии, Плач Иеремии, Руфь, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Книга Малахии, Книга Иоила, Книга Ионы, Книга Софонии, Книга Аввакума, Книга Аггея, Книга Наума и Книга Авдия от 28003 (Бытие) до 128 (Книга Авдия).

Близкие значения отношению объема словаря к объему текста получены для следующих книг:

Бытие, Книга Иеремии, Псалтирь, Книга Иезекииля, Исход;

Числа, Книга Исаяи, Второзаконие, Первая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Левит, Третья книга царств, Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Книга Амоса, Первая книга Паралипоменон, Книга Иова, Книга Даниила;

Притчи Соломона, Книга Есфирь, Книга Неемии, Вторая книга Ездры, Книга

Ездры, Книга Захарии;

Книга Екклесиаста, Книга Осии, Плач Иеремии;

Руфь, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Книга Малахии, Книга Иоила, Книга Ионы;

Книга Софонии, Книга Аввакума, Книга Аггея, Книга Наума.

Перейдем к полученным результатам по исследованию точки компьютерного количественного лексического кроссинговера книг Ветхого завета (табл.2).

По натуральному логарифму КДС последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, они располагались следующим образом: Книга Наума, Книга Авдия, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Иоила, Книга Аггея, Книга Малахии, Книга Ионы, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Плач Иеремии, Руфь, Книга Амоса, Книга Осии, Книга Есфирь, Притчи Соломона, Книга Ездры, Вторая Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Неемии, Книга Иова, Книга Даниила, Первая книга Паралипоменон, Книга Исайи, Книга Судей Израилевых, Вторая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Книга Иеремии, Псалтирь, Третья книга царств, Четвертая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Книга Иезекииля, Первая книга Царств, Второзаконие, Исход, Числа и Бытие от 1,0865 (Книга Наума) до 0,8583 (Бытие).

Ближние значения по натуральному логарифму КДС последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, имели книги:

Книга Наума, Книга Авдия, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Иоила, Книга Аггея, Книга Малахии, Книга Ионы, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Плач Иеремии;

Руфь, Книга Амоса, Книга Осии, Книга Есфирь, Притчи Соломона, Книга Ездры, Вторая Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Неемии, Книга Иова, Книга Даниила, Первая книга Паралипоменон, Книга Исайи;

Книга Судей Израилевых, Вторая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Книга Иеремии, Псалтирь, Третья книга царств, Четвертая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Книга Иезекииля, Первая книга Царств, Второзаконие, Исход, Числа и Бытие.

По натуральному логарифму КЧС последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, они располагались следующим образом: Книга Авдия, Книга Наума, Книга Аггея, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Ионы, Книга Иоила, Книга Малахии, Книга Песни Песней Соломона, Книга Михея, Плач Иеремии, Руфь, Книга Амоса, Книга Осии, Книга Ездры, Вторая книга Ездры, Книга Екклесиаста, Книга Захарии, Книга Неемии, Книга Есфирь, Притчи Соломона, Книга Даниила, Первая книга Паралипоменон, Книга Иова, Вторая книга Царств, Книга Судей Израилевых, Третья книга царств, Книга Иисуса Навина, Книга Исайи, Вторая книга Паралипоменон, Четвертая книга Царств, Первая книга Царств, Исход, Числа, Второзаконие, Книга Иезекииля, Псалтирь, Книга Иеремии, Бытие и Левит от 0,8638 (Книга Авдия) до 0,4473 (Левит).

Ближние значения по натуральному логарифму КЧС последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, имели книги:

Книга Авдия, Книга Наума, Книга Аггея;

Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Ионы, Книга Иоила, Книга Малахии, Книга Песни Песней Соломона, Книга Михея, Плач Иеремии, Руфь;

Книга Амоса, Книга Осии, Книга Ездры, Вторая книга Ездры, Книга Екклесиаста, Книга Захарии, Книга Неемии, Книга Есфирь, Притчи Соломона;

Книга Даниила, Первая книга Паралипоменон, Книга Иова, Вторая книга Царств, Книга Судей Израилевых, Третья книга царств, Книга Иисуса Навина, Книга Исайи, Вторая книга Паралипоменон, Четвертая книга Царств, Первая книга Царств, Исход,

Таблица 2.

Параметры точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера в Ветхом завете

№ пп	Текст	Параметры точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера			
		Координаты средней точки ККЛК КДС и КЧС	Координаты точки ККЛК Ln КДС и Ln КЧС	Отношение отн. скоростей VKДС/ VKЧС	Точка ККЛК
1	Бытие	28003-28002	0,8583/0,5315	5,1058	3605
2	Исход	22326-22328	0,8642/0,5469	4,6909	2752
3	Левит	16594-16593	0,8509/0,4473	4,3207	2161
4	Числа	21553-21555	0,8629/0,5439	4,6215	2620
5	Второзаконие	19990-19984	0,8655/0,5438	4,9545	2387
6	Книга Иисуса Навина	12747-12750	0,8778/0,5607	4,1694	1517
7	Книга Судей Израилевых	11917-11915	0,8884/0,5633	4,2024	1345
8	Руфь	1096-1096	0,9647/0,7062	2,4702	107
9	Первая книга Царств	17440-17445	0,8738/0,5510	4,7864	2032
10	Вторая книга Царств	13593-13591	0,8872/0,5649	4,4664	1503
11	Третья книга царств	16520-16518	0,8806/0,5612	4,3421	1881
12	Четвертая книга Царств	15046-15047	0,8782/0,5511	4,5856	1711
13	Первая книга Паралипоменон	11208-11209	0,9151/0,5863	4,1441	1162
14	Вторая книга Паралипоменон	17148-17148	0,8859/0,5580	4,6028	1837
15	Книга Ездры	3522-3520	0,9436/0,6496	3,1290	328
16	Книга Неемии	5399-5397	0,9339/0,6270	3,4300	517
17	Книга Есфирь	5628-5629	0,9426/0,6254	3,6064	503
18	Вторая книга Ездры	4066-4065	0,9421/0,6466	3,2178	362
19	Книга Иова	10106-10111	0,9227/0,5793	4,4820	988
20	Псалтирь	27231-27231	0,8827/0,5428	5,1639	2882
21	Притчи Соломона	7574-7574	0,9426/0,6163	3,6138	677
22	Книга Екклесиаста	2905-2901	0,9342/0,6351	3,2740	284
23	Книга Песни Песней Соломона	876-877	1,0040/0,7402	3,2770	77
24	Книга Исаяи	20610-20610	0,9129/0,5586	4,9579	1993
25	Книга Иеремии	27735-27734	0,8830/0,5366	5,3615	3105
26	Книга Иезекииля	25999-25999	0,8753/0,5435	5,0585	2929
27	Книга Даниила	8741-8742	0,9153/0,5951	3,8962	866

28	Книга Осии	2282-2284	0,9642/0,6619	3,1744	208
29	Книга Иоилия	525-526	1,0280/0,7620	2,2790	44
30	Книга Амоса	1792-1793	0,9645/0,6665	3,0729	168
31	Книга Авдия	127-129	1,0743/0,8638	1,8212	11
32	Книга Ионы	416-414	1,0051/0,7631	2,2038	40
33	Книга Михея	1042-1040	1,0050/0,7209	2,5238	93
34	Книга Наума	251-250	1,0865/0,8253	2,0413	20
35	Книга Аввакума	335-338	1,0654/0,7980	2,1330	28
36	Книга Софонии	380-383	1,0535/0,7867	2,2053	31
37	Книга Аггея	254-256	1,0266/0,8036	1,9548	22
38	Книга Захарии	3025-3027	0,9379/0,6318	3,4330	295
39	Книга Малахии	604-604	1,0103/0,7458	2,4094	51
40	Плач Иеремии	1133-1137	1,0017/0,7199	2,4540	100

Числа, Второзаконие, Книга Иезекииля, Псалтирь, Книга Иеремии, Бытие и Левит.

По отношению относительных скоростей КДС к КЧС, начиная с наибольшей величины, книги Ветхого завета располагались следующим образом: Книга Иеремии, Псалтирь, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Исаяи, Второзаконие, Первая книга Царств, Исход, Числа, Вторая книга Паралипоменон, Четвертая книга Царств, Книга Иова, Вторая книга Царств, Третья книга царств, Левит, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Первая книга Паралипоменон, Книга Даниила, Притчи Соломона, Книга Есфирь, Книга Захарии, Книга Неемии, Книга Песни Песней Соломона, Книга Екклесиаста, Вторая книга Ездры, Книга Осии, Книга Ездры, Книга Амоса, Книга Михея, Руфь, Плач Иеремии, Книга Малахии, Книга Иоилия, Книга Софонии, Книга Ионы, Книга Аввакума, Книга Наума, Книга Аггея и Книга Авдия от 5,3615 (Книга Иеремии) до 1,8212 (Книга Авдия).

Ближкие значения по отношению относительных скоростей КДС к КЧС последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, имели книги:

Книга Иеремии, Псалтирь, Бытие, Книга Иезекииля;

Книга Исаяи, Второзаконие, Первая книга Царств, Исход, Числа, Вторая книга

Паралипоменон, Четвертая книга Царств, Книга Иова, Вторая книга Царств, Третья книга царств, Левит, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Первая книга Паралипоменон;

Книга Даниила, Притчи Соломона, Книга Есфирь, Книга Захарии, Книга Неемии, Книга Песни Песней Соломона, Книга Екклесиаста, Вторая книга Ездры, Книга Осии, Книга Ездры, Книга Амоса;

Книга Михея, Руфь, Плач Иеремии, Книга Малахии, Книга Иоилия, Книга Софонии, Книга Ионы, Книга Аввакума, Книга Наума;

Книга Аггея и Книга Авдия.

Перейдем к параметрам точки компьютерного квантитативного лексического кроссинговера.

Так, по точке ККЛК, начиная с наибольшей величины, книги Ветхого завета располагались следующим образом: Бытие, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Псалтирь, Исход, Числа, Второзаконие, Левит, Первая книга Царств, Книга Исаяи, Третья книга царств, Вторая книга Паралипоменон, Четвертая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Вторая книга Царств, Книга Судей Израилевых, Первая книга Паралипоменон, Книга Иова, Книга Даниила, Притчи Соломона, Книга Неемии, Книга Есфирь, Вторая книга Ездры, Книга Ездры, Книга Захарии,

Книга Екклесиаста, Книга Осии, Книга Амоса, Руфь, Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Книга Малахии, Книга Иоила, Книга Ионы, Книга Софонии, Книга Аввакума, Книга Аггея, Книга Наума и Книга Авдия от 3605 (Бытие) до 11 (Книга Авдия).

Близкие значения по точке ККЛК имели следующие книги:

Бытие и Книга Иеремии;

Книга Иезекииля, Псалтирь, Исход, Числа, Второзаконие, Левит, Первая книга Царств;

Книга Исаяи, Третья книга царств, Вторая книга Паралипоменон, Четвертая книга Царств;

Книга Иисуса Навина, Вторая книга Царств, Книга Судей Израилевых, Первая книга Паралипоменон;

Книга Иова, Книга Даниила;

Притчи Соломона, Книга Неемии, Книга Есфирь;

Вторая книга Ездры, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Осии, Книга Амоса;

Руфь, Плач Иеремии, Книга Михея;

Книга Иоила, Книга Ионы;

Книга Софонии, Книга Аввакума;

Книга Аггея, Книга Наума.

Проведем моделирование средних кумулятивных длин слов и частот слов для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера по линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям, полиномам второй и третьей степени (рис.4), которые представлены следующим образом: $y = 261720x^{-1,4860}$, $R^2 = 0,6352$; $y = -10084 \ln(x) + 37754$, $R^2 = 0,9211$; $y = 68166e^{-0,1340x}$, $R^2 = 0,9294$; $y = -759,9600x + 25523$, $R^2 = 0,9373$; $y = 17,8190x^2 - 1490,5000x + 30637$, $R^2 = 0,9922$ и $y = 0,3277x^3 - 2,3346x^2 - 1155,9000x + 29424$, $R^2 = 0,9941$ от последовательности книг Ветхого завета описываются логарифмическим,

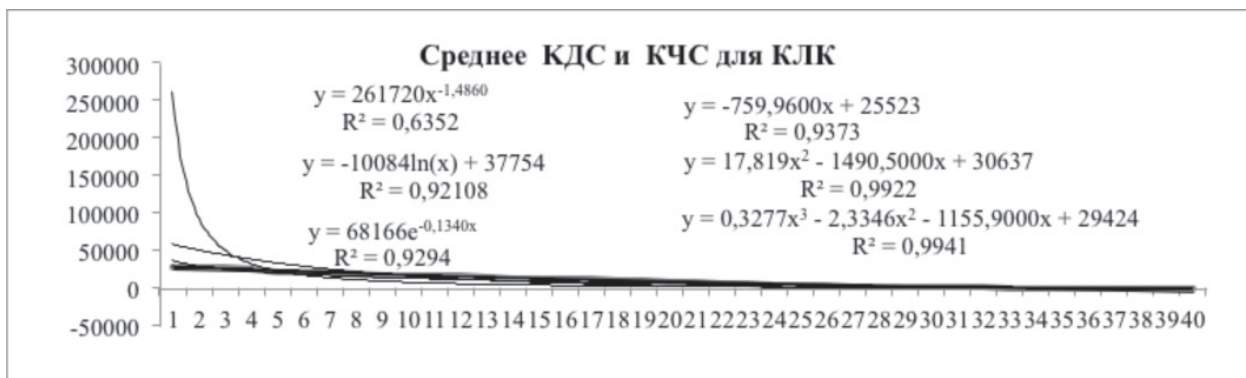

Рис.4. Моделирование средних кумулятивных длин слов и частот слов для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера

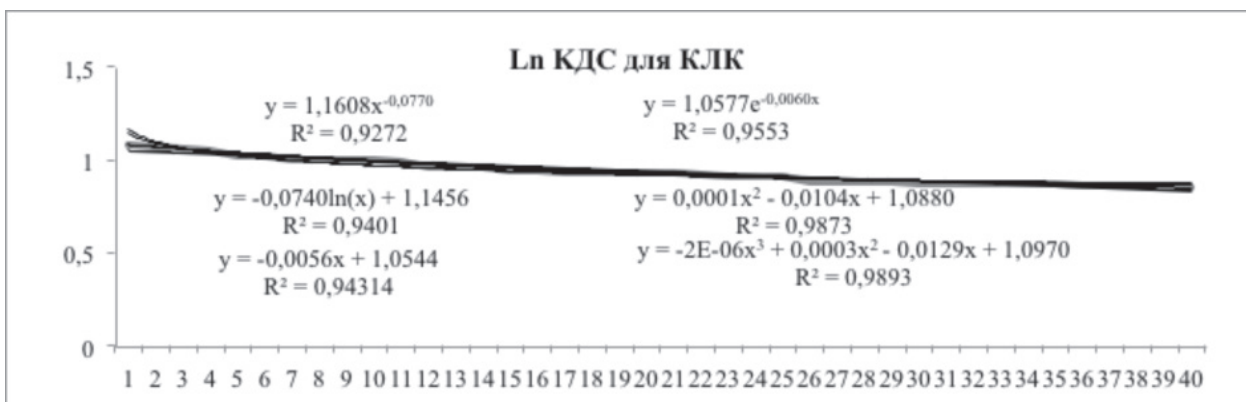

Рис.5. Моделирование логарифма кумулятивной длины слов для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера

экспоненциальным, линейным уравнениями, полиномами второй и третьей степени с относительной скоростью по степенному уравнению $-1,4860$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скорости $-0,1340x$.

Моделирование логарифма кумулятивной длины слов от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера по линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям, полиномам второй и третьей степени (рис. 5) представлены следующим образом: $y = 1,1608x^{-0,0770}$, $R^2 = 0,9272$; $y = -0,0740 \ln(x) + 1,1456$, $R^2 = 0,9401$; $y = -0,0056x + 1,0544$, $R^2 = 0,9431$; $y = 1,0577e^{-0,0060x}$, $R^2 = 0,9553$; $y = 0,0001x^2 - 0,0104x + 1,0880$, $R^2 = 0,9873$ и $y = -2E-06x^3 + 0,0003x^2 - 0,0129x + 1,0970$, $R^2 = 0,9893$ от последовательности книг Ветхого завета описываются степенным, логарифмическим, линейным, экспоненциальным уравнениями, полиномами второй и третьей степени с относительной скоростью по степенному уравнению $-0,0770$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скорости $-0,0060x$.

Моделирование логарифма кумулятивной частоты слов от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера, (рис.6) по

линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям, полиномам второй и третьей степени представлено следующим образом: $y = 0,9975x^{-0,1670}$, $R^2 = 0,8918$; $y = -0,0083x + 0,8066$, $R^2 = 0,9279$; $y = -0,1110 \ln(x) + 0,9430$, $R^2 = 0,9291$; $y = 0,0002x^2 - 0,0159x + 0,8598$, $R^2 = 0,9773$ и $y = -4E-06x^3 + 0,0004x^2 - 0,0201x + 0,8750$, $R^2 = 0,9797$ от последовательности книг Ветхого завета описываются линейным, логарифмическим, экспоненциальным уравнениями, полиномами второй и третьей степени с относительной скоростью по степенному уравнению $-0,1670$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скорости $-0,0130x$.

После этого проводили моделирование отношение относительных скоростей кумулятивных длин слов к их кумулятивным частотам по степенному уравнению от последовательности книг Ветхого завета, начиная с наибольшей величины, для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера, (рис.7) по линейному, логарифмическому, экспоненциальному и степенному уравнениям, полиномам второй и третьей степени представлено следующим образом: $y = 8,1082x^{-0,3080}$, $R^2 = 0,6965$; $y = -1,0930 \ln(x) + 6,6542$, $R^2 = 0,7857$; $y = 6,0316e^{-0,0270x}$, $R^2 = 0,9579$; $y = -0,0915x + 5,5162$, $R^2 = 0,9869$; $y = -0,0005x^2 - 0,0709x + 5,3722$, $R^2 = 0,9901$ и $y = 3E-05x^3 - 0,0025x^2 - 0,0384x + 5,2542$, $R^2 = 0,9914$ от последовательности книг Ветхого

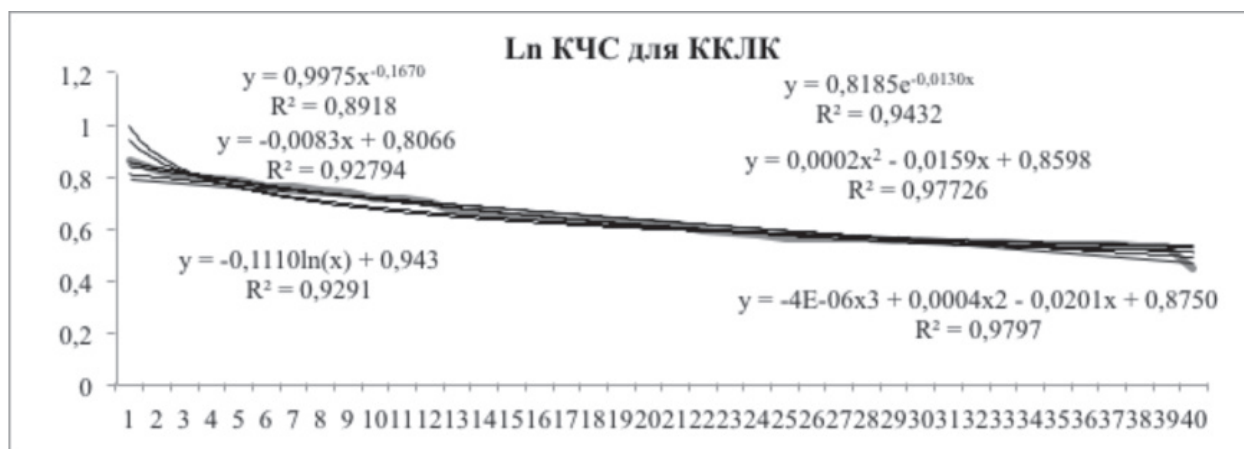

Рис.6. Моделирование логарифма кумулятивной частоты слов для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера

завета описываются экспоненциальным, линейным уравнениями, полиномами второй и третьей степени с относительной скоростью по степенному уравнению $-0,3080$, которая значительно выше относительной экспоненциальной скорости $-0,0270x$.

Проанализируем проведенное моделирование точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера для кумулятивных длины и частоты слов по линейному и степенному уравнениям в Ветхом завете (табл. 3).

Так, моделирование компьютерной квантитативной точки лексического кроссингвера на основе натурального логарифма кумулятивной длины слов (величина b) по линейному уравнению $y = ax+b$, начиная с наибольшей величины, относилось к следующим книгам Ветхого завета: Книга Исайи, Псалтирь, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Бытие, Вторая книга Паралипоменон, Исход, Книга Иова, Числа, Первая книга Паралипоменон, Второзаконие, Первая книга Царств, Третья книга царств, Притчи Соломона, Вторая книга Царств, Четвертая книга Царств, Книга Даниила, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Книга Есфирь, Левит, Книга Неемии, Вторая книга Ездры, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Амоса, Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоиля, Книга Малахии, Книга Софонии, Книга Авваку-

ма, Книга Наума, Книга Ионы, Книга Аггея и Книга Авдия от 8,8578 (Книга Исайи) до 5,5200 (Книга Авдия).

Таблица 3.

Моделирование компьютерной квантитативной точки лексического кроссингвера книг Ветхого завета по кумулятивным длинам и частотам слов по линейному и степенному уравнениям

Близкие значения натурального логарифма кумулятивной длины слов по величине b линейного уравнения получены для книг:

Книга Исайи, Псалтирь, Книга Иеремии, Книга Иезекииля, Бытие, Вторая книга Паралипоменон, Исход, Книга Иова, Числа, Первая книга Паралипоменон, Второзаконие, Первая книга Царств, Третья книга царств, Притчи Соломона, Вторая книга Царств, Четвертая книга Царств, Книга Даниила, Книга Судей Израилевых;

Книга Иисуса Навина, Книга Есфирь, Левит, Книга Неемии, Вторая книга Ездры, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Амоса;

Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Песни Песней Соломона, Руфь, Книга Иоиля, Книга Малахии, Книга Софонии, Книга Аввакума, Книга Наума, Книга Ионы;

Книга Аггея и Книга Авдия.

Моделирование точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера на основе натурального логарифма ку-

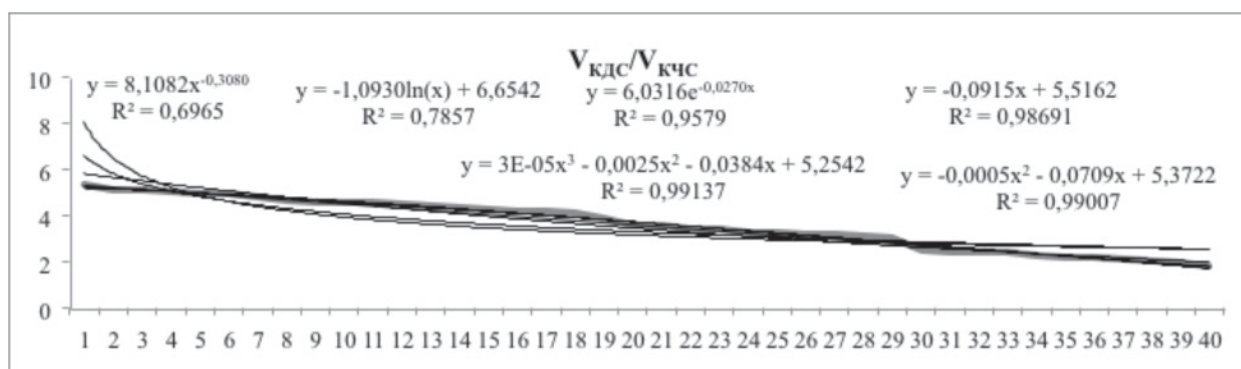

Рис. 7. Моделирование отношения относительных скоростей по степенному уравнению кумулятивных длин слов к их кумулятивным частотам для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера

кумулятивной длины слов по относительной скорости b , по степенному уравнению $y = a \cdot x^b$, начиная с наибольшей величины, относилось к следующим книгам Ветхого завета: Книга Авдия, Книга Аггея, Книга Ионы, Книга Наума, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Малахии, Книга Иоила, Руфь, Книга Песни Песней Соломона, Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Амоса, Книга Екклесиаста, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Ездры, Вторая книга Ездры, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Книга Неемии, Левит, Четвертая книга Царств, Книга Есфирь, Книга Даниила, Притчи Соломона, Вторая книга Царств, Книга Иова, Третья книга царств, Числа, Первая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Второзаконие, Первая книга Паралипоменон, Исход, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Иеремии, Псалтирь и Книга Исайи от 0,1426 (Книга Авдия) до 0,0942 (Книга Исайи).

При этом близкие величины относились к следующим книгам:

Книга Авдия, Книга Аггея, Книга Ионы, Книга Наума, Книга Аввакума, Книга Софонии, Книга Малахии, Книга Иоила, Руфь, Книга Песни Песней Соломона, Плач Иеремии;

Книга Михея, Книга Амоса, Книга Екклесиаста, Книга Захарии, Книга Осии, Книга Ездры, Вторая книга Ездры, Книга Судей Израилевых, Книга Иисуса Навина, Книга Неемии, Левит, Четвертая книга Царств, Книга Есфирь, Книга Даниила, Притчи Соломона;

Вторая книга Царств, Книга Иова, Третья книга царств, Числа, Первая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Второзаконие, Первая книга Паралипоменон, Исход, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Иеремии, Псалтирь и Книга Исайи.

Моделирование точки компьютерного квантитативного лексического кроссинговера на основе натурального логарифма кумулятивной частоты слов (величина b) по линейному уравнению, начиная с наибольшей величины, относилось к следующим книгам Ветхого завета: Книга Иеремии,

Псалтирь, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Исайи, Исход, Числа, Второзаконие, Первая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Третья книга царств, Левит, Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Первая книга Паралипоменон, Книга Судей Израилевых, Книга Иова, Книга Даниила, Притчи Соломона, Книга Есфирь, Книга Неемии, Вторая книга Ездры, Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Осии, Книга Амоса, Плач Иеремии, Книга Михея, Руфь, Книга Песни Песней Соломона, Книга Малахии, Книга Иоила, Книга Софонии, Книга Ионы, Книга Аввакума, Книга Наума, Книга Аггея и Книга Авдия от 9,9370 (Книга Иеремии) до 5,1380 (Книга Авдия).

При этом близкие величины относились к следующим книгам:

Книга Иеремии, Псалтирь, Бытие, Книга Иезекииля, Книга Исайи, Исход, Числа, Второзаконие, Первая книга Царств, Вторая книга Паралипоменон, Третья книга царств, Левит, Четвертая книга Царств, Вторая книга Царств, Книга Иисуса Навина, Первая книга Паралипоменон, Книга Судей Израилевых, Книга Иова;

Книга Даниила, Притчи Соломона, Книга Есфирь, Книга Неемии, Вторая книга Ездры;

Книга Ездры, Книга Захарии, Книга Екклесиаста, Книга Осии, Книга Амоса;

Плач Иеремии, Книга Михея, Руфь, Книга Песни Песней Соломона, Книга Малахии, Книга Иоила, Книга Софонии, Книга Ионы;

Книга Аввакума, Книга Наума, Книга Аггея и Книга Авдия.

Проведенное моделирование точки компьютерного квантитативного лексического кроссинговера на основе натурального логарифма кумулятивной частоты слов по относительной скорости (величина b) в степенном уравнении, начиная с наибольшей величины, относилось к следующим книгам Ветхого завета: Книга Авдия, Книга Аггея, Книга Наума, Книга Аввакума, Книга Ионы, Книга Софонии, Книга Иоила, Книга

Песни Песней Соломона, Книга Малахии, Руфь, Плач Иеремии, Книга Михея, Книга Амоса, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Ездры, Вторая книга Ездры, Книга Захарии, Книга Неемии, Книга Есфирь, Притчи Соломона, Книга Даниила, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Левит, Первая книга Паралипоменон, Третья книга царств, Вторая книга Царств, Четвертая книга Царств, Книга Иова, Числа, Вторая книга Паралипоменон, Исход, Первая книга Царств, Второзаконие, Книга Исайи, Бытие, Книга Иезекииля, Псалтирь и Книга Иеремии от 0,0783 (Книга Авдия) до 0,0177 (Книга Иеремии).

При этом близкие величины относились к следующим книгам:

Книга Аггея, Книга Наума;

Книга Аввакума, Книга Ионы, Книга Софонии, Книга Иоиля, Книга Песни Песней Соломона, Книга Малахии;

Руфь, Плач Иеремии, Книга Михея;

Книга Амоса, Книга Осии, Книга Екклесиаста, Книга Ездры, Вторая книга Ездры, Книга Захарии, Книга Неемии;

Книга Есфирь, Притчи Соломона, Книга Даниила, Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Левит, Первая книга Паралипоменон, Третья книга царств, Вторая книга Царств, Четвертая книга Царств,

Книга Иова, Числа, Вторая книга Паралипоменон, Исход, Первая книга Царств;

Второзаконие, Книга Исайи, Бытие, Книга Иезекииля, Псалтирь и Книга Иеремии.

Таким образом, на основе кумулятивных длин слов и их частот, зависимости кумулятивных длин слов и их частот от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины, зависимости среднего значения кумулятивных длин слов и их частот компьютерного квантитативного лексического кроссингвера от последовательности книг Ветхого завета, зависимости натурального логарифма кумулятивных длин слов и натурального логарифма кумулятивной частоты слов для компьютерного квантитативного лексического кроссингвера от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины, зависимости отношения относительных скоростей кумулятивной длины слов и кумулятивной частоты слов от последовательности книг, начиная с наибольшей исследуемой величины, моделирования точки компьютерного квантитативного лексического кросс кумулятивных длин и частот слов по линейному и степенному уравнениям показаны близость и различие книг Ветхого завета.

Литература

Библия // <http://bible.ucoz.com/load>

Anthony L. *AntConc: Design and Development of Freeware Corpus Analysis Toolkit for the Technical Writing Classroom*. // IEEE International Professional Conference Proceedings, 2005. - P. 729-737. (Anthony L., Ph.D. Professor. Center for English Language Education in Science and Engineering (CELESE). Faculty of Science and Engineering. Waseda University. 3-4-1 Okubo, Shinjuku-ku, Tokyo 169-8555, Japan. E-mail:anthony0122@gmail.com <mailto:anthony0122@gmail.com> <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/>).

**КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА ПОЭМЫ Ш. БОДЛЕРА «ПУТЕШЕСТВИЕ»
(Ch. BAUDELAIRE «LE VOYAGE») В ОРИГИНАЛЕ И В ПЕРЕВОДАХ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

На примере стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» исследована корпусная лингвистика оригинала Ch. Baudelaire «Le voyage» и его переводов на русский язык В.В. Левином, М.И. Цветаевой и Эллисом по следующим характеристикам: общая длина слова, объем словаря, объем текста, отношение объема текста к объему словаря, отношение объема словаря к объему текста, количество *hapax legomena*, индекс исключительности корпуса по количеству *hapax legomena* в процентах от словоформ, количество *dishapax legomena*, отношение *hapax legomena* к объему словаря, отношение *hapax legomena* к объему текста, отношение *dishapax legomena* к объему словаря, отношение *dishapax legomena* к объему текста, отношение *hapax legomena* к *dishapax legomena*, отношение *hapax legomena* к *dishapax legomena* к объему словаря, отношение *hapax legomena* к *dishapax legomena* к объему текста по методике AntConc.

Подтверждается гипотеза, что большему отношению объема словарей к объему текстов соответствует более сложный текст, то есть русский перевод.

Ключевые слова: общая длина слова, объем словаря, объем текста, отношение объема текста к объему словаря, отношение объема словаря к объему текста, количество *hapax legomena*, индекс исключительности корпуса по количеству *hapax legomena* в процентах от словоформ, количество *dishapax legomena*, отношение *hapax legomena* к объему словаря, отношение *hapax legomena* к объему текста, отношение *dishapax legomena* к объему словаря, отношение *dishapax legomena* к объему текста, отношение *hapax legomena* к *dishapax legomena*, отношение *hapax legomena* к *dishapax legomena* к объему словаря, отношение *hapax legomena* к *dishapax legomena* к объему текста

Klimov Yu.N.

**CORPUS LINGUISTICS OF THE POEM «LE VOYAGE» BY CHARLES BAUDELAIRE
IN THE ORIGINAL AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS**

In the context of Baudelaire's poem «Le Voyage» the corpus linguistic has been researched in the original and in Russian translation by V.V. Levik, M.I. Tsvetaeva and Allis regarding the following features: overall word length, vocabulary corpus, text corpus, correlation between text corpus and vocabulary corpus, correlation between vocabulary corpus and text corpus, *hapax legomena* quantity, corpus exceptionality index as for quantity in per cent of wordforms, *dishapax legomena* quantity, *dishapax legomena* correlation between vocabulary corpus, *dishapax legomena* correlation with text corpus, *hapax legomena* correlation with *dishapax legomena*, *hapax legomena* correlation with *dishapax legomena* and vocabulary corpus, *hapax legomena* correlation with *dishapax legomena* and text corpus by the AntConc method.

The research proves that more correlation between vocabulary corpus and text corpus the more complex text is, i.e. Russian translation.

Key words: overall word length, vocabulary corpus, text corpus correlation with vocabulary corpus, vocabulary corpus correlation with text corpus, *hapax legomena* quantity, corpus exceptionality index as for quantity in per cent of wordforms, *dishapax legomena* quantity, *hapax legomena* correlation with vocabulary corpus, *dishapax legomena* correlation with vocabulary corpus, *dishapax legomena* correlation with text corpus, *hapax legomena* correlation with *dishapax legomena*, *hapax legomena* correlation with *dishapax legomena* and text corpus.

На примере стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» исследована корпусная лингвистика оригинала Ch. Baudelaire «Le voyage» и его переводов на русский язык В.В. Левиком, М.И. Цветаевой и Эллисом по следующим характеристикам: общая длина слова, объем словаря, объем текста, отношение объема текста к объему словаря, отношение объема словаря к объему текста, количество *harax legomena*, индекс исключительности корпуса по количеству *harax legomena* в процентах от словоформ, количество *disharax legomena*, отношение *harax legomena* к объему словаря, отношение *harax legomena* к объему текста, отношение *disharax legomena* к объему словаря, отношение *disharax legomena* к объему текста, отношение *harax legomena* к *disharax legomena*, отношение *harax legomena* к *disharax legomena* к объему словаря, отношение *harax legomena* к *disharax legomena* к объему текста по методике AntConc.

Выдвигается гипотеза, что большему отношению объема словарей к объему текстов соответствует более сложный текст, то есть русский перевод.

Так, по общей длине слова, начиная с наибольшей величины, переводы и оригинал исследованного стихотворения располагались следующим образом: переводы В.В. Левика (3880), М.И. Цветаевой (3826), Эллиса (3720) и оригинал Ш. Бодлера (3433).

Характеристики объемов текстов и словарей, отношение объема словарей к объему текстов свойства *harax legomena*, *disharax legomena* в стихотворении Ш. Бодлера «Путешествие» представлены в табл. 1.

Так, по объему словарей переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы М.И. Цветаевой (640), Эллиса (635), В.В. Левика (628) и оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (595), то есть по объему словарей переводы были больше оригинала.

По объему текстов переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: Ch. Baudelaire «Le voyage» (1206), переводы Эллиса (938), В.В. Левика (919) и М.И. Цветае-

Таблица 1.

Характеристики объемов текстов и словарей, отношение объема словарей к объему текстов свойства *harax legomena*, *disharax legomena* оригинала и переводов стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

№ пп	Текст оригинала и перевода	V^*	N	N/V	V/N	$H-1$	$H-2$	$H-1/V$	$H-1/N$	$H-2/V$	$H-2/N$	$H-1/H-2$	$H-1/H-2/V$	$H-1/H-2/N$
1	Baudelaire Ch. «Le voyage»	595	1206	2,0269	0,4934	486	62	0,7664	0,3781	0,1042	0,0514	7,3548	0,0124	0,0061
2	Перевод В.В. Левика	628	919	1,4634	0,6834	544	42	0,8662	0,5919	0,0669	0,0457	12,9524	0,0206	0,0141
3	Перевод М.И. Цветаевой	640	906	1,4156	0,7064	555	51	0,8672	0,6126	0,0797	0,0563	10,8824	0,0170	0,0120
4	Перевод Эллиса	635	938	1,4772	0,6770	531	53	0,8362	0,5661	0,0835	0,0565	10,0189	0,0158	0,0107

где V^* – объем словаря, N – объем текста. N/V – отношение объема текста к объему словаря, V/N – отношение объема словаря к объему текста, $H-1$ – количество *harax legomena*, $H-2$ – количество *disharax legomena*, $H-1/V$ – отношение *harax legomena* к объему словаря, $H-1/N$ – отношение *harax legomena* к объему текста, $H-2/V$ – отношение *disharax legomena* к объему словаря, $H-1/H-2$ – отношение *harax legomena* к *disharax legomena*, $H-1/H-2/V$ – отношение *harax legomena* к *disharax legomena* к объему словаря, $H-1/H-2/N$ – отношение *harax legomena* к *disharax legomena* к объему текста.

вой (906), то есть по объему текстов переводы были меньше оригинала.

По отношению объемов текстов к объемам словарей переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: Ch. Baudelaire «Le voyage» (2,0269), переводы Эллиса (1,4772), В.В. Левика (1,4634), М.И. Цветаевой (1,4156), то есть по отношению объемов текстов к объемам словарей переводы были меньше оригинала.

По отношению объемов словарей к объемам текстов переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы М.И. Цветаевой (0,7064), В.В. Левика (0,6834), Эллиса (0,6770), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,4934), то есть по отношению объемов словарей к объемам текстов переводы были больше оригинала.

Следовательно, большему отношению объема словарей к объему текстов соответствует более сложный текст, то есть русский перевод.

По количеству *harax legomena* переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы М.И. Цветаевой (555), В.В. Левика (544), Эллиса (531), оригинал Baudelaire Ch. «Le voyage» (486), то есть по количеству *harax legomena* переводы были больше оригинала.

По индексу исключительности корпуса [6], т.е. по проценту *harax legomena* в словоформах переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы М.И. Цветаевой (86,72), В.В. Левика (86,62), Эллиса (83,62), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (76,64), то есть поэтические переводы были больше оригинала и прозы [6].

По количеству *dishapax legomena* переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей

величины, располагались следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (62), переводы Эллиса (53), М.И. Цветаевой (51), В.В. Левика (42), то есть оригинал был выше переводов.

По отношению *harax legomena* к объему словаря переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы М.И. Цветаевой (0,8672), В.В. Левика (0,8662), Эллиса (0,8362), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,7664), то есть русские поэтические переводы были близки между собой и больше оригинала.

По отношению *harax legomena* к объему текста переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы М.И. Цветаевой (0,6126), В.В. Левика (0,5919), перевод Эллиса (0,5661), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,3781), то есть русские поэтические переводы были близки между собой и больше оригинала.

По отношению *dishapax legomena* к объему словаря переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,1042), переводы Эллиса (0,0835), М.И. Цветаевой (0,0797), В.В. Левика (0,0669), то есть оригинал был выше, чем переводы.

По отношению *dishapax legomena* к объему текста переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы Эллиса (0,0565), М.И. Цветаевой (0,0563), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,0514), В.В. Левика (0,0457), то есть переводы Эллиса и М.И. Цветаевой были выше оригинала, а перевод В.В. Левика почти равен оригиналу.

По отношению *harax legomena* к *dishapax legomena* переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, распола-

Таблица 2.

Параметры точки компьютерного количественного лексического кроссингвера оригинала и переводов стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

№ пп	Текст	Параметры точки компьютерного количественного лексического кроссингвера (ККЛК)			
		Координаты средней точки ККЛК КДС и КЧС	Координаты точки ККЛК – среднее L_n КДС и L_n КЧС	Отношение относительных скоростей $b_{\text{КДС}}/b_{\text{КЧС}}$	Точка ККЛК
1	Baudelaire Ch. «Le voyage»	190,5	6,3812	2,4168	62
2	Перевод В.В. Левика	186,5	5,2284	1,7655	14
3	Перевод М.И. Цветаевой	171,5	5,1445	1,6775	13
4	Перевод Эллиса	173,5	5,1562	2,4168	14

гались следующим образом: переводы В.В. Левика (12,9524), М.И. Цветаевой (10,8824), Эллиса (10,0189), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (7,3548), то есть переводы были выше оригинала.

По отношению *harax legomena* к *disharax legomena* и к объему словарей переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы В.В. Левика (0,0206), М.И. Цветаевой (0,0170), Эллиса (0,0158), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,0124), то есть переводы были выше оригинала.

По отношению *harax legomena* к *disharax legomena* и к объему текстов переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы В.В. Левика (0,0141), М.И. Цветаевой (0,0120), Эллиса (0,0107), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,0061), то есть переводы были выше оригинала.

По индексу постоянства (доля словоформ с употреблением три и более раз) текстов переводов и оригинала стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,1190), переводы Эллиса (0,0704), В.В. Левика (0,0637), М.И. Цветаевой (0,0500), то есть оригинал превышал переводы.

Перейдем к анализу параметров точки компьютерного количественного лексического кроссингвера оригинала и переводов стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» (табл. 2).

Исследованы следующие параметры точки компьютерного количественного лексического кроссингвера, который характеризуется точкой пересечения кумулятивных частоты и длины слов, координаты точки ККЛК – среднее L_n КДС и L_n КЧС, отношением относительных скоростей $b_{\text{КДС}}/b_{\text{КЧС}}$ вычисленных по показателю степени в степенном уравнении $y=ax^b$ и значение точки ККЛК.

Так, по координатам точки компьютерного количественного лексического кроссингвера кумулятивных длины и частоты слов оригинал и переводы стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» располагаются, начиная с наибольшей величины, следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (190,5), переводы В.В. Левика (186,5), Эллиса (173,5), М.И. Цветаевой (171,5), а по натуральным логарифмам этих величин: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (6,3812), переводы В.В. Левика (5,2284), Эллиса (5,1562), М.И. Цветаевой (5,1445), то есть в обоих случаях оригинал превышал переводы.

А по отношению относительных скоростей (b) кумулятивных длин слов к кумулятивным частотам слов $b_{\text{КДС}}/b_{\text{КЧС}}$ в степен-

ном уравнении $y=ax^b$ оригинал и переводы стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» располагаются, начиная с наибольшей величины, следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» и перевод Эллиса (по 2,4168), переводы В.В. Левика (1,7655), М.И. Цветаевой (1,6775), то есть оригинал был равен переводу и превышал два других переводы.

По параметрам точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера оригинал и переводы стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» располагаются, начиная с наибольшей величины, следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (62), а переводы В.В. Левика, Эллиса (по 14), а М.И. Цветаевой – 13, то есть оригинал превышал переводы. Отмечена близость русских переводов.

По координатам средней h -точки Попеску-Альтманна [7] переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (13), переводы М.И. Цветаевой (9), В.В. Левика и Эллиса по 7,5, то есть оригинал превышал переводы.

По кумулятивной частоте h -точки Попеску-Альтманна [7] переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (329), переводы В.В. Левика (153), М.И. Цветаевой (146), Эллиса (139,5), то есть оригинал превышал переводы.

По приблизительному богатству словаря $I-F(h)$ переводы и оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, располагались следующим образом: переводы Эллиса (0,9930), В.В. Левика (0,9920), оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (0,9890), перевод М.И. Цветаевой (0,8389), а по уточненному богатству словаря $I-F(h)$ – оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» (1,1312), переводы В.В. Левика (1,0314), Эллиса (1,0283), М.И. Цветаевой (0,9020).

По приблизительному богатству сло-

варя $I-F(h)$ переводы Эллиса и В.В. Левика превышали оригинал, а перевод М.И. Цветаевой уступал оригиналу.

По уточненному богатству словаря $I-F(h)$ оригинал Ch. Baudelaire «Le voyage» незначительно превышал переводы.

Затем было проведено моделирование кумулятивных длин слов и их частот для исследованных переводов и оригинала стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины.

Так, проведенное моделирование натуральных логарифмов кумулятивных длин слов оригинала стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, показало, что натуральные логарифмы кумулятивных длин слов представлены следующими уравнениями: $y = 6,1644e^{0,0006x}$, $R^2 = 0,6024$, $y = 0,0041x + 6,2114$, $R^2 = 0,7144$, $y = -1E-05x^2 + 0,0117x + 5,4459$, $R^2 = 0,8854$, $y = 5E-08x^3 - 6E-05x^2 + 0,022x + 4,9361$, $R^2 = 0,939$, $y = 3,6083x^{0,1322}$, $R^2 = 0,9604$, $y = 0,8407\ln(x) + 2,8832$, $R^2 = 0,9962$ и описывается полиномом третьей степени, степенным и логарифмическим уравнениями, а натуральные логарифмы кумулятивных частот $-y = 6,2427e^{0,0003x}$, $R^2 = 0,6067$, $y = 0,0016x + 6,2508$, $R^2 = 0,6794$, $y = -4E-06x^2 + 0,0042x + 5,9997$, $R^2 = 0,7868$, $y = 2E-08x^3 - 2E-05x^2 + 0,0089x + 5,762$, $R^2 = 0,8548$, $y = 5,0102x^{0,0547}$, $R^2 = 0,9285$, $y = 0,3425\ln(x) + 4,8907$, $R^2 = 0,9648$ и описывается степенным и логарифмическим уравнениями.

Проведенное моделирование натуральных логарифмов кумулятивных длин слов перевода В.В. Левиком стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, показало, что натуральные логарифмы кумулятивных длин слов представлены следующими уравнениями: $y = 6,3813e^{0,0005x}$, $R^2 = 0,5984$, $y = 0,0037x + 6,4249$, $R^2 = 0,7051$, $y = -1E-05x^2 + 0,0106x + 5,6915$, $R^2 = 0,8764$, $y = 3,8546x^{0,1227}$, $R^2 = 0,9588$, $y = 0,8037\ln(x) + 3,1944$, $R^2 = 0,9949$, $y = 4E-08x^3 - 5E-05x^2 + 0,0202x + 5,1903$, $R^2 = 0,933$ и описываются степенным и логарифмическим уравнениями, полиномом третьей степени, а натуральные логарифмы кумуля-

тивных частот слов – $y = 5,6788e^{0,0003x}$, $R^2 = 0,7837$, $y = 0,0021x + 5,6765$, $R^2 = 0,8376$, $y = -4E-06x^2 + 0,0044x + 5,432$, $R^2 = 0,909$, $y = 2E-08x^3 - 2E-05x^2 + 0,008x + 5,2412$, $R^2 = 0,9398$, $y = 0,4129\ln(x) + 4,0732$, $R^2 = 0,9845$, $y = 4,3202x^{0,0695}$, $R^2 = 0,9852$ и описываются полиномами второй и третьей степени, логарифмическим и степенным уравнениями.

Проведенное моделирование натуральных логарифмов кумулятивных длин слов перевода Эллисом стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, показало, что натуральные логарифмы кумулятивных длин слов представлены следующими уравнениями: $y = 6,1644e^{0,0006x}$, $R^2 = 0,6024$, $y = 0,0016x +$

Таблица 3.

Частотные характеристики 50 словоформ переводов и оригинала стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

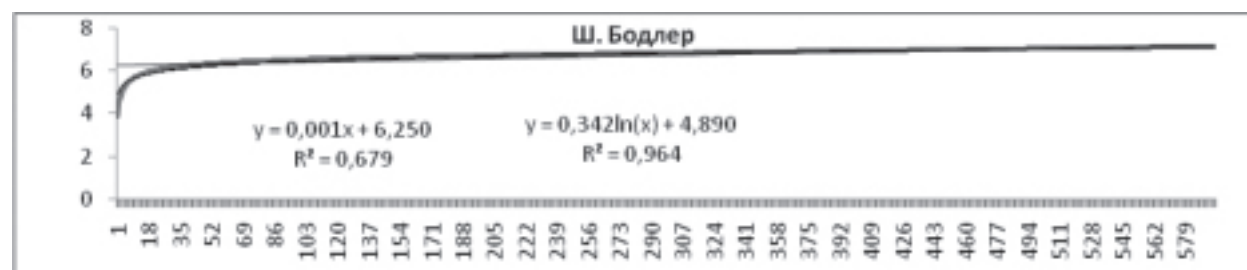
№ пп	ЭЛИС		В.В. ЛЕВИК		М.И. ЦВЕТАЕВА		Ch. BAUDELAIRE	
	Частота	Словоформа	Частота	Словоформа	Частота	Словоформа	Частота	Словоформа
1	39	в	44	в	38	в	49	le
2	31	и	38	и	28	и	44	et
3	16	мы	18	как	14	на	35	de
4	13	как	15	на	13	как	30	la
5	11	наш	11	что	13	что	29	nous
6	10	не	10	мы	12	с	27	í
7	9	где	10	не	10	мы	22	les
8	7	без	7	от	9	нам	19	des
9	7	все	6	без	9	не	17	qui
10	7	лишь	6	все	9	о	15	pour
11	6	их	6	кто	8	нас	15	un
12	6	к	6	о	6	еще	14	d'
13	6	о	6	там	5	везде	13	dans
14	6	с	5	а	5	за	12	est
15	6	так	5	иль	5	так	11	du
16	6	что	5	ни	5	чтоб	10	comme
17	5	же	5	но	4	вот	10	une
18	5	здесь	5	он	4	до	10	á
19	5	каждый	5	с	4	из	9	qu
20	5	мир	5	тот	4	к	8	dont
21	5	на	5	чем	4	морей	8	il
22	5	нам	4	видели	4	от	8	sans
23	5	но	4	для	4	плывут	7	que
24	5	он	4	из	4	рай	6	au
25	5	пусть	4	море	4	этот	6	en
26	4	видели	4	нас	3	без	6	n
27	4	нас	4	по	3	вперед	6	nos
28	4	нет	4	так	3	всем	6	sur
29	4	там	4	чтоб	3	где	6	a
30	4	те	3	б	3	день	5	aux
31	3	а	3	во	3	но	5	avons
32	3	взор	3	вот	3	тем	5	ce
33	3	ж	3	всех	2	ах	5	jamais

34	3	лик	3	же	2	бы	5	ne
35	3	лучи	3	к	2	видели	5	plus
36	3	наших	3	куда	2	водой	5	s
37	3	небес	3	сердца	2	все	5	son
38	3	ни	3	тебя	2	всегда	5	sont
39	3	от	3	только	2	всё	5	toujours
40	3	путь	3	это	2	для	5	yeux
41	3	своей	2	бежать	2	его	4	avec
42	3	свой	2	больше	2	есть	4	ciel
43	3	смерть	2	вам	2	здесь	4	cœur
44	3	цели	2	волны	2	землей	4	leurs
45	2	блеск	2	вперед	2	игра	4	mer
46	2	вдруг	2	всегда	2	извечный	4	notre
47	2	вот	2	встречали	2	или	4	oa
48	2	вперед	2	вы	2	им	4	par
49	2	всегда	2	где	2	их	4	se
50	2	всех	2	глазах	2	корабль	4	ton

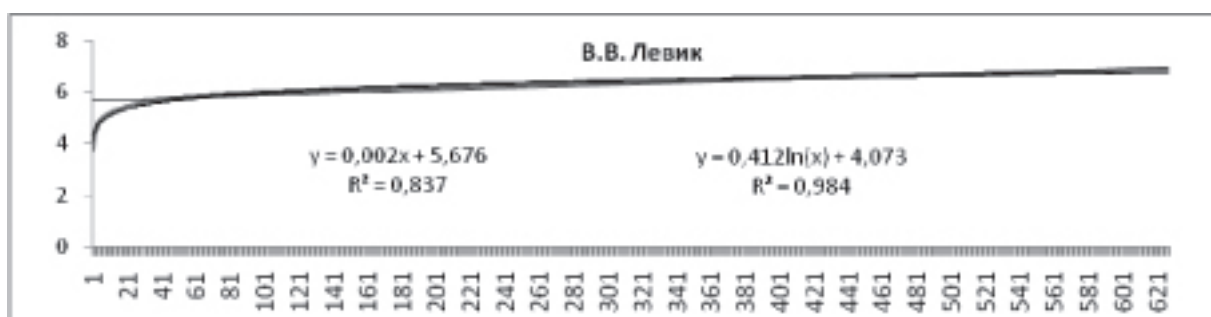
6,2508, $R^2 = 0,6794$, $y = 0,0041x + 6,2114$, $R^2 = 0,7144$, $y = -1E-05x^2 + 0,0117x + 5,4459$, $R^2 = 0,8854$, $y = 5E-08x^3 - 6E-05x^2 + 0,022x + 4,9361$, $R^2 = 0,939$, $y = 3,6083x^{0,1322}$, $R^2 = 0,9604$, $y = 0,8407\ln(x) + 2,8832$, $R^2 = 0,9962$ и описываются полиномом третьей степени и степенным и логарифмическим уравнениями, а натуральные логарифмы кумулятивных частот слов – $y = 6,2427e^{0,0003x}$, $R^2 = 0,6067$, $y = 0,0016x + 6,2508$, $R^2 = 0,67940$, $y = -4E-06x^2 + 0,0042x + 5,9997$, $R^2 = 0,7868$, $y = 2E-08x^3 - 2E-05x^2 + 0,0089x + 5,762$, $R^2 = 0,8548$, $y = 5,0102x^{0,0547}$, $R^2 = 0,9285$, $y = 0,3425\ln(x) + 4,8907$, $R^2 = 0,9648$ и описываются степенным и логарифмическим уравнениями.

Проведенное моделирование натуральных логарифмов кумулятивных длин

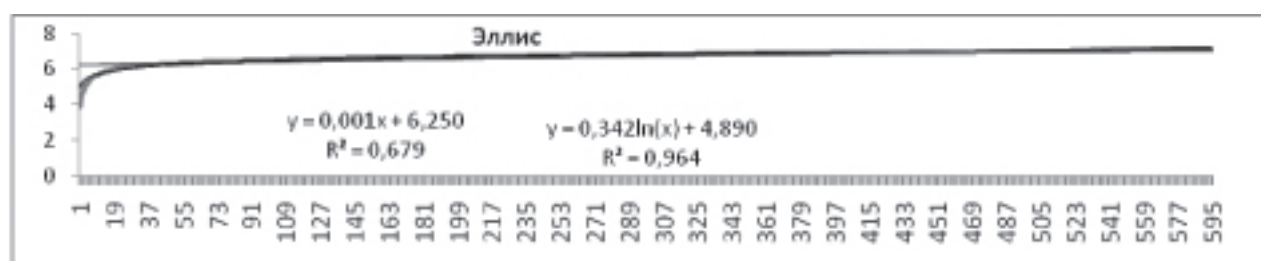
слов перевода М.И. Цветаевой стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие», начиная с наибольшей величины, показало, что натуральные логарифмы кумулятивных длин слов представлены следующими уравнениями: $y = 6,3558e^{0,0005x}$, $R^2 = 0,5977$, $y = 0,0036x + 6,4001$, $R^2 = 0,7052$, $y = -1E-05x^2 + 0,0105x + 5,6586$, $R^2 = 0,8784$, $y = 4E-08x^3 - 5E-05x^2 + 0,02x + 5,1526$, $R^2 = 0,9355$, $y = 3,8125x^{0,1238}$, $R^2 = 0,9586$, $y = 0,808\ln(x) + 3,1375$, $R^2 = 0,995$ и описываются полиномом третьей степени, степенным и логарифмическим уравнениями, а натуральные логарифмы кумулятивных частот слов – $y = 5,6076e^{0,0003x}$, $R^2 = 0,7787$, $y = 0,0021x + 5,6053$, $R^2 = 0,8374$, $y = -4E-06x^2 + 0,0045x + 5,3473$, $R^2 = 0,9093$, $y = 1E-08x^3 - 2E-05x^2 + 0,0082x + 5,1507$, $R^2 = 0,9389$, $y = 4,1867x^{0,0738}$, $R^2 = 0,984$, $y = 0,4341\ln(x) +$

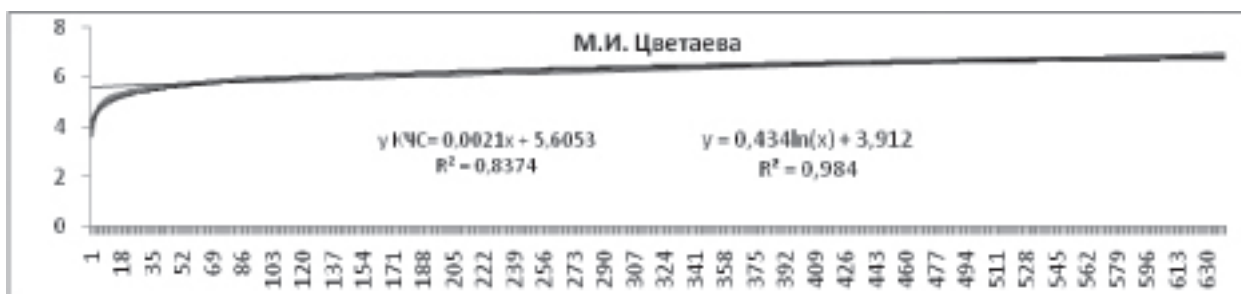
Рис.1. Зависимость натурального логарифма кумулятивной частоты слов от их последовательности, начиная с наибольшей величины, в оригинале стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

Рис.2. Зависимость натурального логарифма кумулятивной частоты слов от их последовательности, начиная с наибольшей величины, в переводе В.В. Левиком стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

Рис.3. Зависимость натурального логарифма кумулятивной частоты слов от их последовательности, начиная с наибольшей величины, в переводе Эллисом стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

Рис.4. Зависимость натурального логарифма кумулятивной частоты слов от их последовательности, начиная с наибольшей величины, в переводе М.И. Цветаевой стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие»

3,912, $R^2 = 0,9841$ и описываются полиномами второй и третьей степени, степенным и логарифмическим уравнениями.

Следует отметить, что моделирование по натуральным логарифмам кумулятивных длины и частоты слов от их последовательности, начиная с наибольшей величины, оригинал стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» был близок к переводу Эллиса по всем исследованным уравнениям.

Моделирование по натуральным логарифмам кумулятивных длины и частоты слов от их последовательности, начиная с наибольшей величины, оригинала стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» показало,

что переводы В.В. Левика и М.И. Цветаевой были выше оригинала и близки между собой как поэтические произведения двух поэтов.

Анализ частотных характеристик 50 словоформ переводов и оригинала стихотворения Ш. Бодлера «Путешествие» (табл. 2) показал, что первые 10 слов представляют собой артикли, предлоги, местоимения и др. Собственно своих слов в переводе М.И. Цветаевой было 25, в переводе Эллиса – 22, в переводе В.В. Левика – 20.

Моделирование кумулятивной частоты оригинала и переводов показало наличие трех неравномерных зон. Причем основное количество *hapax legomena* и *dishapax*

legomena лежит во второй и третьей зонах (рис.1-4). Во всех случаях относительная скорость натурального логарифма кумулятивной частоты оригинала и переводов в первой зоне резко, а во второй и третьей зонах плавно увеличивалась.

Одинаковые слова в переводе В.В. Левика составили с переводом Эллиса – 7, с переводом М.И. Цветаевой – 23, перевод М.И. Цветаевой с переводом Эллиса – 20, то есть переводы В.В. Левика и Эллиса можно считать поэтическими.

Показано, что перевод был длиннее (больше) оригинала по 18 характеристикам: объему словарей, отношению объемов словарей к объемам текстов, количеству *h*арах *legomena*, объему текстов, отношению объемов текстов к объемам словарей, индексу исключительности корпуса, количеству *disharax legomena*, отношению *h*арах *legomena* к объему словаря, отношению *h*арах *legomena* к объему текста, отношению *disharax legomena* к объему словаря, отношению *disharax legomena* к объему текста отношению *h*арах *legomena* к *disharax legomena*, отношению *h*арах *legomena* к *disharax legomena* и к объему словарей, отношению *h*арах *legomena* к *disharax legomena* и к объему текстов, индексу постоянства, координатам точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера кумулятивных

длины и частоты слов, приблизительному богатству словаря $I-F(h)$.

При этом перевод был короче (меньше) оригинала по 9 характеристикам: объему текстов, отношению объемов текстов к объемам словарей, отношению относительных скоростей (b) кумулятивных длин слов к кумулятивным частотам слов $b_{кдс}/b_{кчс}$ в степенном уравнении $y=ax^b$, параметрам точки компьютерного квантитативного лексического кроссингвера, координатам средней h -точки Попеску-Альтманна, кумулятивной частоте h -точки Попеску-Альтманна, приблизительному богатству словаря $I-F(h)$ перевод М.И. Цветаевой, уточненному богатству словаря $I-F(h)$.

Таким образом, по большинству характеристик длина поэтического перевода была больше оригинала поэтического текста, то есть подтверждается гипотеза Ю. Найды и Ч. Табера о том, что хороший перевод всегда длиннее оригинала, несмотря на то, что были получены противоположные данные – длина перевода текста была меньше его оригинала. Подтверждается гипотеза, что *бóльшему отношению объема словарей к объему текстов соответствует более сложный текст, то есть русский перевод.*

Полученные результаты основных характеристик текстов подтверждают ранее опубликованные [Климов, 2013–2014].

Литература

- Бодлер Ш. Цветы зла // http://royallib.ru/book/Baudelaire_sharl/tsveti_zla.html
- Бодлер Ш. «Путешествие». Перевод В.В. Левика // <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2974>
- Бодлер Ш. «Путешествие». Перевод М.И. Цветаевой // <http://www.e-reading.co.uk>
- Бодлер Ш. «Путешествие». Перевод Эллиса // <http://www.100bestbooks.ru>
- Климов Ю.Н. Квантитативная лексикология книг Ветхого завета ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 19-11-2013 11:45
- Климов Ю.Н. Об h -точке книг Ветхого завета ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 24-11-2013 10:28
- Климов Ю.Н. О *h*арах *legomena* в стихах А.С. Пушкина, Б.Л. Пастернака, А.А. Ахматовой и И.А. Бродского // «ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке». Тезисы докладов Восьмой международной научно-практической конференции. – Московский институт лингвистики. 29 ноября 2013 г.– М.: МИЛ. 2013. – С.29–30.

Климов Ю.Н. Лексический кроссинговер в немецкой и итальянской поэзии (в подлинниках и в переводах на русский язык) // «ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке». Тезисы докладов Восьмой международной научно-практической конференции. Московский институт лингвистики. 29 ноября 2013 г.– М.: МИЛ. 2013. – С.30–31.

Климов Ю.Н. Лексический кроссинговер и квантитативный анализ русской поэзии м переводов на русский язык // «ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке». Тезисы докладов Восьмой международной научно-практической конференции. Московский институт лингвистики. 29 ноября 2013 г.– М.: МИЛ, 2013. – С.31–32.

Климов Ю.Н., Башин Ю.Б. Гендерные отношения и квантитативная лексикология в русской поэзии: сходство и различие // Вестник Московского института лингвистики. 2013. № 1. – С. 36–45.

Климов Ю.Н. О hapaх legomena в книгах Ветхого завета ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 30-12-2013 11:58

Климов Ю.Н. КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ (в подлинниках и в переводах... ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 17-03-2014 10:20

Климов Ю.Н. КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА НЕМЕЦКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ (в подлинниках и в... ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 17-03-2014 10:19

Климов Ю. Н. Квантитативная лексикология евангелий и посланий Святых Апостолов в Новом завете ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 22-03-2014 08:51

Климов Ю. Н. Нарах legomena, dishapaх legomena и h-точка в евангелиях и посланиях апостолов в... ВНЕ РАЗДЕЛОВ оригинал: <http://obshelit.net>. 26-03-2014 15:01

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ

Статья посвящена анализу межтекстового взаимодействия в профессиональном общении специалистов. Основной фокус внимания автор статьи концентрирует на раскрытии интеротношений профессиональных прецедентных текстов. Охарактеризованы две группы профессиональных речевых произведений – инструментальные и методологические тексты. Выделена и обоснована специфическая функция профессиональных прецедентных текстов в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональный прецедентный текст, интертекстуальность, интеротношения, профессиональное общение, совместная деятельность, восприятие текста, смысл, значение, профессиональное сознание, языковая профессиональная личность.

Sergey V. Myskin

SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF PROFESSIONAL PRECEDENT TEXTS IN THE ACTIVITIES OF PROFESSIONAL EMPLOYEES

The article is devoted to the analysis of intertextuality, interaction in professional communication of specialists. The focus of attention of the author of the article focuses on the disclosure of inter relations of professional precedent texts. Characterized by two groups of professional texts - instrumental and methodological texts. Dedicated and reasonably specific function of professional precedent texts in professional activities.

Key words: professional precedent text, intertextuality, inter relations, professional communication, joint activity, the perception of the text, the meaning, value, professional consciousness, professional language individuality.

Проблема интертекстуальности широко освещена в современной лингвистике. При этом межтекстовое взаимодействие изучается, в основном, на языковом материале, характерном для обыденной жизни – романы, стихи, повести и т. п. Вместе с тем вопросы интертекстуальности в профессиональном общении остаются за пределами научного анализа. Даже поверхностный взгляд показывает, что в профессиональном общении производятся тексты, которые понятны лишь на основании знания профессиональных прецедентных текстов. Причем бытовое общение не предполагает обязательное знание прецедентных текстов, а профессиональное общение, напротив, обязывает к знанию профессиональных прецедентных текстов. Также исследование интертотношений профессиональных речевых произведений представляется важным при организации совместной профессиональной деятельности разнопрофильных специалистов. Исходя из выделенных оснований, данная статья будет посвящена проблеме интертекстуальности профессиональных текстов.

В рыночных условиях разнообразие профессиональной деятельности и повышение ее интенсивности сопряжены с увеличением объема и появлением альтернативных форм речевых сообщений, сопровождающих трудовую активность работников. Данное обстоятельство вносит свои коррективы в процессы восприятия и обработки деловой информации в условиях совместной деятельности. В связи с этим менеджмент организаций начинает уделять особое внимание анализу функции речевых произведений в профессиональном общении и профессиональной деятельности специалистов.

В психологической науке уже рассмотрены различные аспекты профессионального общения. Так, социальная психология изобилует концепциями и теориями, описывающими закономерности перцепции в условиях межсубъектного общения и взаимодействия. Фокус внимания социальных психологов в основном концентрируется на

анализе эффектов восприятия и их влияния на межличностные отношения [Андреева 2001]. Здесь можно отметить, например, такие проявления, как побуждение к общению, изменение типа отношений общающихся, возникновение коммуникативных барьеров, фасциативное сопровождение сообщения. В качестве источников подобных явлений выделяют личностную обусловленность механизмов взаимопонимания в процессе общения, особенности идентификационных и рефлексивных процессов, искажение восприятия вследствие аттракции, атрибуцию и пр. В общей, педагогической, дифференциальной и клинической психологии процесс восприятия в профессиональном общении описывается в связи с учебной деятельностью [Маркова 1996], выделением типов личности [Берн 2008], влиянием информационных перегрузок и развитием навыков стрессоустойчивости [Тоффлер 2002].

Некоторые предметные области лингвистики также обращались к проблеме восприятия в процессе профессионального общения. Прежде всего, следует отметить теорию нейролингвистического программирования, которая успешно применяется в управлении персоналом и направлена на разработку механизмов восприятия личностью речевых стратегий для ее последующей ориентации в ситуации общения [Бендлер и Гриндер 1995]. Социолингвисты в деловом общении выделяют профессиональные языки как особого рода диалекты, обслуживающие процессы статусно-ролевой идентификации [Бондалетов 1966]. Вместе с тем, в последнее время наибольший исследовательский интерес вызывают психолингвистические аспекты восприятия специалистами речевых произведений партнеров по деловому общению. И хотя на сегодняшний момент отсутствует широко принимаемая научными кругами психолингвистическая теория, раскрывающая закономерности восприятия специалистами профессиональных речевых произведений в условиях совместной деятельности, ее актуальность не вызывает сомнения.

А.Н. Леонтьев выделяет особую роль восприятия в процессе психического отражения [Леонтьев 1983]. Вещи изначально даны в объективных связях предметного мира, и лишь затем они отражены субъективно, в чувственной сфере и в сознании человека. Психическое рождается на пути от внешнего объективного мира к ощущению и восприятию и, далее, к образу. Для языковой профессиональной личности это значит, что представления о профессиональной действительности формируются в процессе восприятия работником специализированных речевых сообщений с опорой на прецедентные тексты. Причем текст в данном случае рассматривается не как простой набор упорядоченных знаков, а именно как высказывание, т.е. речевое произведение субъекта деятельности [Бахтин 1986: 79]. Следовательно, в фокусе исследовательского внимания фиксируется проблема взаимодействия профессиональных текстов в процессе общения специалистов, что ставит нас перед необходимостью обратиться к анализу отношений речевых произведений, т.е. интертекстуальности.

Как видно, проблема интертекстуальности по сей день не теряет своей актуальности. Существует много работ отечественных ученых (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, А.Н. Фатеева и др.) и зарубежных исследователей (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева, и др.), посвященных анализу межтекстового взаимодействия. В основном, интертекстуальность связывается с «расщепленностью» сознания человека, с процессами объективизации «Я» и выходом за рамки языкового сознания в поисках в себе «Другого». Создание подобного «полифонизма», «многоголосия» [Бахтин 1986: 83] позволяет вводить в текст несколько субъектов высказывания, носителей разных художественных систем. Так, Ю. Кристева, сравнивая художественные произведения разных эпох, отличает простоту предшествующих романов и интертекстуальную наполненность современных литературных трудов [Kristeva 1970: 92–93]. Следовательно,

интертекстуальные отношения возникают в процессе взаимопроникновения текстов разных временных слоев. Причем каждый новый слой трансформирует прежний, а появление текста возможно за счет выхода из пре-текста на первый план внутренних элементов языка, некоей «имманентной ему “риторической формы”, освобождающей его от прямой связи с внеязыковой реальностью» [Ильин 1996: 189].

Как видно, в интертекстуальности, т.е. отношении своего текста к другому, различают читательскую и авторскую позиции. Читательская сторона понимается либо как установка на более углубленное понимание текста, либо как разрешение непонимания текста за счет установления многомерных связей с другими текстами [Фатеева 2012: 16]. Восприятие текста расщепляет сознание Читателя посредством установления многочисленных и многомерных связей с другими текстами, тем самым создавая возможность для полного понимания произведения. Интертекстуальность для Автора всегда связана с разрешением вопроса о его позиции в системе социально-культурных связей. Создание своего собственного текста и заявление о своем поэтическом «Я» ставит Автора перед необходимостью определения своего места среди других поэтических «Я» через установленные с ними диалогические отношения.

Понимание интертекстуальных отношений в рамках таких языковых конструкций, как «текст в тексте» и «текст о тексте», имплицитно содержит установку на гипертекст, т.е. текст, состоящий из фрагментов, которые содержат системы выявленных связей с другими текстами и предлагающие читателю различные «пути» его прочтения [Landow 1992: 3-4]. У. Эко дает следующее определение гипертекста: «Гипертекст – многомерная сеть, в которой каждая точка или узел самостоятельно увязывается с любой другой точкой или узлом» [Эко 1998: 6]. Таким образом, интертекстуальность образует многомерную систему взаимосвязанных предшествующих и параллельно

созданных текстов, чтение которых может осуществляться в любой последовательности. В этом проявляется обратимость художественной эволюции [Ямпольский 1993: 136]. При этом надо отметить, что гипертекстуальность не усиливает «многоголосие», т.к. фокус гипертекстуального сознания движется по ограниченному кругу текстов, составляющих его ядро. Как выразился по этому поводу Р. Барт, не возникает «множественности текста» [Барт 1994]. Хотя данное утверждение может быть справедливым лишь в отношении человека. И этому есть общепсихологическое объяснение: актуальный объем сознания человека позволяет удерживать до семи-девяи доминантных объектов окружающей действительности. Что же касается гипертекстов, создаваемых для «машинной» работы, то соблюдение множественности текста является их функциональным предназначением.

Вместе с тем приведенный краткий анализ состояния проработанности проблемы интертекстуальности в лингвистике не дает четкого понимания отношений профессиональных текстов в условиях совместной деятельности специалистов, а также оснований для отнесения профессиональных текстов к прецедентным. Для этого обратимся к исследованиям М.М. Бахтина, который, по справедливому замечанию Ю. Кристевой, первым обратился к проблеме межтекстовых отношений вообще и, в частности, к особенностям отношений профессиональных текстов.

В своих трудах М.М. Бахтин отмечает, что проблему текста необходимо решать в пограничных сферах лингвистики, филологии, литературоведения и других гуманитарных наук. Для ученого любой письменный или устный текст есть «первичная данность всех этих дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления (в том числе даже богословского и философского мышления в его истоках)» [Бахтин 1986: 77]. Принимая за текст любой связный знаковый комплекс, М.М. Бахтин разделяет их на присущие естественным и присущие

гуманитарным наукам. Причем критерием для выделения данных различий служит деятельность субъекта, которая может быть направлена либо на описание самого объекта природы – ей соответствуют тексты естественных наук, либо деятельность, которая направлена на «истолкование» уже существующего текста – тексты гуманитарных наук. Используя данное утверждение М.М. Бахтина в качестве исходного основания, мы можем сформулировать важный для понимания функции профессиональных текстов тезис. А именно: *функциональные особенности профессиональных текстов обуславливают динамические аспекты профессионального сознания субъекта совместной деятельности*. Попытаемся обосновать данное утверждение.

Итак, мы рассмотрели лингвистический подход к проблеме взаимоотношений речевых произведений. Далее перейдем к анализу интертекстуальности с точки зрения психолингвистики. По мнению М.М. Бахтина, профессиональные образы создаются либо при прямом восприятии предмета профессиональной деятельности, либо при перцепции его знакового коррелята. Опираясь на работы А.Н. Леонтьева, мы можем сказать, что речь в данном случае идет о первичных и вторичных образах [Леонтьев 1983]. Причем вторичный образ, в котором реальный объект замещается квазиобъектом, т.е. знаком, приводит к возникновению «двойной чувственности» квазиобъекта: к образу предмета и к образу языкового материала, из которого он построен [Леонтьев 1983: 148]. Продолжая мысль, А.А. Леонтьев отмечает, что такая двойственность обеспечивает движение и *взаимопереходы* значения от общего к индивидуальному, и наоборот [Леонтьев 2001]. Следовательно, тексты, которые возникли в результате прямого описания предмета, не способствуют возникновению двойной чувственности, а так называемые гуманитарные тексты, напротив, обладают таким свойством. На наш взгляд, необходимость учета тех особенностей профессионального текста, которые обеспечи-

вают *движение* или *взаимопереходы* значения, обусловлена коллективным характером профессиональной деятельности. Ведь организация коллективной деятельности по достижению общей цели возможна посредством общения – знаковой активности сотрудничающих личностей [Тарасов 1992: 20]. Тогда двойная чувственность обеспечивает движение и *постоянные взаимодействия сознания специалистов между образом предмета и языковым образом*, тем самым достигая их соответствия (согласованности) в конкретной ситуации профессионального общения и профессиональной деятельности. В отличие от текстов, создаваемых специалистом в процессе непосредственного восприятия предмета деятельности, неязыковой и языковой образы которого не овнешнены и не участвуют в подобном согласовании. В свою очередь, когерентность предметных и языковых образов обуславливает для всех членов коллектива общность цели совместной деятельности, способы ее достижения, а также необходимые организационные условия. Таким образом, *функциональной особенностью профессиональных текстов является их способность актуализировать динамические процессы неязыкового и языкового профессионального сознания специалистов в условиях совместной деятельности*.

Рассмотрев понятийные аспекты интертекстуальности с позиций лингвистики и психолингвистики, мы можем перейти к анализу видов межтекстовых отношений.

М.М. Бахтин во взаимодействии текстов выделяет интер- и интраотношения. Интраотношения, т.е. отношения внутритекстовые, дают структурное понимание речевого произведения. Субъект, производящий высказывание, фиксирует замысел (интенцию) и способ его осуществления. Между этими внутренними категориями выделяются отношения, которые определяют характер самого текста [Бахтин 1986: 78]. Отметим, что разновидность отношений, определяемая биполярным конструктом «соответствие-несоответствие», позво-

ляет выделить прагматический потенциал речевого высказывания. Например, несоответствие замысла способам его реализации может побудить человека к активной познавательной деятельности, противоборству, либо наоборот, демотивировать его деятельность.

В структуре каждого текста как высказывания М.М. Бахтин выделяет «два полюса» – общее и индивидуальное. Автор пишет по этому поводу: «Каждый текст предполагает общепонятную (то есть условную в пределах данного коллектива) систему знаков, язык (хотя бы язык искусства) ... Итак, за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное, и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан)» [Бахтин 1986: 80]. Следуя логике исследователя, индивидуальное характеризует смысл текста для каждого конкретного индивида, а способ его достижения выражен общезначимыми элементами данного высказывания – системой языка, его элементами. Каждое высказывание двуголосое: в нем присутствует автор текста и реципиент, его воспроизводящий. Такая двуголосость и легла в основу выделения прецедентного (исходного) и актуального (воспринимаемого) текстов. Прецедентный текст всегда выступает исходным ориентиром, так называемым «мерилом», для актуального. Причем их фразеологическое единство не ведет к смысловому, т.к., во-первых, смысл всегда индивидуален, а, во-вторых, актуальное высказывание производится в других условиях места и времени, что говорит об их схожести, но неодинаковости. Приведем слова М.М. Бахтина по этому поводу: «В пределах одного и того же высказывания предложение может повториться (повтор, самоцитата, произвольно), но каждый раз это новая часть высказывания, ибо изменилось его место и его функция в целом вы-

сказывания» [там же: 83]. Вместе с тем со времен М.М. Бахтина психоллингвистика существенно продвинулась вперед в концептуальном и исследовательском планах. В соответствии с современными представлениями, автор текста в речевом продукте отражает только некоторые фрагменты своего сознания. В свою очередь, реципиент, воспринимая только форму этого речевого сообщения, конструирует содержание, опираясь на значения языковых знаков, хранящиеся в его памяти. И ориентируясь на грамматические показатели языковых единиц, конструирует собственное содержание речевого сообщения. В нашей работе мы придерживаемся именно такого понимания межтекстовых отношений.

В рамках нашей работы мы можем получить следующую исследовательскую пользу из свойства текста устанавливать интраотношения. Наличие индивидуального и общего в тексте, двух языковых образов – «истинного автора и автора-перцептора» ставит перед необходимостью их оперативного удерживания в зоне актуального сознания при реализации коллективной профессиональной деятельности. Такая необходимость обусловлена общественной значимостью продукта (цели) профессиональной деятельности, т.к. ее потребителем является *третье лицо*, не включенное в систему данных организационно-производственных отношений. Поэтому «владелец» актуального профессионального текста должен стремиться к максимальному соответствию исходному профессиональному тексту, который уже культурно «одобрен», культурно значим. Например, работник приемной комиссии, получив инструктивное письмо от вышестоящей организации о правилах приема в вуз крымских и севавтопольских выпускников школ, непременно обратится к Федеральному Закону РФ «Об образовании» на предмет их соответствия. В связи с этим важными становятся *взаимопереходы* как между общественным и индивидуальным, так и между исходным текстом и текстом актуальным. Причем такое интертекстуальное

сближение должно основываться не только на лексических совпадениях, но и на структурном сходстве, «при котором текст и его интертекст являются вариантами одной и той же структуры» [Riffatterre 1972: 132]. Здесь мы опять подчеркиваем *специфичность функции профессиональных текстов, которая выражается в актуализации динамических процессов профессионального сознания*.

Обращаясь к анализу интеротношений текстов, отметим, что замысел (смысл) обладает свойством выхода за пределы текста, и именно это позволяет ему диалогически взаимодействовать со смыслами других текстов. Диалог смыслов разных текстов суть интеротношений высказываний, носящих металингвистический характер. Приведем высказывание М.М. Бахтина: «Диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания, относятся к металингвистике. Они в корне отличны от всех возможных лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании» [Бахтин 1986: 83]. Диалог смыслов осуществляется в прагматическом контексте речевого произведения, отражающего потребностно-мотивационную и ценностную сферу языковой личности, т.к. индивидуальное в тексте «имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [там же: 80]. Причем смысловые отношения, по мнению ученого, возможны лишь при понимании другого, т.е., используя социально-психологическую терминологию, при «субъект-субъектных» отношениях, а не объяснении – «субъект-объектных» связях. Именно тогда и только тогда возможно правильное отражение отражения. Наличие общности темы или точки зрения, хотя бы частично, обеспечивает схождение смыслов различных высказываний и их диалог. То есть общность проблемы порождает диалогические отношения.

Применительно к профессиональному общению отмеченная выше диалогичность текста имеет следующее значение.

Совместный труд обусловлен существованием общей цели, достижение которой возможно лишь при участии каждого из членов коллектива. Причем каждый сотрудник, как профильный специалист, привносит свой общественно выработанный способ обращения с предметом труда в «копилку» общей деятельности по достижению цели. Говоря о способе обращения с предметом труда, мы имеем в виду всю совокупность профессиональных знаний, навыков и умений специалиста, сформированных на основе профессиональных прецедентных текстов, т.е. тех общественно значимых и эмоционально окрашенных речевых произведений, которые включены в общий курс подготовки студентов вузов или других образовательных учреждений. Следовательно, *в условиях коллективной деятельности возникает необходимость диалога профессиональных прецедентных текстов для конвергенции их смыслов, отражающих различные профильные способы достижения общей цели организации. Другими словами, общая цель есть единый смысл, а профильные цели специалистов являются его частицами.*

Итак, мы проанализировали такие виды межтекстового взаимодействия, как интраотношения и интеротношения. Интраотношения проявляются в переходе в рамках одного текста от общезначимого к индивидуальному смыслу, т.е. от инвариантной его части к вариативной, и наоборот. Интеротношения прослеживаются между текстами, относящимися друг к другу по принципу производной – «текст из текста». Также мы обратили внимание на существование отношений между текстами, относящихся к различным сферам и не имеющих единого прецедентного текста в своей основе. Такие межтекстовые отношения характерны для совместной профессиональной деятельности. Далее обратимся к специфике функционирования профессиональных текстов в общении специалистов.

Прежде всего, выделим в качестве важного обстоятельства то, что между профессиональными текстами возникают интер-

отношения особого рода. Какого именно? У М.М. Бахтина диалог текстов проявляется в переходе авторства от первичного текста к вторичному. Мы уже отмечали выше, что исходный текст воспринимается речевым субъектом с учетом своего контекста, после чего у него конструируется схожее содержание, но не полностью идентичное с авторским. Прочитаем слова исследователя по этому поводу: «Мы можем создать образ любого говорящего, воспринять объектно любое слово, любую речь, но этот объектный образ не входит в намерение и задание самого говорящего и не создается им как автором своего высказывания» [Бахтин 1986: 83]. И еще: «...смысловые связи между разными высказываниями приобретают диалогический характер (или, во всяком случае, диалогический оттенок). Смыслы разделены между разными голосами. Исключительная важность голоса, личности» [там же: 87]. То есть интеротношения, по М.М. Бахтину, это диалог голосов (авторов) текстов, личностей. Однако в профессиональном общении и деятельности тексты имеют другие границы. Ведь любая профессия суть общественно одобряемые способы обращения с предметами культуры. Причем профессиональная деятельность всегда подразумевает трех участников: социального (исходного) «автора профессии», специалиста, воспроизводящего эту профессию «здесь и сейчас», а также потребителя продукта этой профессиональной деятельности. То есть тексты, функционирующие по схеме «Автор-Читатель», – это произведения обыденной жизни. В то же время речевые произведения, представленные формулой «Автор-Читатель-Потребитель», относятся к профессиональным текстам, так как функционируют в условиях профессионального взаимодействия субъектов при создании продукта для потребителя. Если при восприятии субъектом обыденного текста (будь то рассказ, эссе, стихи и пр.) конструируется «смысл для меня», то при перцепции профессионального текста проявляется «мой смысл для другого». Например, функцио-

нальные обязанности оператора *Call*-центра включают описание норм общения с клиентом, учебные материалы для архитектора содержат описание и правила построения помещений для других людей, психотерапевт изучает профессиональную литературу о том, как «работать» с психикой человека и т.д. Необходимость передачи текста, описывающего продукт, либо сам этот продукт третьему лицу, требует от специалиста максимального сближения (идентичности) первичного и вторичного текстов в его сознании. Данное обстоятельство указывает на существование особых интеротношений профессиональных текстов, которые характеризуются способностью *обеспечивать взаимопереходы значения* между автором, специалистом и потребителем. Направленность профессиональных текстов на «Потребителя» позволяет утверждать, что они

не диалогичны, а *триадные*. Подчеркнем, что речь в данном случае идет именно о значении (общественно значимом), а не смысле (индивидуально значимом). То есть интеротношения в профессиональных текстах возникают не между «единичными голосами» или авторами, а между «социальными голосами» [там же: 89], типизированными языковыми профессиональными личностями, профессиями.

Другим, не менее важным, моментом в анализе функционирования специализированных речевых произведений является характеристика интеротношений между различными группами профессиональных текстов. Кратко охарактеризуем эти группы. В ситуации профессионального общения специалисты взаимодействуют посредством различных профессиональных прецедентных текстов (Рисунок 1).

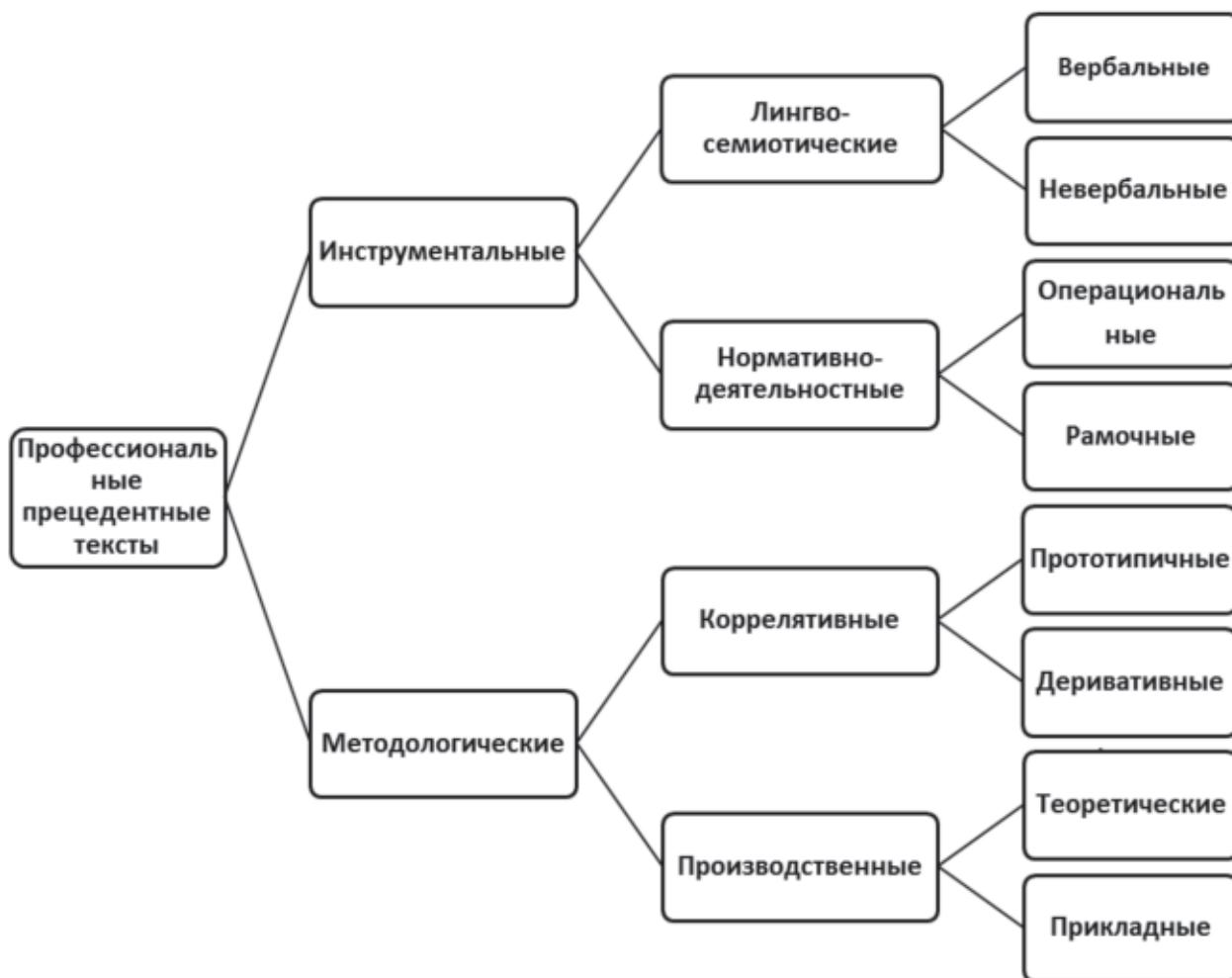

Рис. 1. Распределение профессиональных прецедентных текстов по группам и подгруппам

Как видно из рисунка 1, существуют, как минимум, две группы профессиональных прецедентных текстов. Группа *инструментальных текстов* объемлет речевые произведения, которые являются своеобразным средством (инструментом) для организации совместной деятельности. К ним относятся технико-эксплуатационные инструкции, описания функциональных обязанностей, должностные инструкции, трудовые контракты (договоры), правила внутреннего распорядка и трудового поведения и т. п.; выступления на рабочих совещаниях, доклады, приказы, Интернет-переписка и почтовая корреспонденция, презентации и видеоматериалы, консультации и телефонные переговоры и др.; фирменная атрибутика, корпоративный стиль, герб и флаг корпорации и другие знаковые выражения организационной культуры. К группе *методологических текстов* относятся речевые произведения, отражающие теоретико-методологическую специализацию работника в соответствии с профилем его профессии: концепции, теории, подходы, научные школы, а также учебники, методические пособия, монографии, научные статьи, материалы конференций, научные доклады и научные открытия и т. п.

Надо отметить, что между профессиональными прецедентными текстами внутри каждой группы также существуют различия, что послужило основанием для поиска и нахождения критериев еще большей их дифференциации. Инструментальные тексты могут быть разделены по форме выражения – лингво-семиотическая подгруппа, а также по степени детализации деятельности – нормативно-деятельностная подгруппа.

Лингво-семиотическая подгруппа. Как было отмечено выше, инструментальные тексты направлены на организацию деятельности работников и представлены, в нашем обычном понимании, в виде инструкций, приказов, нормативов и пр., то есть все они выражены вербально (письменно или устно). Вместе с тем организационная психология обращает внимание ис-

следователей на тот факт, что в компаниях существуют невербальные нормативы поведения и деятельности работников, которые представлены фирменной атрибутикой, корпоративным стилем, гербом и флагом корпорации, портретами и другими знаковыми выражениями организационной культуры [Шейн 2000]. Например, форма для военнослужащих, белый халат для врачей, нагрудный знак для депутатов, российские герб и флаг для чиновников, строгий костюм для бизнесменов, белые рубашки для клерков, администраторов и управленцев («белые воротнички») и т. д. Кстати, границы данных знаков пластичны и их действие выходит за рамки данной организации. Так, надевая белый халат при посещении больницы, посетитель частично приобщается к правилам поведения в данном учреждении: соблюдать тишину и чистоту, следить за режимом и, в конце концов, выступать неким «душевным лекарством» для больного. А, надевая армейскую фуражку, обыватель невольно демонстрирует военную выправку и «отдает честь». В связи с этим в подгруппе лингво-семиотических текстов мы выделяем **вербальные** и **невербальные** профессиональные прецедентные тексты.

Нормативно-деятельностная подгруппа. Например, есть инструментальные тексты, полностью *воспроизводящие профессиональные действия*, вплоть до их операционального состава. К таким относятся инструкция пилота самолета или оператора атомной станции. Другие же тексты описывают лишь *общие принципы* работы, схемы, поведенческие рамки, опираясь на которые специалист строит свою профессиональную деятельность. Например, контракт с художником или артистом, для которого каждое исполнение одного и того же номера или песни происходит по-разному. Следовательно, в нормативно-деятельностную подгруппу включены **операциональные** и **рамочные** профессиональные прецедентные тексты.

В группе методологических текстов нами выделены коррелятивная (по крите-

рию взаимозависимости и соотнесенности) и производственная (по критерию направленности на формирование или знаний, или навыков) подгруппы.

Коррелятивная подгруппа. В любой организации существуют тексты, которые можно охарактеризовать как исходные. Так, первым профессиональным прецедентным текстом для компании является Устав. Именно этот документ нормирует профессиональную деятельность всего трудового коллектива и служит прототипом для порождения других документов. Однако со временем происходит смена жизненных циклов организации: расширяется география деятельности, добавляются виды деятельности, изменяется структура и т. п. Естественно, что каждое изменение сопровождается появлением новых регламентирующих документов, разработанных на основе исходных, прототипичных. Причем они не являются самостоятельным производением, а действуют в рамках, определенных основным документом, они коррелируют с ним. В этом смысле вторичный текст является деривативным (не путать с дериватным), так как он существует лишь при условии действия первого. Несмотря на то, что термин «деривативный» применяется к брокерской деятельности и характеризует финансовую ценную бумагу, стоимость которой является производной от стоимости и характеристик другой ценной бумаги, по нашему мнению, он в полной мере отражает жизнеспособность, прецедентную нагрузку того или иного профессионального текста. Например, федеральный закон – исходный документ, а региональный – деривативный. Устав организации – исходный, Положение о ее филиале – деривативный. Но, если организация признана банкротом и прекратила свое существование, то и ее филиал, в соответствии с Уставом, также перестает действовать, а Положение о филиале утрачивает силу. Таким образом, в коррелятивной подгруппе мы выделяем **прототипичные** и **деривативные** профессиональные прецедентные тексты.

Производственная подгруппа. Любая профессиональная деятельность основана на способности быстро, точно и сознательно выполнять определенные действия на основе усвоенных знаний и приобретенных навыков, т. е. на умениях. При этом существуют теоретические описания профессиональной деятельности, рассчитанные на формирование когнитивной сферы профессиональной личности или производство знаний, а также описания практических действий специалиста на основе выработанных знаний, т. е. прикладные аспекты деятельности, предполагающие производство навыков. Например, клиент-ориентированный подход в продажах предполагает категоризацию потребителей товаров в зависимости от их личностных особенностей, чаще всего, по потребностям. Базовым теоретическим материалом здесь является концепция иерархии потребностей человека А. Маслоу [2008], которую изучают в массовом порядке менеджеры по продажам. На основе данной теории были разработаны практико-ориентированные пособия, описывающие речевые модули для выявления актуальных потребностей клиента. В связи с этим в производственную подгруппу включены **теоретические** и **прикладные** профессиональные прецедентные тексты.

Отметим, что в профессиональном общении и профессиональной деятельности специалиста представлены все разновидности текстов. Однако их соотношение зависит от совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов: языковой компетентности работника, организационно-правового статуса компании, направления деятельности (производство, торговля, услуги и пр.), численности штатных работников и их гендерного состава, опасности условий труда, психологического климата, организационной культуры и многого другого, что формирует профессиональную картину мира. Следовательно, результат восприятия работниками комбинации различных профессиональных прецедентных текстов обуславливает архитектуру про-

фессионального образа мира и, как следствие, процесс формирования языкового профессионального сознания [Мыскин 2013]. При этом в условиях совместной деятельности степень отрефлексированности специалистом совокупности профессиональных прецедентных речевых произведений становится ведущим фактором успешности совместной деятельности.

До настоящего момента мы рассматривали когнитивные аспекты профессиональных прецедентных текстов, но теперь необходимо обратиться к их прагматическим свойствам. Побудительные характеристики профессиональных прецедентных текстов представляют собой сложное сочетание осознания профессиональной направ-

ленности, статусно-ролевых притязаний, уровня языковой компетентности и пр., что требует отдельного научного исследования. Вместе с тем некоторые побудительные свойства мы сможем обозначить, исходя из анализа интеротношений профессиональных прецедентных текстов. Дело в том, что по отдельности ни инструментальные, ни методологические тексты не обладают какой-либо мотивационной нагрузкой. Так, если старшеклассник прочитает служебные функциональные обязанности оператора атомной станции, то маловероятно, что он сконструирует смысл соответствующей профессиональной деятельности. Скорее всего, у школьника сформируется образ данной профессии на основании формаль-

Таблица 1.
Примеры профессиональных прецедентных текстов

Профессиональные прецедентные тексты		Инструментальные				
		Лингво-семиотические		Нормативно-деятельностные		
		Вербальные	Невербальные	Операциональные	Рамочные	
Методологические	Коррелятивные	Прототипичные	<i>Миссия организации Публичное обращение к целевой группе</i>	<i>Герб Эмблема Портрет</i>	<i>Договор Контракт</i>	<i>Закон</i>
		Деривативные	<i>Цели и задачи организации</i>	<i>Фирменная печатная продукция Корпоративный стиль Дресс-код</i>	<i>Функциональные обязанности Разъяснительное письмо</i>	<i>Устав</i>
	Производственные	Теоретические	<i>Учебники Методические пособия</i>	<i>Символ профессии Дипломы Сертификаты</i>	<i>Порядок повышения квалификации</i>	<i>Положение об аттестации</i>
		Прикладные	<i>Опыт наставника Профессиональные форумы</i>	<i>Грамоты Медали Наградные знаки Звания Должность</i>	<i>Инструкция к действиям</i>	<i>Инструкция к условиям действия</i>

ных признаков, не отражающих суть деятельности. Или, используя терминологию Р.Г. Пиотровского, данный текст вообще может восприняться им как «энергетический шум» [Пиотровский 1979]. То же самое произойдет, если безработный инженер примет за чтение учебника по современным технологическим инновациям – смыслом при этом выступит лишь познавательный интерес. Однако все меняется, когда разновидности профессиональных прецедентных текстов сводятся в совместной профессиональной деятельности и профессиональном общении. Между текстами возникают связи, обусловленные всей гаммой личностных смыслов и общественного значения. Для инженера-атомщика должностная инструкция выступает *инструментом* организации его профессиональной деятельности, устанавливает нормы, обязанности, способы коррекции, мотивирует и определяет соответствие его квалификации, отражающей всю совокупность накопленных им методологических текстов. Должностная инструкция сродни перфокарте, в которой отверстия соответствуют путям развертывания определенных профессиональных действий специалиста, это некая специфическая программа действий. С другой стороны, молодой специалист-сельский врач в своей работе постоянно будет обращаться к учебникам и *методическим* пособиям. Другими словами, именно возникшие интеротношения между профессиональными прецедентными текстами обладают побудительной силой для профессиональной деятельности и профессионального общения специалистов, что вполне соответствует психологическому пониманию категории «отношение» как особого типа связи между элементами одной системы, включающей программу действий и готовность к ним личности. Таким образом, *совокупность интерсвязей между инструментальными и методологическими текстами отражает прагматический уровень языковой профессиональной личности.*

В Таблице 1 представлены примеры профессиональных прецедентных текстов, которые, по-нашему мнению, характеризуют различные интеротношения.

Ниже даны некоторые пояснения:

- *миссия* – понятие, характеризующее смысл (предназначение) существования организации с позиции удовлетворения потребностей клиентов, реализации конкурентных преимуществ, мотивации сотрудников фирмы; формулируется при создании организации;

- *обращение* – способ коммуникации и способ речевого воздействия на целевую аудиторию (*напр., Обращение Президента к народу, Обращение ректора к студентам и преподавателям, Обращение владельца компании к клиентам и т. п.*); осуществляется периодически и является уникальным, что позволяет ссылаться на него в постановке целей и задач деятельности;

- *цели и задачи* – формулируются на основе миссии организации;

- *герб, эмблема, портрет* – символы, атрибуты организации, позволяющие идентифицировать себя на рынке; семиотика фирменной атрибутики обусловлена организационной культурой, ее базовыми ценностями; особая система невербальной коммуникации.

Итак, в результате проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы, а именно:

Специфичность функции профессиональных текстов в профессиональной деятельности выражается в актуализации динамических процессов профессионального сознания субъекта.

Динамические особенности профессионального сознания в процессе восприятия профессиональных текстов проявляются во интратекстуальных и интертекстуальных взаимопереходах.

Текстовые интрапереходы осуществляются от общественно значимого к индивидуально значимому и обеспечивают координацию совместной профессиональной деятельности посредством их сближения.

Профессиональные тексты могут быть разделены на инструментальные и методологические. Возникающие между ними в условиях совместной деятельности интеротношения приобретают мотивационные свойства для речевых субъектов.

Совокупность интерсвязей между инструментальными и методологическими текстами отражает прагматический уровень языковой профессиональной личности.

Литература

- Андреева Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 376 с.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
- Бендлер Р., Гриндер Д.* Рефрейминг: ориентация личности с помощью речевых стратегий. Перев. с англ. – Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 256 с.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. [Люди, которые играют в игры.](#) – М.: Эксмо-Пресс, 2008. – 576 с.
- Бондалетов В.Д.* Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореф. дис... д-ра. филол. наук. – Л., 1966. – 28 с.
- Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996 – 253 с.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. (Деятельность, Знак, Личность). – М.: Смысл, 2001. – 392 с.
- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические труды: В 2-х т. – Т. 1 – М.: Периодика, 1983. – 452 с.
- Маркова А.К.* Психология профессионализма. – М.: МГФ «Знание», 1996. – 308 с.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
- Мыскин С.В.* Профессиональное самоопределение языковой личности // Вопросы психолингвистики. – М.: МИЛ, 2013. № 18. – С. 66–77.
- Пиотровский Р.Г.* Инженерная лингвистика и теория языка. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1979. – 112 с.
- Тарасов Е.Ф.* Проблемы теории речевого общения. Автореферат дис. ...доктора филол. наук в форме научного доклада. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1992. – 55 с.
- Тоффлер Э.* Шок будущего: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
- Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 4-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 280 с.
- Шейн Э.* Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. – СПб: Питер, 2002. – 336 с.: ил.
- Эко У.* От интернета к Гутенбергу // Новое литературное обозрение. – 1998. № 4 (32). – С. 5–14.
- Ямпольский М.* Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.
- Kristeva J.* Le texte du roman. – P., 1970. – 209 p.
- Landow G. P.* Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. – Baltimore, John Hopkins University Press, 1992. – 242 p.
- Riffaterre M.* Sémiotique intertextuelle: l'interpretant. – Revue d'Esthétique, 1972. – N 1-2. – p. 128—150.

НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»
совместно с ФГБУН «Институт языкознания РАН»
выпускает журнал
«Вопросы психолингвистики»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

А.Д. Палкин

**ТРАКТОВКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС**

По мере развития лингвистической науки взгляды на взаимосвязь языка и мышления изменялись от признания их полной тождественности до констатации их полной независимости. В статье прослеживается изменение этих взглядов в работах различных ученых. Особое внимание уделяется тому влиянию, которое в советское время оказала на решение данного вопроса философия марксизма. Подчеркивается ошибочность ряда суждений советских ученых. Рассматривается современная трактовка взаимосвязи языка и мышления.

Ключевые слова: язык, мышление, взаимосвязь, экзистенциализм, марксизм, вербалисты, авербалисты.

A. D. Palkin

**INTERPRETATION OF LANGUAGE AND THOUGHT INTERRELATION:
HISTORICAL EXCURSUS**

As the science of linguistics developed, the attitude towards language and thought interrelation altered from admitting their identity to stating their total independence. The article traces the change of these views in the works of different scientists. Special attention is given to the influence of Marxist philosophy on solving this issue in the Soviet period. Some judgements of Soviet scientists are shown to be erroneous. Modern interpretation of language and thought interrelation is discussed.

Keywords: language, thought, interrelation, existentialism, Marxism, verbalists, non-verbalists.

Проблема соотношения языка и мышления всегда привлекала к себе внимание ученых. Эту проблему невозможно обойти стороной, когда решается вопрос о значимости идеального и материального в жизни человека и в устройстве мироздания. Если сейчас попытаться дать хотя бы краткий очерк о том, как в гуманитарной науке различными исследователями трактовалась связь языка и мышления, то должна получиться по меньшей мере книга. В данной статье хотелось бы остановиться на основных парадигмах новейшего времени в приложении к проблеме языка и мышления.

Следует отметить, что различные взгляды на взаимосвязь языка и мышления были во многом обусловлены степенью научного развития той эпохи, в которую создавалась та или иная концепция, а также теми общими положениями, которым следовало то или иное научное направление. И это естественно: любая смена научной парадигмы влечет за собой пересмотр образа мира и сопряженных с ним элементов. Многие теории находились в прямой зависимости от того, утверждался ли примат материи над идеей или, наоборот, идеи над материей. Причем и в стане материалистов, и в стане идеалистов однозначная трактовка отсутствовала. Таким образом, взаимоотношение языка и мышления должно было вписываться в рамки той концепции, которую отстаивало некоторое течение в определенный период времени.

* * *

Рассматривая различные подходы к данной проблеме, в первую очередь необходимо упомянуть имя В. фон Гумбольдта, разработавшего свою знаменитую философию языка. Позднее она получила свое развитие в виде неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер) и теории лингвистической отнесенности Э. Сэпира – Б. Уорфа.

Гумбольдт считал, что языку отводится главенствующая роль в формировании мышления, духа народа. Он прежде всего высказывался в том плане, что «язык есть

орган, образующий мысль». Таким образом, противоречие идеального (сознания) и материального (звуков речи) разрешалось за явным преимуществом последнего: мысль, по Гумбольдту, материализуется с помощью языка, что позволяет ей «достичь отчетливости и ясности», а без этого «представление не может стать понятием». Наиболее четко позиция Гумбольдта звучит в утверждении о том, что язык содержит в себе «всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества» [Гумбольдт 1984: 82].

Гумбольдт постоянно возвращается к вопросу о том, какое место занимает язык в духовной жизни человека, многократно подчеркивая, что формы и содержание языка не сводимы ни к тому или иному сочетанию впечатлений, ни к устойчивым содержаниям сознания. Каждый отдельно взятый язык впитывает в себя «дух народа» и сам в свою очередь формирует этот дух, представляя собой силу, которая пронизывает всю историю человечества.

Неверно, однако, делать вывод о том, будто Гумбольдт заявлял об однозначной детерминированности мышления языком. Он все-таки признавал за мышлением некоторую самостоятельность, о чем свидетельствуют следующие его строки: «За влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным влиянием на язык – начало свободы» [Там же: 84]. Если же подходить с современных позиций, то Гумбольдт явно преувеличивал влияние языка на человека, но не в такой степени, следует заметить, как Б. Уорф, не признававший за мышлением ровно никакой самостоятельности в гносеологическом смысле.

Рядом с именем Гумбольдта нельзя не упомянуть его активного сторонника в России А. А. Потебню. Высказывание «язык есть орган, образующий мысль», можно считать своего рода девизом русского исследователя.

В его трактовке мысль объективируется при помощи некоторого внешнего

предмета, замещающего предмет означаемый. И такая объективация, считает Потебня, заложена в человеке генетически, являясь необходимой ступенью формирования сознания. Отсюда вывод: «...чем первобытнее человек, тем менее возможно беззвучное мышление». Однако даже тогда, когда мы стараемся «уловить себя, остановить бессознательное течение нашей мысли», мы, по его мнению, все-таки «говорим, хотя и беззвучно» [Потебня 1989: 12–13].

Потебня, развивая идеи Гумбольдта, считал, что мысль не существует в готовом виде до слова, но, напротив, слово следует понимать как единство преобразования и создания, в чем и проявляется ограниченность разработанной им теории: мышление рассматривалось слишком упрощенно. Так, «признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными (признаками – А. П.), потому что воспроизводится при всяком восприятии, даже не заключаясь в этом последнем, тогда как из остальных признаков образа многие могут лишь иногда возвращаться в сознание» [Там же: 131].

Вместе с тем Потебня идет дальше Гумбольдта, допуская возможность «бессловесного мышления». Он отмечает, что в тех случаях, которые требуют «немедленного соображения и действий, например при неожиданном вопросе... человек до ответа в одно почти неделимое мгновение может без слов придумать весьма многое» [Там же: 292–293].

Совершенно иной подход к проблеме языка и мышления предложил создатель современной феноменологии Э. Гуссерль. В начале своего творческого пути он стремился создать философию, которая была бы организована как строгая наука. Поэтому существенно отразились на его мировоззрении именно сциентические установки, что предопределило и все дальнейшее развитие феноменологии. Однако было замечено, что со временем обнаружилась несовместимость между «строгой научностью» и феноменологическими методами.

Сказалось это и на интерпретации законов функционирования человеческого языка.

Гуссерль рассматривал в большей степени не язык как таковой, а так называемые «выражения». Роль языка в работе сознания как раз и раскрывается в феноменологии Гуссерля через анализ выражений в некоммункативном мышлении. Здесь, как он отмечает, значение слова не совпадает с его коммуникативной функцией, а физическая сторона речи – звук теряет свое значение и человек обращается к чистому смыслу. По весьма удачному наблюдению А. Н. Портнова, у Гуссерля «знак в качестве “выражения”, т. е. подлинного речевого знака, направлен всегда на что-то, интенционален. Сам факт означения включает конституирование физической стороны знака. Но не это главное. Существенно в семиотическом акте то, что, порождая знак, сознание, с одной стороны, “придает смысл”..., с другой же – “наполняет смыслом”... субстанцию слова. “Придание смысла” нужно понимать как соотношение знака с выражаемой им предметностью. Тем самым “выражение” становится осмыслением, но, если так можно выразиться, не до конца: ему соответствует “созерцание”, “дающее предмет” (и это особенно важно. – А. П.)» [Портнов 1994: 99].

Как видим, Гуссерль уже не отводит языку главенствующей роли. Он даже утверждает, что при осмыслении предмета «выражению» соответствует «созерцание», иначе говоря, восприятие действительности осуществляется посредством некоторой идеальной сущности, функционирующей наравне с языком. Здесь уже не идет речи о примате языка над мышлением, как у Гумбольдта. Язык и мышление рассматриваются как две отдельные субстанции, причем мышление порождает язык.

С появлением экзистенциализма язык и мышление начинают рассматриваться в значительно более тесной взаимосвязи. И первым следует упомянуть, конечно же, М. Хайдеггера. Ученик Гуссерля, Хайдеггер все-таки во многом переиначивает гус-

серлевскую феноменологию, поэтому его и относят к одним из ярчайших представителей экзистенциализма, а не феноменологии в собственном смысле этого слова. Об отношении этого философа к языку можно судить по его эссе под названием «Путь к языку».

В связи с означенным эссе хотелось бы привести несколько длинное, но достаточно экспликативное суждение А. Н. Порт-нова:

«Когда Хайдеггер доказывает, что “путь к языку” заключен в самом языке и мы погружены в язык, в его “самоговорение” (*Sage*), то он констатирует связь высказанного разнообразными способами с невысказанным. Последнее проявляет себя то как “еще не высказанное” (*ein noch-nicht-Gesprochenes*), то как нечто, что должно остаться невысказанным в силу недоступности этого содержания для вербализации. Будучи все же высказанным, мыслительное содержание кажется нам отделенным от самого языка и от говорящего. В действительности это не так, полагает философ. В любом случае мы остаемся в языке, погружены в него. Язык как “самоговорение”, как “сказ” есть часть нашего бытия-в-мире» [Там же: 131–132].

Итак, мышление и язык у Хайдеггера слиты воедино. Одно невозможно без другого. Однако он не заявляет об их тождественности. Если некоторые виды содержания недоступны для вербализации, значит остается некоторая нематериальная субстанция, живущая по своим особым законам и способная обходиться без языка. Данная концепция отличается от взглядов Гуссерля, что неудивительно. Если у Гуссерля между языком и мышлением сохраняется некоторая дистанция, то у Хайдеггера эта дистанция полностью отсутствует: язык и мышление в большей своей части как бы налагаются друг на друга. Человек у Хайдеггера «погружен в язык».

Новый виток в освещении вопроса о соотношении языка и мышления был сделан с разработкой принципа диалогизма,

ярким представителем которого является другой экзистенциалист, К. Ясперс.

Он считал, что в самосознании человека проявляется раздвоенность сознания. Продолжая оставаться предметным, оно, тем не менее, обращается на самого себя. Слияние предметности и субъективности в самосознании настолько велико, что можно прийти к выводу о существовании нескольких личностей – или, по меньшей мере, двух психических начал. Поэтому Ясперс рассматривает сознание как первофеномен, невыводимый из каких-либо иных психических форм, а внутреннее деление на субъект и объект, считает он, указывает на взаимопринадлежность самосознания и предметного сознания. Такого рода подход сказан и на рассмотрении речемыслительной деятельности.

А. Н. Портнов так резюмирует положение Ясперса:

«1. Мышление требует чувственных опорных пунктов. Важнейшей из таких чувственных опор выступает язык. В этом смысле языком является, по Ясперсу, все, что “означает”, все, в чем “подразумевается нечто иное”...

2. Мышление есть сообщение. Мы не понимаем до тех пор, пока не выскажем понятие по крайней мере самому себе...»

В свою очередь «мышление без слов» вполне возможно. По Ясперсу, бессловесное мышление допустимо в трех случаях:

«1. Как граница между мыслью и немостью; все, что совершенно не поддается языковому выражению... мыслью не является. 2. Тогда, когда мысль только зарождается. Всякое понимание, схватывание, усмотрение толкают нас к выражению, хотя сами они могут происходить и без участия языка. 3. Высшие ступени понимания, или... “экстаз откровенности”... не требуют языка» [Там же: 177–178]. Как видим, Ясперс рассматривает язык не как нечто слитное с мышлением. Он допускает возможность невербального мышления, но в то же время – вполне справедливо – отводит языку ведущую роль в мыслительных

процессах. Перед нами подход, близкий современным взглядам на рассматриваемую проблему. Ясперс лишь несколько иначе описывает невербальную сторону мышления, если использовать сложившийся к настоящему времени метаязык.

Отношение языка к мышлению не могли обойти стороной представители герменевтики, среди которых выделялись В. Дильтей, Ф. Шлейхермахер, Г.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, У. Эко. Их основные усилия были направлены на разработку общих принципов наиболее рационального, полного и точного обозначения. Кроме того, они размышляли над типами знаков и способами их понимания.

Если оценивать герменевтику в самом общем плане, то в первую очередь обращает на себя внимание следующая тенденция: язык и другие средства семиотики онтологизируются, превращаются в своего рода самодовлеющее начало, которое невозможно устранить, которое априорно для мышления. К сожалению, дальше общих положений дело не пошло, и серьезным анализом сознания и его механизмов герменевтики похвастаться не могут. Собственно, у них был другой предмет исследования – текст. Заслуга же герменевтики видится в том, что была показана соотнесенность когнитивного, эмоционального и семиотического аспектов в процессе понимания как формы работы сознания.

Герменевтики рассматривали и диалектику вербализуемого и невербализуемого, но все они подходили к этому вопросу по-разному, хотя, как правило, все-таки избегали отождествления языка с мышлением.

Например, по Гадамеру, герменевтический метод глубинного постижения смысла сказанного должен показать нам одновременно и неустранимость языкового конституирования опыта, и границы языкового содержания сознания [Там же: 216]. Здесь налицо подтверждение как вербальности, так и невербальности мышления, причем эти свойства, согласно Гадамеру,

присутствуют в мышлении одновременно.

До сих пор в данной работе не была затронута концепция, оказавшая огромное влияние практически на все области науки в XIX-XX веках. Речь идет о философии марксизма. На нашу страну она оказала особое влияние, которое сохраняется до сих пор. Дальнейшие рассуждения представляют попытку прояснить влияние идеологии марксизма на решение проблемы «язык и мышление».

* * *

В настоящее время решение вопроса об отношении языка и мышления является собой полную противоположность концепции гумбольдтианской школы: не подлежит сомнению, что не язык образует мысль, но, напротив, язык приспособливается к особенностям онтогенетического развития человека. Широкая дискуссия развернулась по поводу неразрывности языка и мышления. Действительно ли мышление исключительно вербально или это не так?

В Советском Союзе марксистская философия давала однозначный ответ на поставленный вопрос: язык и мышление тождественны.

Интересно, что окончательно споры по этому поводу в СССР утихли после опубликования работы под авторством И. В. Сталина, где, в частности, постулировалось: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз» [Сталин 1952: 39]. И там же далее: «Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с “природной материей” языка, о мышлении без языка». Такому авторитету противоречить было невозможно. Все научные работы того времени начинались примерно в таком ключе: «В своем гениальном произведении “Марксизм и вопросы языкознания” И. В. Сталин указывает, что...» [Померанцева 1953: 1]. Причем, даже после развенчания культа Сталина позиции по интересующему нас вопросу не были пересмотрены – по

очень простой причине: тождественность языка и мышления очень удачно укладывалась в марксистско-ленинскую концепцию диалектического материализма. Робкие попытки оспорить «непреложную истину» либо пресекались, либо игнорировались.

Поэтому вплоть до 90-х годов XX века из одного учебника в другой кочевали следующего рода утверждения: «Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, идеи не существуют оторвано от языка» [Марксистско-ленинская... 1968: 284]; «Мышление опирается на чувственный материал речи, прежде всего внутренней, на проникнутые символикой наглядные образы» [Спиркин 1988: 258]. Особенно интересна следующая фраза в той же книге А. Г. Спиркина: «Выражая свои мысли и чувства, человек отчетливее уясняет их сам. Он понимает себя, только испытав на других понятность своих слов» [Там же: 152]. Получается, что при выполнении любой деятельности, требующей использования только машинальных навыков (чистка зубов, вождение машины и т. п.), человек либо все свои действия проговаривает (что весьма проблематично), либо вообще смутно представляет себе то, что он в данный момент делает (а это явно не соответствует действительности).

Таким образом, методологическая база, утверждаемая марксистско-ленинской философией, долгое время оставалась довлеющей в развитии лингвистической мысли в нашей стране, что напрямую отразилось на трактовке языка и мышления как взаимозависимых и нерасчленимых компонентов человеческой психики. Разумеется, соответствующие идеи развивались и советскими лингвистами: «Мышление... нуждается в постоянной опоре на слово и предложение. ...Без слова понятие не сформировано, не осуществлено, не действительно» [Березин, Головин 1979: 75]. При этом игнорировалось, что возникновению слова предшествует классифицирующая работа мышления. Вот другая цитата: «Нам иногда кажется, что мысли могут возникать

у человека “сами по себе”, вне связи с “материей”, например, тогда, когда мы думаем про себя. В действительности же осуществившаяся мысль или составная ее часть опирается на “материю” – обычно на язык, на слова или их сочетания. ...Мышление человека осуществляется в связи с языком и на его основе» [Головин 1983: 13]. Здесь представлено суждение об идеальном мышлении, которое не может существовать без своей материальной оболочки, каковой является язык. Язык, будучи знаковой системой, – явление, бесспорно, материальное. Он обладает планом выражения (воспринимаемым зрительно и аудиально) и планом содержания (значением, непосредственно связанным с мыслительной деятельностью). Между тем, как считает современная психолингвистика, мышление опирается не только на языковую символику, но, скорее, на предметно-практическую деятельность в условиях социума, и деятельность эта часто – хотя и не всегда – опосредуется языком. Возьмем простой пример. Человек любит живописный пейзаж в ясный солнечный день, он видит самые разнообразные детали раскрывающегося перед ним ландшафта. В такой ситуации каким бы талантливым литератором ни был этот человек, он не сможет при помощи языка передать все то, что воспринимают его органы чувств. Более того, многие субъективные представления и понятия просто невыразимы словесно.

Между тем вербалистами (исследователями, рассматривающими мышление как исключительно вербальный феномен) игнорировался еще и тот факт, что в психологии давно были выделены и описаны другие виды мышления, отличные от вербального, как-то: практическое мышление, наглядное мышление, образное мышление, поисковое мышление и др. Причина подобной «невнимательности» понятна. Единство языка и мышления признавалось марксистско-ленинской философией бесспорным, так как именно такая трактовка целиком и полностью укладывалась в мате-

риалистическую концепцию, выстроенную советскими теоретиками. А для обоснования правильности вербалистской позиции было необходимо получить ее подтверждение в работах классиков диалектического материализма. Рассмотрим, какие же именно высказывания К. Маркса приводились для подтверждения вывода о мышлении как о сугубо вербальной сущности.

Пожалуй, самая известная цитата на этот счет содержится в «Немецкой идеологии» Маркса: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Обычно данная фраза понималась как очевидное утверждение о неразрывности языка и мышления (а оспаривать идеи Маркса было долгое время просто бессмысленным). Редкие попытки интерпретировать приведенное высказывание иначе не получали признания. Любопытно, что уже в конце 1980-х годов стали открыто говорить о том, что данную фразу следует понимать совершенно иначе – нужно только обратиться к тому контексту, в котором она употребляется:

«Для философов одна из наиболее трудных задач – спуститься из мира мысли в действительный мир. Язык есть непосредственная действительность мысли. Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием. Задача спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни. Язык, лишь только он обособляется в самостоятельную силу, тотчас же, конечно, становится фразой. Философам достаточно было свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они – только про я в л е н и я действительной жизни» [Маркс, Энгельс 1955: 448–449].

Как указывает М. М. Коровкин, язык здесь следует понимать не как феномен, но как средство творчества, как стиль изложения. «Упрек Маркса адресован философам, которые не замечают реального положения вещей в объективном мире и сводят все умонастроения по поводу этого мира к комбинациям обособленных мыслительных компонентов. Маркс советует философам не высказываться относительно замкнутого пространства их собственных мыслей, а обратить внимание во внешний мир, правильно отразить его в сознании как перводанность, что и позволит в дальнейшем адекватно описать этот мир. Итак, отражение мира в мыслях, и только после этого выражение в языковых формах. Язык не будет служить непосредственной действительностью мысли, если в самой мысли нет непосредственной действительности» [Коровкин 1993: 15–16].

Слова же Маркса о том, что «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе единого царства», можно трактовать не как заявление о непосредственной связи мышления и языка, а совсем иначе: язык и мышление не образуют отдельного царства отнюдь не по отношению друг к другу, а по отношению к окружающей действительности. Короче говоря, в приведенной цитате из Маркса язык и мышление ни в коей мере не рассматриваются как нечто единое [Там же: 16].

Другое известное высказывание Маркса звучит следующим образом: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс 1955: 29]. Между тем неверно было бы отождествлять понятие «сознание» и понятие «мышление», а Маркс – справедливости ради следует сказать – их и не отождествлял. В приведенной цитате он совершенно справедливо говорит

о том, что язык и сознание обуславливают друг друга, что общественное сознание не может возникнуть без инструмента обмена знаниями, то есть без языка. О мышлении же не сказано ни слова.

Таким образом, в приведенных выше цитатах, которые были одно время по сути дела хрестоматийными, вовсе не утверждается необходимости понимать язык и мышление как единое целое.

Как же Маркс понимает сознание? Сознание для Маркса есть с самого начала «*общественный продукт* (курсив мой. – А. П.) и остается им, пока вообще существуют люди» [Там же]. То есть, сознание возникло у человека в результате коммуникативного общения. А потребность совершенствовать это общение постепенно выводило человеческое сознание на все более и более высокий уровень, в результате чего человеку удалось занять доминирующее положение среди животного мира на Земле.

И здесь мы подходим к весьма интересной проблеме о мышлении у животных. Разумеется, если оставаться на позициях идеологии марксизма, получившей всеобщее распространение в СССР, то признать мышление у животных невозможно. Поскольку животные не владеют второй сигнальной системой, поскольку они не способны к языковому общению, то и мышления у них быть не может, так как мышление без языка не существует. Но стоит признать возможность хотя бы частичного отрыва языка от мышления, как наличие мыслительной деятельности у животных станет вполне реальным фактом. Примечательно, что сам Ф. Энгельс по сути дела признавал за животными способность мыслить, когда в «Диалектике природы» указывал на общность рассудочной деятельности у человека и животных, что естественным образом предполагает наличие у животных мышления. Энгельс писал следующее: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: и н д у к ц и я, д е д у к ц и я, следовательно, также а б с т р а г и р о в а н и е..., а н а л и

з незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), с и н т е з (в случаях хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обоих, э к с п е р и м е н т (в случае новых предприятий и при затруднительных положениях). По типу все эти методы – стало быть, все признаваемые обычной логикой средства научного исследования – совершенно одинаковы у человека и у высших животных. Только по степени (по развитию соответствующего метода) они различны» [Энгельс 1950: 176].

Однако это высказывание основоположника марксизма было принято трактовать примерно в таком ключе, как это делает А. Г. Спиркин:

«Эксперименты и наблюдения показали, что высшие животные способны по своему думать, то есть решать сравнительно несложные задачи, условия которых не выходят за пределы наглядной ситуации. Так, они могут найти обходные пути к цели, осуществить конструирование какого-либо биологически значимого сооружения, выследить жертву, усовершенствовать палку для доставания пищи, разбить камнем орех и пр. Обезьяны, например, очень любопытны к новизне. Словом, у животных имеется элементарный интеллект. В понятие же сознания вкладывается очень емкий социальный смысл, свойственный только человеку, а у животных если сознание и имеется, то лишь в качестве биологических зачатков или предпосылок» [Спиркин 1988: 146]. А здесь от признания у животных такого «зачаточного» мышления недалеко и до отрицания мыслительной деятельности как таковой. Вот пример из работы П. В. Чеснокова: «Однако “интеллектуальная” деятельность высших обезьян не может рассматриваться как мышление, ибо она состоит лишь в дополнении чувственно-воспринимаемой ситуации более или менее обобщенными наглядными образами связей, которых нет в самой ситуации, но которые легко могут быть выведены из нее, ибо устанавливаются между предметами...» [Чесноков 1966: 15].

Между тем следует учитывать, что животные – по крайней мере высшие – обладают памятью. Это неоспоримый факт. (Иначе домашние собаки лаяли бы без разбору как на чужих людей, так и на хозяев.) Тогда сохраненные в памяти животного образы должны проецироваться на конкретную ситуацию, делая поведение животного осмысленным и адекватным. И. М. Сеченов считал, что «у животных, помимо врожденной машинообразной умелости производить известные действия, часто замечается умение пользоваться обстоятельствами данной минуты, чего нельзя объяснить иначе как сообразительностью животного, его умением мыслить» [Сеченов 1947: 417].

Тем более сложно противоречить Марксу отечественной психологии Л. С. Выготскому, который утверждал следующее: «...зачатки интеллекта, то есть мышление в собственном смысле слова, появляются у животных независимо от развития речи и вовсе не связано с ее успехами. Изобретение обезьян, выражающееся в изготовлении орудий и применении обходных путей при разрешении задач, составляет совершенно несомненную первичную фазу в развитии мышления, но фазу доречевую... Мышление и речь имеют поэтому генетически совершенно различные корни» [Выготский 1934: 76–77].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие второй сигнальной системы, животные все-таки обладают мышлением, которое действует в рамках первой сигнальной системы. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что язык постоянно стимулирует совершенствование высших психических функций человека. Именно развитие языка обеспечивает человеку качественно более высокий уровень мыслительной активности по сравнению с животными, мышление которых не опосредовано языком.

Возвращаясь к человеческому мышлению, хотелось бы констатировать его вербальную и невербальную природу. В конце 1980-х годов, когда идеология марксизма в

ее советской интерпретации стала стремительно терять свою значимость, появилась, в частности, работа Ю. С. Маслова, который разделял мышление на вербальное и невербальное, указывая на особенности их функционирования:

«Так же, как и общение, мышление может быть вербальным и невербальным. Н е в е р б а л ь н о е мышление осуществляется с помощью наглядно-чувственных образов, возникающих в результате восприятия впечатлений действительности и затем сохраняемых памятью и воссоздаваемых воображением... В е р б а л ь н о е мышление оперирует понятиями, закрепленными в словах, суждениями, умозаключениями, анализирует и обобщает, строит гипотезы и теории... Учет всех этих факторов говорит о том, что мышление человека многокомпонентно, что оно есть сложная совокупность различных типов мыслительной деятельности, постоянно сменяющихся и дополняющих друг друга и нередко выступающих в синтезе, во взаимопереплетении. Вербальное, речевое мышление является, таким образом, лишь одним из компонентов человеческого мышления, хотя и важнейшим» [Введение в языкознание 1987: 14–15].

Здесь важно подчеркнуть, что речь не идет о полной автономности языка и мышления. Более того, следует признать, что мышление человека в значительной своей части вербально. Именно это свойство мышления человека возвело его на столь высокую ступень развития в животном мире. В то же время некоторые процессы протекают безо всякого участия речи, составляя невербальную часть мышления.

Например, при вождении машины бывают случаи, когда водителю нужно резко затормозить или быстро повернуть руль. Он делает это машинально – без предварительного проговаривания. Иначе машина, скорее всего, попала бы в аварию. Примеров можно приводить еще много. Существенно другое. На протяжении филогенеза человечества вербальное мышление из вспомогательной функции превратилось в

ведущую функцию мышления, способствуя все большему совершенствованию человеческого разума. Без языка полноценное мышление невозможно. И одновременно при отсутствии мышления невозможна обработка языка. Язык и мышление находятся в теснейшей взаимосвязи друг с другом.

Далее остановимся на таком аспекте психолингвистического исследования, как развитие языковых и мыслительных структур в онтогенезе.

Общеизвестно, что интеллектуальное развитие ребенка опережает его речевое развитие. Нетрудно заметить, что долгое время количество предметов и явлений, известных ребенку, значительно превышает количество известных слов. А это означает, что некоторое явление уже осознано, но еще не обозначено вербально. Поэтому Л. С. Выготский имел все основания утверждать, что интеллектуальное (мыслительное) и речевое (вербальное) развитие имеют разные генетические корни, протекают неравномерно.

Если мышление и язык неразрывны, то и развиваться они должны по логике вещей параллельно. Однако ничего подобного не происходит. Развитие интеллекта, как уже отмечалось, опережает развитие языка и речи. Требуется не один год, чтобы в конце концов их развитие стало протекать параллельно.

В заключение имеет смысл дать короткий ответ на поставленный в данной работе вопрос о том, как относятся друг к другу язык и мышление человека. В сущности, ответ этот уже дан выше. Следует лишь еще раз указать на то, что язык и мышление, согласно сегодняшним взглядам на выдвинутую проблему, представляют собой две отдельных сущности, которые существуют самостоятельно, но в значительной степени взаимозависимы (хотя и не полностью). При этом язык способствует постоянному совершенствованию мышления, что позволяет последнему подниматься на все более и более высокий уровень развития. Таким образом, можно прийти к выводу, что воз-

никновение языка зависит от опережающего развития интеллекта.

Наблюдения за речевой деятельностью детей раннего возраста показали: речевое развитие является результатом предметно-практической деятельности ребенка. Язык развивается в условиях социального взаимодействия с окружающими. Ребенок заново создает язык по предлагаемому со стороны взрослых образцу, так как потребность ко все более эффективной коммуникации заставляет его искать новые средства ее осуществления. И такие средства предоставляет язык. Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, в онтогенезе за всего несколько первых месяцев существования ребенка «мы наблюдаем первоначально именно осмысленный взгляд и осмысленное поведение ребенка в чувственно-предметном и эмоциональном мире. И здесь начала сознания и интеллекта, начала осмысления мира предшествуют появлению речи» [Человеческий фактор... 1991: 150].

Если рассматривать отдельно взятое практическое мышление, то оно, очевидно, само по себе мало зависит от языка. Но язык зависит от практического мышления, которое стимулирует его развитие. Прав Э. В. Ильенков: «Прежде чем приступить к обучению ребенка языку (даже в самой элементарной его форме – жестовой), приходится сперва вооружить его умением вести себя по-человечески в сфере человеческого организованного быта» [Ильенков 1991: 274].

Все эти данные указывают на нетождественность языковых и мыслительных структур.

* * *

В заключение хотелось бы снова подчеркнуть: отрицание единства языка и мышления вовсе не означает их полной отчужденности друг от друга. Более того, языковое мышление, несомненно, занимает значительное место в психической деятельности человека. Язык во многом способствует «оттачиванию» человеческого

интеллекта. Человек познает посредством языка гораздо больше, чем за счет других эмпирических средств. Можно смело утверждать: главенствующая роль в мыслительной деятельности отводится вербальному мышлению. И вместе с тем понятие мышления не исчерпывается его вербальной стороной. Некоторые интеллектуальные процессы протекают без участия языковых структур.

В связи с этим актуальность приобретают выделенные в психологии практическое, наглядно-образное и другие типы мышления. Возникновение языка возможно лишь на определенной почве и при условии адекватной «подпитки» извне. Продолжая эту аллегория, почву можно отождествить с мышлением, а информации, поступающей со стороны социума, предназначено наполнять мышление новым содержанием – как в языковой, так и в неязыковой форме.

В конце хочется привести мнение Б. А. Серебренникова по данному вопросу:

«При изучении проблемы взаимоотношения языка и мышления необходимо

всегда иметь в виду, что язык беднее мышления. Он беднее мышления хотя бы потому, что мышление отражает окружающий человека мир непосредственно во всем богатстве и во всем многообразии различных свойств и связей. Для мышления в этом отношении нет никаких ограничений, если не иметь в виду тех случаев, когда человек не способен правильно отразить окружающий мир по причине чисто биологических недостатков... Язык, в отличие от мышления, имеет в этом отношении целый ряд очень существенных ограничений... Кроме того, в языках мира наблюдается сильная тенденция к устранению различных перегрузок в языке, т.е. тенденция к языковой экономии. Это в одинаковой мере касается как слов, так и грамматических форм» [Роль человеческого фактора... 1988: 79].

В свете этого спор между вербалистами и авербалистами хочется завершить в пользу последних, оговорившись, впрочем, что проблема «язык и мышление» еще ждет дальнейших дискуссий и уточнений.

Литература

- Березин Ф., М., Головин Б. Н.* Общее языкознание. – М.: Просвещение, 1979.
Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1987.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.
- Головин Б. Н.* Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1983.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. (Пер. с немецкого.)
- Ильенков Э. В.* Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991.
- Коровкин М. М.* Язык и мышление. – Рязань: РГПУ, 1993.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. (Пер. с немецкого.)
Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. – М.: Мысль, 1968.
- Померанцева Д. Г.* Психология ошибок устной речи младших школьников. – Минск, 1953. Автореферат диссертации... кандидата психологических наук.
- Портнов А. Н.* Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. – Иваново: ИвГУ, 1994.
- Потебня А. А.* Слово и миф. – М.: Правда, 1989.
Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
- Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. – М.: Госполитиздат, 1947.
- Спиркин А. Г.* Основы философии. – М.: Политиздат, 1988.
- Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. – М.: Госполитиздат, 1952.
Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991.
- Чесноков П. В.* Основные единицы языка и мышления. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1966.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1950. (Пер. с немецкого.)

М.В. Салтыкова

УДК 37.0; 372.881.116.11; 008

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТАХ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ В АСПЕКТЕ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА
ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ**

В статье дефинируются различные понятия термина «концепт», анализируется иерархия языковой личности с точки зрения этнофункционального концептуального подхода и предлагаются способы формирования ценностных отношений.

Ключевые слова: концепт, этнофункциональный подход, антропоцентрическая парадигма, онто- и филогенез, духовные ценности, языковая личность, тезаурус.

M.B. Saltikova

**REGARDING CONCEPTS AS LINGUOCULTUROLOGICAL CATEGORY
IN THE ASPECT OF ETHNOFUNCTIONAL APPROACH TO LANGUAGE
IDENTITY FORMATION**

Different notions of the term «concept» are defined, language identity hierarchy from the point of the ethnofunction concept approach is analyzed and and value relations formation methods are offered in the article.

Key words: ethnofunctional approach, entropocentric paradigm, ontogenesis, phylogenesis, intellectual values, language identity, thesaurus.

Слово «концепт» и его аналоги «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема» актуализировано в российской науке с начала 90-х годов 20 века. Пересмотр традиционного логического содержания концепта связан прежде всего с начавшимся в конце прошлого века изменением научной парадигмы: на место системно-структурной парадигмы пришла парадигма антропоцентрическая, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания. Исследовательский интерес переместился с имманентной структуры языка на условия его использования, с сосюровской шахматной игры, или современной игры Лего, на самих игроков.

Необходимость создания нового термина, синтезирующего лексикографическую и энциклопедическую информацию, в семантике которого сливались бы денотация и коннотация, знания о мире и о познающем его субъекте, объясняется в том числе и потребностями когнитологии, в частности, когнитивной лингвистики, сосредоточивающей внимание на соотношении лингвистических данных с психологическими.

В англоязычных научных текстах существует аналог — «мысленное представление» или *mental/conceptual representation*. Слово *conceptus* — позднелатинское, средневековое образование (*ecclesiastique*), производное (причастие) от глагола *concipere* — *con-sarere* «со-бирать», «с-хватывать», «загораться», «задумывать», «зачинать». Слово «концепт» вместе со своим производящим глаголом вошло во все романские языки и в английский язык (*concept-conceive*), в русском же языке оно было калькировано, т.е. его «внутренняя форма была воспроизведена морфемными средствами русского языка, по-(н)ять — по-(н)ятие. В синонимической паре концепт-понятие первый член стилистически отмечен: в большинстве толковых словарей русского языка статья «концепт» вообще отсутствует, с пометой *книжн.* он фиксируется лишь в «Большом толковом словаре русского языка».

Как большинство новых научных понятий, концепт вводится через метафору: это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловый квант бытия», и «ген культуры» и «некая потенция значения», и «сгусток культуры в сознании человека», и «эмбрион мыслительной операции». Концепты «как бы парят над их материальными и над их чисто духовными проявлениями». «Концепты – «...основная форма осуществления понятийного мышления... понятийный инвентарь». Таким образом, многие ученые подробно разрабатывали и описывали свойства конкретных разновидностей концептов, особенно культурных.

Ключевым в современном культурологическом подходе к концепту является, прежде всего, понятие духовной ценности: общественные представления о добре и зле, прекрасном и безобразном, справедливости, смысле истории и назначении человека и пр., что вполне закономерно, поскольку проблема ценностей, как правило, всегда возникала в эпохи обесценивания культурной традиции.

Тем самым обращение к культурным концептам и поиски «ценностных доминант» духовной культуры и «экзистенциальных смыслов» являются необходимой экзистенциальной базой для социума в кризисные времена, которые мы переживаем в данный исторический период.

Прямым следствием ценностного характера этих ментальных единиц является «переживаемость» — они не только мыслятся, но и эмоционально переживаются, будучи предметом симпатий и антипатий, — и способность интенсифицировать духовную жизнь человека — менять ее ритм при попадании в фокус мысли. Другим следствием аксиологической окраски культурных концептов является семиотическая насыщенность, представленная языковыми синонимами (слов и словосочетаний), тематических рядов и полей, пословиц, поговорок, фольклорных и литературных сюжетов и синонимизированных символов (произведений искусства, ритуалов, поведенче-

ских стереотипов, предметов материальной культуры, что объясняется их значимостью в жизни человека. Личность (в том числе и языковая) — «это организация ценностей», и изучение концептов культуры с аксиологической направленностью стоит в центре внимания любого культурологического направления в науке о человеке.

Итак, компонентом семантики языкового концепта является этимологическая или «культурная», она же «когнитивная память слова» — смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей; также можно добавить, что в семантику концепта в качестве добавочного компонента входит и «концептуальная память» — «культурная память слова».

Итак, подводя итоги анализу различных точек зрения, можно согласиться с мнением В.Г. Воркачева, что «концепт — это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму».

И, наконец, нами концепт определяется как основная единица национального менталитета как специфического индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, выраженного в категориях и формах родного языка.

Язык, культура и этнос неразрывно между собой связаны и образуют ядро личности — место объединения ее физического, духовного и социального. Культура — это передаваемая из поколения в поколение «совокупность значений, ценностей и норм, которой владеют взаимодействующие лица». Человек невозможен без языка. Язык, представляющий собой и инструмент культуры и

одну из ее ипостасей, образует сущностное ядро этнической личности, и любая этнокультура существует и развивается в среде определенного языка.

Итак, в понимании концепта наметились 3 основных подхода.

Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира носителей языка». Совокупность таких концептов образует концептосферу языка, в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством является концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними.

Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некое целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть — концептуальную область.

И, наконец, к числу концептов относят лишь ограниченные семантические образования, которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как мировосприятия, выраженного в категориях и формах родного языка. Метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и пр.) — ментальные сущности высокой степени абстрактности, они отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ — знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного, поэтому концепты последнего типа легко «синонимизируются», образуя «концептуализированную область».

Делая выводы, можно обобщить точки зрения на концепт и прийти к следующей дефиниции: **концепт** — это единица коллективного сознания (отправляющая к духовным ценностям), выраженная в категориях и формах языка, основа тезауруса языковой личности, формирующая национальный менталитет.

Человек как личность определяется системой его отношений с миром. Особое место в этой системе принадлежит ценностным отношениям, которые имеют социально-историческую, культурную обусловленность и связаны с деятельностью человека по осознанию значения определенных явлений действительности для себя как субъекта. В условиях глобализации и «открытости» общества иным системам ценностей актуализируется проблема воспитания человека, способного нести ответственность за собственный ценностный выбор.

В педагогической науке на сегодняшний день нет исчерпывающего ответа на вопрос об эффективных путях воспитания ценностных отношений в изменившихся социокультурных условиях, однако сложились необходимые научные предпосылки для разработки теоретических основ данного процесса. Исследования российских ученых (М.В. Богуславский, Б.С. Гершунский, В.И. Гинецинский, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, В.А. Слостенин и др.) в конце XX века позволили определить главное направление развития системы воспитания — воспитание на основе наиболее значимых ценностей. Сегодня стало возможным обращение к проблеме воспитания ценностных отношений на новом уровне научного знания, аккумулированного в философии, аксиологии, психологии, акмеологии, филологии, педагогике. Кроме того, названная проблема относится к числу тех особых проблем, которые «нуждаются в постоянной обновительской работе» (Е.А. Климов), связанной с учетом изменений социальной ситуации.

Необходимо отметить, современный этап культурно-исторического развития

общества практически во всех его аспектах воспринимается людьми как глобальный кризис. Ценности национальной культуры как классической, так и народной вытесняются образами массовой культуры, в основном ориентированными на внедрение ценностей американского стиля жизни в его примитивном варианте.

Как следствие, народная культура, родной язык, традиции, фольклор, обряды воспринимаются людьми как нечто, отжившее свой век. Несомненно, что на современном этапе развития нашего общества «распалась связь времен», т.е. мы можем констатировать «мозаичность» нашего мировосприятия или отсутствие целостной картины мира в национальной самоидентификации личности, которая отражает направление культурно-исторического развития общества в настоящий момент.

Известным ученым Ю.Н. Карауловым в 70-80-е годы XX столетия была сформулирована концепция языковой личности, состоящая из трех иерархических уровней: тезауруса (когнитивный уровень), лексикона (вербально-семантический) и прагматикона (мотивационно-прагматический) [Караулов 1987: 89].

Мы разделяем точку зрения Ю.Н. Караулова в определении трех уровней языковой личности, однако рискнем предположить, что именно тезаурус является главенствующим. Рассмотрим иерархию.

1. Вербально-семантический (лексикон), элементами которого являются слова, грамматические, семантические, синтаксические структуры, словосочетания, предложения. Это уровень быденного языка.

2. Тезаурусный уровень, отражающий картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей, определяемых национально-культурными традициями.

3. Мотивационно-прагматический, включающий коммуникативные потребности, порождаемые целями и мотивами, уровень речевой компетенции.

«Языковая личность — субъект, обладающий совокупностью способностей и

свойств, позволяющих ему осуществлять сугубо человеческую деятельность – говорить, общаться, создавать устные и письменные речевые произведения, отвечающие целям и условиям коммуникации, извлекать информацию из текстов, воспринимать речь» [Караулов 1987: 89.] По утверждению Ю.Н. Караулова, несмотря на общепринятые принципы лингводидактики, которая требует учитывать личность обучаемого, ранее именно данные о языке, а вовсе не сама личность, были в центре структурной лингвоцентрической парадигмы обучения.

Исходя из принципов антропоцентрического подхода, можно предположить, что тезаурус, состоящий из понятий-концептов, формирует ядро личности: род-Родина, отчество-Отечество, честь, достоинство, долг, любовь, семья, Мать-сыра земля и т.д. Тезаурусный уровень владения языком пока должного отражения в практике преподавания родного языка не нашел. Хотя собственно языковая личность начинается именно с этого уровня. Если не сформирован языковой тезаурус (в переводе с лат. «сокровище»), то, как говорится в русской пословице, свято место пусто не бывает. Подростки, да и взрослые люди, не имеющие национальных нравственных ориентиров, становятся легкой добычей представителей различных сект и асоциальных группировок.

Общеизвестно, что изучение истоков культуры, языка, традиций весьма способствует пониманию настоящего и прогнозированию будущего. Необходимо констатировать тот факт, что на современном этапе развития общества ценности национальной культуры вытесняются образами массовой культуры, пришедшими к нам не только из Америки, Африки и Европы, но и Азии. Русские традиции, фольклор, обычаи воспринимаются молодежью как пережиток прошлого, нечто неинтересное и отсталое.

На наш взгляд, это обусловлено рядом причин, главная из которых связана с тотальным отсутствием в период перестройки, с конца 80-х годов, патриотического воспитания. Кризис общества в целом не мог не ска-

заться и на молодежи. Поэтому так важно, особенно сейчас, активизировать интерес учащихся к русской культуре, языку, традициям, обрядам. Данное направление требует инновационных подходов и личностно ориентированных педагогических методик, отрицающих формализацию и принуждение.

Язык является одним из важнейших средств, которое делает группу людей обществом. Посредством языка мы выражаем и делаем доступными для других не только свои мысли, но и чувства, настроения, желания, действия. Выступая средством общения между людьми, язык связан еще и с другими мирами – миром предметов, вещей и явлений, окружающих человека, и миром ценностей, понятий, мыслей и чувств, выражаемых в концептах. Человек без языка, говорил Ф. де Соссюр, может быть, и оставался бы человеком, но такое существо даже отдаленно не напоминало бы тех людей, которые нам известны и которыми мы являемся сами [Соссюр Ф.де 1933].

По мнению Б. Уорфа, каждый язык обладает «своей метафизикой», направляющей и предопределяющей взгляды и поступки людей. Иначе говоря, язык объявляется «руководством к восприятию социальной действительности», от которого зависит мировоззрение и поведение людей, более важного, чем окружающий человека объективный мир. Такой подход позволяет приоткрыть новые грани видения и понимания культур. Язык так же последовательно не рационален, как любой другой аспект культуры.

Субъективные аспекты языка связаны с тем, что слова не только обозначают вещи и события, но и выражают отношение говорящего к этим событиям. Классическим примером многозначности, казалось бы, самых простых слов стал анализ Варроном слова «добро». Он сообщает, что обнаружил двести двадцать восемь различных значений этого слова. То же самое можно сказать и о других важнейших категориях культуры: «любви», «добре» и т. д. Концептуальная картина мира может различаться даже в

двух тесно связанных друг с другом языках.

А концепт «любовь» для корейца – это прежде всего долг, а не эмоции и чувства. Китаец также не может перевести русскую поговорку «сердцу не прикажешь», т.к. в иероглифе, обозначающем сердце, есть понятие «ум», и этот образ весьма точно характеризует практичность этого древнего этноса.

Расхождения между концептами такого конкретного понятия, как земля, тоже весьма велики. Например, для француза земля – что-то твердое и сопротивляющееся, требующее от человека проявлений воли, – «это мечта о власти и свободе»... Для русского земля – не сухость, а мягкость и восприятие, щедрость и открытость. Конечное количество элементов «земля» делает бесконечным, она рождает, она – живая; землю не покоряют, а охраняют: Если в русском сознании концепт «земля» ассоциируется со словом «мать», то американец, по своей природе эмигрант, не живущий исторически на земле, вскормившей его далеких предков, никогда не будет мыслить такими образами.

Концепт «свобода» для русского лингвокультурного сознания ассоциируется со всем, чем угодно, но только не с государственным флагом, как для многих американцев, например.

Соблюдение писаных и неписаных законов «*grivasy*» неизбежно приводит к тому, что человек индивидуалистической культуры при всей своей внешней свободе попадает в зависимость от этих «прочно установившихся правил», становясь таким образом «рабом условностей». Очень точно охарактеризовал эту психологическую особенность североамериканцев А.М. Горький, подчеркнув, что «свободы внутренней – свободы духа не светится в глазах людей... Лица людей неподвижно спокойны – должно быть, никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни... Есть много энергичных лиц, но на каждом прежде всего видишь зубы. Душу крепко обнимает пламенное желание ...освободить людей от пестрой скуки... мертвого великолепия духовной нищеты» [Кузьменкова 2005: 54].

В целом, в эпохи кризиса люди начинают искать опору в непреходящих ценностях, но необходимо помнить, что они должны быть основаны на этнофункциональном концептуальном подходе. Например, пропаганда в России такой мировой религии, как буддизм, может обуславливать как разрушение общественных ценностей, так и специфические психические расстройства, в частности, опиоидную наркоманию и депрессию, связанных с переживанием безнадежности и трагичности бытия, которые в буддизме имеют позитивную нравственную ценность, а в православии, например, смысл «греховного уныния» [Кураев 2008: 52–68.] В данном случае речь идет о различных оценочных отношениях к этому состоянию.

В отечественной науке роль филогенетического аспекта культурного развития человека представлена работами Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, однако наиболее отчетливо эта идея была высказана Стэнли Холлом, под прямым влиянием биогенетического закона Э. Геккеля, в его теории рекапитуляции, согласно которой онтогенез психики ребенка воспроизводит филогенез «собственной расы». Холл отмечал, что для «полноты развития ребенка» необходимо, «чтобы он переживал древние чувства и точки зрения своей расы» [Холл 1925: 30].

Согласно данному подходу, принцип рекапитуляции (Э. Геккель, Ст. Холл) указывает на обязательное повторение последовательности стадий филогенеза в онтогенезе. Поэтому в развитии ребенка можно выделить определенные стадии его отношения к этнокультурной среде.

1 стадия – сказочно-мифологическая (до 7 лет).

2 стадия – религиозно-мистическая (до 11 лет).

3 стадия – технотронно-сциентическая (или цивилизационная) [Сухарев 2003: 24].

Если ребенок, родившийся, например, в Подмоскowie, был лишен сказочно-таинственных отношений с миром, и вместо Бабы-Яги, Снегурочки, Колобка и Ивана-дурака родители с раннего возраста «обе-

спечили» ему компьютер, технотронные игрушки, Пикемонов, Гарри Поттера и фантазии Дж. Толкиена, то таким образом были сформированы условия для этнофункционального психического дизонтогенеза, т.е. нарушения проработки содержаний стадий онтогенеза. Нарушение этнической идентичности человека является частным случаем этнофункционального психического дизонтогенеза. Необходимо помнить, что этническая идентичность, в свою очередь, является одним из показателей психической зрелости человека.

Исследования А.В. Сухарева и И.А. Степанова достоверно показали, что «этнофункциональная психотерапия акцентирует работу с этнокультурной спецификой отношения человека к образам природы, с элементами мировоззрения, мироощущения и самоотношения... исследования показали, что психотерапевтическая проработка сказочно-мифологической и концептуально-религиозных стадий психического онтогенеза сначала обостряет, а затем приводит к облегчению депрессивных проявлений (даже у взрослых)» [Сухарев 2003: 27].

По мнению ученых, причиной дезадаптированности в относительно позднем возрасте является недостаточно сформированные в детстве сказочно-таинственные отношения к миру. Поэтому в сложных жизненных ситуациях у людей с несформированной системой этнических ценностей часто возникают различные психосоматические расстройства, а также алкогольная и наркотическая зависимость.

Проработка сказочно-мифологической стадии этнофункционального онтогенеза включает в себя, прежде всего, воспитание целостной связи всех сторон отношений ребенка к живой природе: двигательной, поведенческой, ощущений, чувств, представлений. Это и есть та основа, на которой осуществляется «эстетический» период развития ребенка, предшествующий полноценному становлению «этического» периода. [Зеньковский 1996: 62].

Ученые пришли к выводу, что су-

ществует связь этнофункционального рассогласования содержания сказочно-мифологической стадии (в течение сензитивного периода эмоционально-чувственной сферы – до 7 лет) со степенью психической дезадаптированности человека в позднем возрасте. «Недавно проведенные нами геронтопсихологические исследования (возраст 70-90 лет) показали, что специфические психические расстройства (сенильные психозы, расстройства памяти, поведения и др.) связаны с нарушениями психического этнофункционального онтогенеза в детском возрасте. В частности, для людей, русских по самоопределению, родившихся и проживающих в России, этнофункциональными патогномичными признаками являются следующие:

а) отсутствие в воспоминаниях в возрасте до 7 лет эмоционально окрашенных элементов русских народных сказок, песен, преданий;

б) отсутствие в воспоминаниях в возрасте до 7 лет эмоционально окрашенных воспоминаний о природе родного края...» [Сухарев Указ. соч.: 40].

Авторы данной гипотезы утверждают, что «современная молодежь, формально воспитываемая в русской культурной среде (в особенности в больших городах), как правило, в своем развитии в значительной степени бывает лишена необходимой полноты сказочно-таинственных отношений с живой природой и целостного представления о чувстве добра и зла как устойчивых основ мировоззрения» [Сухарев Указ.соч: 98].

А.В. Сухарев утверждает, «что для полноты психического созревания ребенка на сказочно-мифологической стадии ведущим является развитие его эмоционально-чувственных («эстетических», по В.В.Зеньковскому) отношений с собственной внутренней и внешней средой... что является подготовкой к полноценному развитию религиозно-этической стадии («этический период» – В.В. Зеньковский)... Успешное прохождение второй стадии готовит человека...к ответственному усвоению

знаний, умений и навыков технотронно-сциентической стадии...онтогенеза, где ведущей является операционная сторона отношений. Другими словами, если чувства и нравственность человека не сформированы, то нельзя быть уверенным в нравственном использовании им своих знаний и умений...». Эта система мировоззренческих ценностей не должна быть «общечеловече-

ской», она должна быть связана с конкретной этнокультурной традицией.

На наш взгляд, именно синтез концептуальных подходов Ю.Н. Караулова и А.В. Сухарева дает новое видение формирования языковой личности на основе этнофункционального подхода, наиболее полно соответствующего реалиям современной социокультурной ситуации.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2 томах / Ю.Д. Апресян. – М., 1995.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1998.
- Аскольдов С.А.* Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М., 1997.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А.Вежбицкая. – М., 1997.
- Верещагин Е.М.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1999.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. – М., 1997.
- Выготский Л.С.* Проблемы возраста / Собр. соч.: В 6 тт. Т. 4. – М., Педагогика, 1984.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода / В.Гумбольдт // Звягинцев В.А. История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях. Ч.1. – М., 1960.
- Диакон Андрей Кураев.* Почему православные такие? – М., 2008.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов. – М., 1987.
- Костомаров В.Г.* Современный русский язык и культурная память / В.Г. Костомаров Н.Д. Бурвикова // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000.
- Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М., 1996.
- Кузьменкова Ю.Б.* От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М., 2005.
- Кузнецов А.М.* Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / А.М. Кузнецов // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000. – С. 8–22.
- Культурные концепты. Логический анализ языка. – М., 1991.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // ИАН СЛЯ. – 1993. – Т.52. – №1.
- Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности / А.А. Потебня. – Харьков, 1989.
- Салтыкова М.В.* Амбивалентные функции табуированной лексики (в контексте воспитания ценностного отношения к родному языку) // Материалы V Международного конгресса «Российская семья». – М.: РГСУ, 2008.
- Салтыкова М.В.* Анализ результатов формирования ценностного отношения к родному языку средствами проекта «Молодежные субкультуры: идеология, сленг, имидж» / М.В. Салтыкова // Материалы VI Международного конгресса «Российская семья». – М.: РГСУ, 2009.

- Соломоник А.* Язык как знаковая система / А.Соломоник – М., 1992.
- Сосюр Ф.де.* Курс общей лингвистики. – М., 1933.
- Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество / П. Сорокин. – М., 1992.
- Степанов Ю.С.* «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре / Ю.С.Степанов // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.
- Сухарев А.В.* Введение в этнофункциональную психологию и психотерапию. – М., 2003.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М., 1996.
- Толстой Н.И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И. Толстой // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М., 1997.
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных / В.А. Успенский // Семиотика и информация. – Вып.11. – М., 1979.
- Уфимцева Н.В.* Этнос и традиция / Н.В. Уфимцева // RES LINGUSTICA. Сборник статей к 60-летию проф. В.П.Нерознака. – М., 2000.
- Холл С.* Очерки по изучению ребенка / С.Хол.– Б.м.: Пучина, 1925.
- Худяков А.А.* Концепт и значение / А.А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996.
- Lexis – Dictionnaire de la langue francaise Lexis.P.,1993.

ФГБОУ ВПО «ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Факультет иностранных языков и международной коммуникации
Отдел психолингвистики Института языкознания РАН

**Международная научно-практическая конференция
«Горизонты психолингвистики»,
посвящённая 85-летию профессора, Заслуженного деятеля науки РФ
А.А. Залевской
г. Тверь, 23-25 октября 2014 г.**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в работе международной научной конференции «Горизонты психолингвистики», посвящённой 85-летию профессора, Заслуженного деятеля науки РФ А.А. Залевской. Конференция будет проводиться в Тверском государственном университете 23-25 октября 2014 г.

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

- Методологические проблемы психолингвистики
  - Слово в лексиконе человека
  - Этнопсихолингвистика
  - Проблемы понимания текста
- Психолингвистический анализ художественного текста
  - Прикладные аспекты психолингвистики
- Психолингвистические аспекты межкультурной коммуникации
- Психолингвистические основы переводческой деятельности

Форма участия в конференции – очно-заочная. Рабочие языки конференции – русский, английский. Аннотации докладов размещаются на Интернет-странице конференции.

Электронную форму заявки и материалы для публикации (объемом до 5 страниц), оформленные строго в соответствии с требованиями, необходимо направить приложениями к одному письму в срок до 01 сентября 2014 г. на адрес электронной почты: rgf-conference@yandex.ru.

**СИГНАЛЬНАЯ ЛЕКСЕМА “LOVE”
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОП-МУЗЫКЕ 1980-х ГОДОВ**

В данной статье мы продолжаем разрабатывать тему слов-сигналов различных эмоциональных состояний, ранее затронутую нами при написании диссертации. Объектом исследования является лексема “love”, репрезентирующая соответствующий концепт в англоязычных песенных текстах 1980-х годов, а также её дериваты. Осуществляется семантический анализ словоупотреблений, обусловленный многозначностью лексемы. Кроме того, исследуется связь чувства, описываемого поэтами-песенниками, с приятными и неприятными ощущениями («положительными» и «отрицательными» эмоциями). В заключительной части статьи проводится параллель с поп-музыкой 1970-х годов – периода, рассмотренного в нашей диссертации.

***Ключевые слова:** любовь, концепт, песенный текст.*

I.S. Samokhin

**SIGNAL LEXEME “LOVE”
IN THE ENGLISH LANGUAGE POP MUSIC OF THE 1980s**

In this article we continue to study the signal words of different emotional states previously analyzed in our thesis. The object of our research is the lexeme “love” and its derivatives which represent the relevant concept in English language song texts of the 1980s. Since the lexeme is polysemantic, we carry out the semantic analysis of its uses. Moreover, we investigate pleasant and unpleasant (“positive” and “negative”) emotions which form the feeling described by the lyricists. In the final part of the article we draw a parallel with the pop music of the 1970s, the period that is analyzed in our dissertation.

***Key words:** love, concept, song text.*

Эмоциональные концепты «любовь» и “love” наиболее востребованы англо- и русскоязычными поэтами-песенниками. О.С. Кострюкова указывает на то, что концепт «любовь» является доминирующим в современной популярной лирической песне. По мнению исследователя, данное обстоятельство «обусловлено спецификой лирического жанра, обращённого к эмоциональной, личностной сфере адресата» [Кострюкова 2007(а): 18]. Е.Е. Каштанова, проанализировав 244 текста русскоязычной поп- и рок-музыки (166 и 78 соответственно), пришла к выводу, что лексические единицы «любовь» / “love” и «любить» / “to love” являются наиболее распространёнными в исследованных произведениях [Каштанова 1997: 158]. Исследование, проведённое Е.В. Нагибиной, показало, что слово-сигнал «любовь» являлось доминирующим в русскоязычных эстрадных песнях о любви 1997 – 1998 годов [Нагибина 2002]. Е.Ю. Плотницкий указывает на доминирование темы любви в дискурсе англоязычной рок-музыки [Плотницкий 2005: 51 – 52]. Учёный отмечает, что «в основе подавляющего большинства песенных текстов лежат типовые скрипты и фреймы: возлюбленная покидает возлюбленного (или наоборот), возлюбленные по каким-то причинам не могут воссоединиться, между возлюбленными утрачено взаимопонимание и т.д.» [Там же: 62].

Следует подчеркнуть, что мы не имели целью ограничиться исследованием песенных текстов, посвящённых отношениям мужчины и женщины. Для нас было важно, чтобы исследуемые песни принадлежали к жанру поп-музыки и не имели названий, содержащих слова-сигналы различных видов эмоциональной модальности. Кроме того, мы лимитировали максимальное количество песенных текстов, написанных одним и тем же автором – как в репертуаре отдельно взятого исполнителя, так и во всех анализируемых произведениях. В связи с отсутствием тематических ограничений, в наше исследование были включены песенные тексты,

повествующие о различных сторонах окружающей действительности. По этой причине слово-сигнал “love” используется в отобранных нами произведениях не только в значении “Emotion of sex and romance; strong sexual desire for another person” [Lingvosoft Online: the Joy of Understanding: www], “a strong feeling of liking someone a lot combined with sexual attraction” [Longman Dictionary of Contemporary English 1978], “a deep romantic or sexual attachment to someone” [Compact Oxford English Dictionary of Current English 2005], “warm, kind feeling between two persons of opposite sex; sexual passion or desire” [Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English 1998], но и в значениях, подразумевающих чувство, которое жидется на духовном или физическом родстве, общности интересов и идеалов, ощущении благодарности и так далее, а также склонность, тяготение к чему-либо (к искусству, науке, спорту и пр.). Глагол “to love” также употребляется не только для обозначения отношений мужчины и женщины, хотя «гендерный» смысл вкладывается в данные лексические единицы наиболее часто, как и в соответствующие существительные.

Слова-сигналы с корневой морфемой [lov] имеют очень высокую степень распространённости в текстах англоязычной поп-музыки 1980-х годов. На данные лексические единицы приходится 226 употреблений в 56 % рассмотренных текстов. Особая частотность существительного “love” и глагола “to love” наблюдается в песнях “How will you know” (Whitney Houston; Shannon Rubicam) (23 употребления) и “King for a day” (“Thompson Twins”; Leeway) (20 употреблений).

Как правило, существительное “love” используется в значениях 1a (2) и 3b (1), предлагаемых толковым словарём Мерриам-Уэбстера [Merriam-Webster Online Dictionary: www]: “attraction based on sexual desire: affection and tenderness felt by lovers” (тяготение, основанное на половом влечении; чувство нежности и привязанности, испытываемое любовниками); “a

beloved person” (возлюбленный (-ая)). Глагол “to love”, в свою очередь, обычно употребляется в значении 2a (“to feel a lover’s passion, devotion, or tenderness for”), 2b (1) (“to caress”), 2b (2) (“to fondle amorously”), 2b (3) (“to copulate with”). [Merriam-Webster Online Dictionary: www].

В других значениях упомянутые слова-сигналы употребляются 9 раз в 7 текстах. В строке “The love of God’s creation will undress you” из произведения “The Ladder” (Prince; Prince, John L. Nelson) существительное “love” используется в значении 4a (1) (“the fatherly concern of God for humankind”: отеческая забота Бога о человечестве), а во фразе “God is love, God is war” из песни “Star” (“Erasure”; Andy Bell) – в значении 5 (“a god or personification of love”: божество или воплощение любви). В 5 случаях авторы используют существительное “love” в контексте, не позволяющем с точностью определить подразумеваемое словарное значение данной лексической единицы. Эти песенные тексты допускают тройную интерпретацию вышеназванного слова как сильную привязанность, вызываемую физическим или духовным родством (“strong affection for another arising out of kinship or personal ties” (1a (1))); привязанность, обусловленную восхищением, доброжелательным отношением или общими интересами (“affection based on admiration, benevolence or common interests” (1a (3))) или же как трепетную бескорыстную заботу о благе другого человека (“unselfish loyal and benevolent concern for the good of another” (4a)).

Каждый случай позволяет особенно сильно склониться к одному или двум значениям. В песне “I want a dog” (“Pet Shop Boys”) автор объясняет свою неприязнь к кошкам тем, что они царапают мебель, толстеют и не дарят своему хозяину ни капли любви (“Don’t want a cat / Scratching its claws all over my habitat, / Giving no love and getting fat”). Очевидно, здесь под словом “love” подразумевается привязанность, обусловленная доброжелательным отношением (benevolence), или бескорыстная

забота (unselfish concern): вряд ли человек может ожидать от животного (даже от высшего млекопитающего) любви, основанной на физическом или духовном родстве... В песне “Man in the mirror” (Michael Jackson; Siedah Garrett) лирический герой с горечью признаёт: “I’ve been a victim of a selfish kind of love”. Перед этим он укоряет себя в равнодушном отношении к горю нищих детей, из чего следует, что под “a selfish kind of love” подразумевается не эгоизм чужой любви, а собственная самовлюблённость. Таким образом, наиболее вероятным представляется значение 1a (3): в данном случае привязанность, скорее всего, обусловлена восхищением (admiration) – причём перед самим собою.

В тексте песни “Future world” (“Boney M”; Frank Farian) значение 1a (3) является, по-видимому, наименее уместным: восхищение, доброжелательность и общие интересы едва ли смогли бы подарить человечеству те идиллические отношения, которые царят в грядущем, созданном воображением Фрэнка Фэриана. В этом «прекрасном нескоро» люди живут в гармонии, их детство беспечально (“Get on board and fly with me / To the future world (future world) / To let our children grow there in peace. / We can live in harmony / In another world...”). Очевидно, такая всеобщая любовь зиждется на духовном родстве (1a (1)) и бескорыстной заботе (4a). В произведении “Star” (“Erasure”; Andy Bell) отмечается, что пылающая в небе звезда не напоминает «спутник любви» (“satellite of love”). И всё же следует разобраться, какую любовь могло бы символизировать данное светило. Мы полагаем, что автор вкладывал в слово “love” значение 4a (1): “the fatherly concern of God for humankind” («отеческая забота Бога о человечестве»). На эту мысль наводит тот факт, что звезда является небесным телом и, в особенности, последующие строки: “God is love, God is war” (в данном случае существительное “love”, как уже говорилось раньше, используется в значении 5).

Теперь следует остановиться на трёх песенных текстах, отмеченных употре-

блением глагола “to love”, не являющимся стандартным для песен рассматриваемого десятилетия, – “Oh Father” (Madonna), “My secret garden” (“Depeche Mode”; Martin Gore) и “Starfish and coffee” (Prince; Susannah Melvoin). В письменном варианте первого текста [Madonna’s official website] лирическая героиня обращается не к “father”, а к “Father”, что может вызвать ассоциации с Господом (в соответствии со значениями 1b(1) и 1b(2) существительного “father”). Кроме того, данной гипотезе может благоприятствовать фраза, в которой используется глагол «грешить»: “Oh Father I have sinned”. Однако из интервью, взятого у Мадонны журналистом Куртом Лодером [Loder, Madonna 1990: www] ясно следует, что в произведении имелся в виду её отец Сильвио Чикконе, воспитывавший дочь с помощью лишений и назиданий. На вопрос корреспондента, видел ли Чикконе клип на песню “Oh Father”, певица отвечает: «Честно говоря, не знаю. Вообще-то, я боюсь спрашивать у него об этом» (“To tell you the truth, I don’t know if he’s seen it. I’m sort of afraid to ask”). А написание существительного “father” с заглавной буквы, очевидно, обусловлено англо-американской языковой нормой, в соответствии с которой нужно писать “Father” (“Dad”, “Daddy”) и “Mother” (“Mum”, “Mummy”), когда речь идёт о собственных родителях [Васильев 2005]. Следовательно, во фразе “You never loved me” глагол “to love” используется в значении 1: “to hold dear” (испытывать сильную привязанность, симпатию, заботиться).

Что же касается произведения “My secret garden” (“Depeche Mode”), здесь рассматриваемое слово-сигнал употребляется в значении 3: “to like or desire actively” (чувствовать сильное влечение, тяготение к чему-либо). Лирический герой сожалеет о том, что его «тайный сад» рассекретили: ему так нравилось бродить в одиночестве среди цветов и водоёмов... Но сразу после фразы “I loved it” следуют слова “I loved her”, где глагол “to love” используется в значении 2а, типичном для текстов исследуемо-

го периода: одновременно с любовью к саду испарилась привязанность к той, которая его рассекретила. Очевидно, в песне изображены отношения мужчины и женщины, утратившие какую-то загадку, обаятельную недосказанность. В аналогичном значении глагол “to love” употреблён в третьей песне – “Starfish and coffee” (“Prince”), где автор уверяет, что нам понравится завтрак девочки по имени Синтия: кофе с морской звездой (“Starfish in your coffee, you will love it...”).

В остальных 49 песенных текстах, содержащих одно или несколько слов с корневой морфемой [lov], рассказывается об отношениях между мужчиной и женщиной. В 17 из них речь идёт о любви, доставляющей неприятные эмоции.

В 5 песнях отрицательный гедонистический тон обусловлен ситуацией, связанной с расставанием. При этом лишь в одном из данных произведений, – с претензией исследуемой категории названием “One night in heaven” (“Bad Boys Blue”; J. Fritz), – имеется чёткое указание на то, кто именно выступил инициатором прекращения отношений. В первой же строке молодой человек говорит своей возлюбленной, что испытывает чувство вины (“I’d like to say that I’m sorry”). В остальных песнях не представляется возможным определить, кем является лирический герой, испытывающий страдания: брошенным или бросившим. Как частичное исключение можно рассматривать песню “Where do broken hearts go” (Whitney Houston; Frank Wildhorn), из которой следует, что желание отдохнуть друг от друга было озвучено сторонами почти одновременно (“We said we needed space”). Формально здесь два инициатора, однако фактически расставание спровоцировано не самими партнёрами, а исчерпанностью или глубоким кризисом их отношений. Выделение «брошенного» и «бросившего» в данной ситуации является нецелесообразным.

Также довольно интересная ситуация имеет место в песне “Inside of me” (“Bad boys blue”; Trevor Taylor): молодой человек, переживший расставание с девушкой,

задаётся вечным русским вопросом: «Кто виноват?» (“Who is to blame?”). Сначала он мнит себя незапятнанным (“It was not me”), однако впоследствии, пройдя через рефлексию припева, начинает склоняться к противоположному мнению. «Неужели это был я?» (“Was that really me?”) – спрашивает лирический герой у своей совести. Однако мы считаем, что опираться на подобный самоанализ было бы не совсем корректно: точки зрения мужчины не подкреплены в тексте никакими фактами. Следовательно, инициатором расставания могла выступить любая из сторон. Теперь обратимся к двум оставшимся текстам исследуемой подкатегории. В “The rhythm divine” (“Yello”) молодой человек рассказывает своей бывшей девушке о полной слёз бессоннице (“You know that my tears / Have kept me awake); от этой печали не спасает даже «божественный ритм», в котором бьётся его сердце. Лирическая героиня песни “Just the lonely talking again” (Whitney Houston; Sam Dees) хочет восстановить отношения с возлюбленным, но боится, что это приведёт к новым душевным мукам (“I’m afraid to say let’s make up and all’s forgiven / But somethin’ tells me / I’m headed for heartbreak...”).

В двух песенных текстах – “I’m not a fool” (“Bad Boys Blue”; Kerin van Haaren) и “Nothing’s gonna stop me now” (Samantha Fox; Pete Waterman) – изображена прелюдия расставания. В обоих случаях лирические герои обвиняют своих партнёров в неуважительном, даже презрительном, отношении к ним. Девушке из песни Саманты Фокс надоели ревность и унижение (“you tried to take control of me”, “you took my self-respect and you made a fool of me”), а молодому человеку из произведения интернациональной поп-группы – жестокость и непорядочность (“you’re treating me cruel”, “you cover me with heartaches when you’re telling me lies”, “you push me down and don’t play fair”). Оба стремятся к свободе, к избавлению от бремени давней ошибки. Основное отличие между этими «усталыми рабами» состоит в прогнозе, который можно сделать отно-

сительно исхода замышленного ими побега. Сомневаться в том, что молодой человек обретёт желанную свободу, особенно не приходится: текст песни не даёт нам оснований для подобной неуверенности. А вот вольнолюбивый порыв девушки вызывает определённый скептицизм: судя по отдельным строкам, степень любовной аддикции в данном случае остаётся довольно высокой. Решение покинуть партнёра далось лирической героине очень нелегко; она долго размышляла, следует ли ей идти на крайние меры (“Time after time I turned it ‘round in my mind”, “Day after day I started slippin’ away”).

В двух песнях из 17 несчастная любовь является изначально неразделённой. В качестве более типичного примера следует рассмотреть хит 1986-го года “Valerie” (“Joy”; Andy Schweitzer). «Королева сердца» лирического героя смеётся над ним, поскольку не придаёт значения таким «пустякам», как любовь (с точки зрения молодого человека). Между тем, незадачливый воздыхатель испытывает сильнейшие душевные страдания (“Even the deepest ocean / Can’t wash my heartache away”) и высказывается о своём влечении к равнодушной Валери без недомолвок и двусмысленностей (“Her love is my biggest desire. / I want her so much to want me”). Молодой человек боится сделать первый шаг, однако с каждым днём ощущает себя всё более и более уверенным (“I’m feeling stronger, stronger every day”); есть вероятность, что в итоге пылкое чувство одержит верх над застенчивостью.

Однако даже в этой песне, создающей образ безответной любви, столь близкий к хрестоматийному, имеется один довольно неординарный момент: обвинив любимую в ледяном безразличии (“Valerie, you’re as cold as ice”), лирический герой произносит несколько странную для влюблённого фразу: «Валери, тебе придётся за это ответить» (“Valerie, you’ll have to pay the price”). Очевидно, это всё-таки не угроза, а предупреждение о том, что когда-нибудь она, Валери, поймёт ущербность подобного отношения к людям. Специфика другого произведе-

ния – “Careless whispers” (“Wham!”; George Michael, Andrew Ridgeley) – заключается в том, что особа, к которой испытывает безответную любовь молодой человек, тоже его любит – но иначе, как друга... Не в силах смириться с этой неравноценностью чувств, лирический герой выплёскивает свои страдания в следующем наблюдении: «В правде нет радости. В ней только боль» (“There’s no comfort in the truth / Pain is all you’ll find”).

В остальных 6 текстах несчастная любовь обусловлена другими факторами. Так, лирическая героиня песни “Borderline” (Madonna; Reggie Lucas) изнурена любовной зависимостью – и мечется между желанием остаться со своим мужчиной (“Keep on pushing me, baby”) и освободиться от него (“Come on, baby, set me free”). Вполне естественно, что на такой психологической дыбе она не может получить от отношений никакого удовольствия – только мучение (“You cause me so much pain”). В произведении “Save me – don’t break me” (“Modern Talking”; Dieter Bohlen) уже сама просьба о спасении наводит на мысль, что судьбу лирического героя трудно назвать счастливой. Из текста мы узнаём, что его страдание вызвано страхом потерять возлюбленную. Мольбы о «пощаде» (“Hold me – don’t break me”, “Please, baby, don’t fool me”) чередуются с возбуждёнными признаниями (“It’s so true, I love you!”, “My heart belongs to you / And my heart cries just for you”), однажды вытесняясь голосом угрозы: “Save me, or you lose me” («Спаси меня – или ты меня потеряешь»). В отличие от неоднозначного высказывания из песни “Valerie” (“Joy”), данное заявление можно понять лишь в одном смысле: как шантаж отношениями.

В песне “Wild wild water” (“Modern Talking”; Dieter Bohlen) лирический герой тоскует по возлюбленной, к которой спешит через весь мир, а в “Jet airliner” (“Modern Talking”; Dieter Bohlen; Tomas Anders) – по любви в целом. Лирический герой последнего произведения – «нежный странник», меняющий женщин, как аэропорты. Пока обманутая девушка рыдает в подушку (“A

pillow filled with frozen tears”), искренний в своём непостоянстве герой уже спускается на «золотых крыльях» к другой, ещё неведомой ему, красавице (“Love can breed misunderstanding / But my heart will soon be landing / Another love on golden wings”). Но в салоне самолёта, в промежутке между бесконечными увлечениями, он чувствует себя одиноким (“...I’m lonely, feeling blue”). В этом и заключается несчастье той любви, которая доступна его внутреннему миру...

Отношения героев песни “Battlestations” (“Wham!”) сотрясаются постоянными конфликтами, которые молодой человек сравнивает с военными действиями: “Here we go – Battlestations!”, “Now we spend more time in battle / Than we ever do in bed”, “You choose your words like weapons”. Причиной размолвки является обрушившееся на возлюбленную богатство (“Used to be your baby when you had no money”), а прямым индикатором страданий молодого человека – фраза о том, как он ненавидит автоответчик, подкарауливающий каждый его звонок (“You don’t know how much I hate that answer phone. / Are you standing there?”). Также к данной подкатегории относится уже исследованная нами песня “My secret garden” (“Depeche Mode”).

Теперь следует обратиться к произведениям, в которых речь идёт о любви, доставляющей приятные эмоции. Таких песен было обнаружено всего 8. Следует отметить, что только в одной из них, – “The ladder” (Prince), – лирический герой обогащает свою любовь эмпатией, чутким отношением к близкому человеку. Это забота служанки по имени Электра о любимом ею без памяти короле: каждый день она дарит милому улыбку, не охлаждаясь его безразличием (“...loved him with passion, uncontested / For him each day she had a smile”).

В остальных текстах лирический герой акцентирует внимание на собственном удовольствии, не задумываясь об ощущениях своей «второй половины». Таковы, например, наиболее типичные образцы рассматриваемой категории: “Walking on air”

(Samantha Fox; Butch Hancock) и “You’re my heart, you’re my soul” (“Modern Talking”; Dieter Bohlen). Девушка из первой песни рассказывает о путешествии на седьмое небо, дарованном ей любовью (“I’m walking on air / Head in the clouds / Oh woh oh oh”), а молодой человек из второй – о сиянии, заполнившем его естество благодаря волшебному чувству (“You’re my heart, you’re my soul. / I keep it shining everywhere I go”). В произведении “Take on me” (“А-НА”; Morten Harket) лирический герой не окунается с головой в радость любви, а погружается в неё медленно, с частицей раскаяния, словно причащаясь ниспосланной ему благодатью (“But that’s me, stumbling away, / Slowly learning that life is o.k.”).

Песни “Japanese girls” (“Joy”; Andy Schweitzer), “Young, free and single” (“Boney M”; Frank Farian, Mary Applegate) и “Pretender” (Madonna), как и упомянутая в начале абзаца “The ladder”, повествуют о счастливой неразделённой любви. Впрочем не исключено, что в песне Мадонны безответность чувства существует лишь в воображении лирической героини; возможно, молодой человек, именуемый «притворщиком» (“He’s a pretender, he knows just what to say”) просто любит её менее страстно или не столь открыто... Наконец, в произведении “Club Tropicana” (“Wham!”; Andrew Ridgeley) вскользь упоминается о любовниках, наслаждающихся друг другом под лу-

чами тропического солнца (“Castaways and lovers meet, / Then kiss in Tropicana’s heat, / Watch the waves break on the bay”). В данной песне, как и в “Young, free and single”, любовь имеет наиболее плотский характер, приближаясь к обычному вожделению.

В остальных произведениях говорится о любви, не позволяющей определить гедонистическую тональность ощущений. Таковы песни “Take control” (“Culture Club”), “Sounds like a melody” (“Alphaville”), “Billie Jean” (Michael Jackson), “Lies” (“Thompson Twins”), “I let the music speak” (“ABBA”), “Goldrush” (“Yello”), “Dirty mind” (Prince), “A view to a kill” (“Duran Duran”), “Till the end of time” (“Bad Boys Blue”), “You’re still my man” (Whitney Houston) и т.д.

В песенных текстах, рассмотренных в данной статье, лексические единицы “love” и “to love” являются наиболее распространёнными словами-сигналами, репрезентирующими эмоциональные концепты. Данная ситуация имеет место и в дискурсе англоязычной поп-музыки 1970-х годов [Самохин 2010]. Было обнаружено ещё одно важное сходство: доминирование значений, связанных с чувственным влечением к лицу противоположного пола. При этом в песенных текстах 1970-х годов подобное эмоциональное состояние коррелирует преимущественно с приятными эмоциями, а в песенных текстах 1980-х годов – с неприятными.

Литература

Васильев А.В. Английский: правила произношения и чтения, грамматика, разговорный язык (онлайн-учебник). – 2005. – URL: <http://mvschool.ru/english.php>

Капитанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспектный анализ). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 1997. – 231 с.

Кострюкова О.С. Текст современной популярной лирической песни в когнитивном, коммуникативном и стилистическом аспектах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007(а). – 21 с.

Нагибина Е.В. Содержательные и языковые особенности текстов современных эстрадных песен: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2002. – 220 с.

Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2005. – 183 с.

Самохин И.С. Слова-сигналы различных видов эмоциональной модальности в дискурсе поп-музыки 1970-х гг. (на материале англо- и русскоязычных песенных текстов). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2010. – 232 с.

Compact Oxford English Dictionary of Current English. 3rd Edition. Oxford: University Press. 2005. – 1264 p.

LingvoSoft Online: The Joy of Understanding. URL: <http://www.lingvozone.com/>

Loder K., Madonna. “Breakfast with Madonna”, MTV News 1990. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=pI4DvNT3N8U>

Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, Harlow and London, 1978. – 1303 p.

Madonna's official website. URL: <http://www.madonna.com/>

Merriam-Webster Online Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/>

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. 5th Edition. Ed. J. Crowther. Oxford: Oxford University Press. 1998. 1428 p.

О.В. Юдаева

ПОВТОРЫ КАК ЭКСПОНЕНТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ВОЗДЕЙСТВИЯ

Изучение языковых механизмов воздействия на человека – одно из наиболее актуальных направлений современных исследований. В статье рассматривается роль различных видов повторов (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических) в реализации воздействующей функции. Анализ проводится на материале наиболее актуальных для воздействия сфер – политической и рекламной коммуникации, ораторского искусства, психотерапии, словесного художественного творчества.

Ключевые слова: повтор (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический), воздействующая функция, политическая коммуникация, рекламная коммуникация, психотерапия, словесное художественное творчество.

O.V. Yudaeva

REITERATIONS AS EXPONENTS OF EMOTIONAL COMPONENT OF INFLUENCE

Summary: studies into linguistic mechanisms of influencing a person are among the latest line of present-day research. The article is dedicated to considering the part being played by phonetic, lexical, morphologic and syntactic reiterations in the course of implementation of the influencing function. The analysis is based on the material gathered in the spheres most relevant to influence, e.g. political and advertising communication, elocution, psychotherapy and verbal arts.

Key words: reiteration (phonetic, lexical, morphological, syntactic), influencing function, political communication, advertising communication, psychotherapy, verbal arts.

Функция слов — именно в том, чтобы быть высказанными и, попав и внедрившись другому в душу, произвести там свое действие.

П. Флоренский

Мысль о существовании языковых механизмов воздействия на человека имеет довольно долгую историю. В древние времена сила воздействия слова не вызывала сомнения: существовало огромное количество молитв, заклинаний, заговоров, проклятий. В наши дни существование многочисленных социальных образований, общественных движений, партий, течений, применяющих во взаимодействии с людьми различные манипулятивные средства, начиная от гипноза и заканчивая общеизвестными PR-технологиями, сделало изучение языковых механизмов воздействия на человека одним из наиболее актуальных направлений современных исследований.

В научном обиходе понятие речевого воздействия имеет относительно недолгую историю. Само понятие было введено в научный оборот в начале 1970-х годов, и с этого времени проблема речевого воздействия продолжает оставаться актуальной, прежде всего для таких дисциплин, как психолингвистика, прагмалингвистика, стилистика, лингвориторика, теория речевого общения.

Речевое воздействие определяется как влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения. Оно преследует изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов. Речевое воздействие распространяется на основные компоненты коммуникативного акта – адресанта, текста и адресата. Начальный и конечный пункты речевого воздействия охватывают структуры сознания коммуни-

кантов в виде интенциональных смысловых структур адресанта и трансформированных смысловых структур адресата. Промежуточное звено коммуникации – воздейственный текст – воплощает смыслы адресанта (и потенциальные смыслы адресата) в языковой форме – в виде комплекса лингвистических средств убеждения, внушения и побуждения. Речевое воздействие проявляется в наличии соответствующих речевых актов, например, акта убеждения и акта внушения. Но само по себе наличие этих видов речевых актов еще не обеспечивает убедительности и суггестивности текста; важную роль играют лингвистические и логико-риторические средства, способствующие достижению убеждающего или внушающего эффекта. Одним из таких средств является повтор. Повтор – это стилистическое средство, специфика которого заключается в неоднократном употреблении единицы определённого лингвистического уровня или сразу нескольких уровней.

Рассмотрим роль повтора в реализации воздействующей функции в разных типах дискурсов.

Существуют некоторые сферы жизни, в которых речевое воздействие, а часто и речевое манипулирование используются особенно часто и играет очень важную роль.

Во-первых, это политическая и рекламная коммуникация. Данные виды очень близки, а в некоторых своих формах (например, политическая реклама) почти совпадают.

Повторяемость – один из основных принципов подачи языкового материала в рекламе. С помощью повторов разного типа (фонетических, морфологических, синтаксических) достигается особенное построение рекламных сообщений.

«Левша» — это самые низкие цены, самый качественный сервис, самый большой выбор стройматериалов;

Vichy. Здоровье для кожи. Здоровье для жизни;

«Фалиминт». Поможет горлу, поможет вам.

Используя лексические повторы, авторы рекламы подчеркивают отличное свойство рекламируемого товара: наилучшее качество – в первом случае, здоровье – во втором, помощь – в третьем. Этой же цели могут служить словообразовательные повторы, когда повторяются одинаковые морфемы (чаще всего – корни): *Подаркомания и скидкомания (реклама магазина электроники и бытовой техники); Асе. Бережное отбеливание — сияющая белизна!*

Создатели рекламы широко пользуются синтаксическими приемами, построенными на повторе:

- анафорой: *«Пежо»: Сделано для удовольствия. Сделано для Вас; Зубная щетка «Колгейт-зигзаг»: Чистит глубже. Чистит лучше; Кондиционер для белья «Sensashial»: Сенсационная мягкость. Сенсационная свежесть;*

- эпифорой: *Хотите чувствовать себя хорошо? — Артодиск. Хотите сбросить лет 20? — Артодиск. Хотите, как в молодости, радоваться жизни? — Артодиск;*

- синтаксическим параллелизмом: *Дезодорант Rexona. Ни влаги. Ни запаха; Телевизор Sharp. Минимальные габариты. Максимальные возможности; Крем для обуви Erdal. Бережная забота. Надежная защита; Батончик Twix. Сделай паузу — скушай Twix.*

На использовании интертекстуальных связей построен такой прием, как аппликация — употребление известных выражений (фразеологизмов, пословиц, поговорок, речевых штампов, крылатых выражений), он широко представлен в рекламном дискурсе:

В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и одежда, и мысли в голове, на которой — эксклюзивная шляпа из салона «Леди»;

И договорились встретиться в десять... Нет, эти часы не могут спешить. Да и она не опаздывает. Просто небольшая проверка: мол, если любит — часов не замечает. Даже таких... Швейцарские часы Zenith.

Создатели рекламы опираются на фоновые знания целевой аудитории: в первом случае устанавливается связь со словами А.П. Чехова, во втором – с комедией А.С. Грибоедова «Горе от ума».

Иногда в рекламном сообщении сочетается несколько типов повтора: например, в рекламах квартир в Ближнем Переделкине приводится цитата из К. Чуковского: *«Бараны, бараны стучат в барабаны»*. Здесь мы можем видеть повторы интертекстуальный, лексический, фонетический. Совокупность разных типов повтора реализует воздействующую функцию.

Таким образом, можно констатировать, что в рекламном дискурсе возникают тексты, рассчитанные на целенаправленное и полное использование глубинных уровней языка и сознания. Наименование предмета рекламы, его марка, ключевые слова повторяются в рекламном тексте для лучшей запоминаемости товара и организации ритма. Разные виды повтора придают идее завершенность, цикличность и выразительность.

Повтор играет немаловажную роль в реализации одной из основных функций политического дискурса – функции убеждения, воздействия. Значимость повтора в данном случае связана с эффектом усиления, выделения и актуализации, возникающим при повторе любых языковых единиц. Повторы в политическом дискурсе, равно как и в рекламном, имеют разные воплощения. Во-первых, они реализуются в тавтологических повторах, возникающих при неоднократном употреблении одних и тех же языковых единиц – морфем, слов, словосочетаний или предложений. Это повторы по форме: *Мы бесповоротно начали перестройку и сделали на этом пути первые шаги [...]*

Вместе с тем мы видим, что изменения к лучшему происходят медленно, дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем – более глубокими, чем это представлялось нам раньше. Чем больше мы углубляемся в работу по перестройке, тем яснее становится ее масштабность и значение, выявляются все новые нерешенные проблемы,

оставшиеся в наследие от прошлого (Из доклада М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года).

Небольшой фрагмент речи М.С. Горбачева изобилует повторами: трижды используется ключевое в тексте доклада слово «перестройка», имеется словообразовательный повтор – «глубокие – углубляемся», синтаксический параллелизм – «дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более глубокими». С помощью этих повторов, во-первых, происходит акцентуализация определенных смыслов, и, во-вторых, гармонизация высказывания.

Идея речи предопределяет зачастую и форму изложения. Так, например, Н.С. Хрущев в своей речи на XX съезде партии, развенчивая величие и культ личности Сталина, употребляет словообразовательный (приставочный) повтор «сверх».

*После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то **сверхчеловека**, обладающего **сверхъестественными** качествами, **наподобие бога** (Речь Хрущева на XX съезде партии).*

Повторы в политических речах не всегда используются уместно. Так, например, Н.С. Хрущев в речи на XX съезде партии говорил: «*О заслугах Сталина еще при его жизни написано вполне достаточное количество книг, брошюр, исследований. **Общеизвестна** роль Сталина в подготовке и проведении социалистической революции, в гражданской войне, в борьбе за построение социализма в нашей стране. Это всем хорошо известно.*»

Простое повторение мысли, да еще в той же форме, в которой она была изложена раньше, не всегда может способствовать поддержанию интереса слушателей к предмету высказывания, утомляет аудиторию и ведет к потере контакта между оратором и слушателями. Поэтому зачастую оратор прибегает к семантическому повтору, под

которым понимается употребление в словосочетании, предложении или на обозримом участке текста языковых единиц, имеющих семантическую общность при различиях в плане выражения. Посредством данного повтора одна и та же мысль передается другими словами, расцветчивается, дополняется, детализируется:

*Вы чего, думаете, я ваших подкулачных выкриков испугаюсь? Я ж не Миронов! Вы его сюда запустили! Вы, «Единая Россия», запустили сюда эту **партию предателей**, ходят по посольствам! Это вы запустили, это **ваши продукт, кремлевский, негодный, контрафактная партия!** (В. Жириновский).*

Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного Сына советского народа – Леонида Ильича Брежнев.

Приведенные примеры из речей политиков показывают, что условия, в которых протекает общение оратора с аудиторией, вызывают к жизни систему стилистических приемов, типичную для ораторской речи. Прежде всего оратор-политик вынужден прибегать к целому ряду приемов, рассчитанных на возбуждение внимания к содержанию своей речи. Поэтому форма изложения приобретает особо важное значение в этой разновидности публицистического стиля. Учитывая, что аудитория полагается только на свою память, оратор вынужден повторять отдельные части высказывания. Он делает это также и для того, чтобы лучше донести свою мысль до слушателей, убедить их, заставить их принять его точку зрения. Поэтому все виды повторов широко используются в политической коммуникации.

Повтор – одна из самых распространенных риторических фигур, используемых в судебном красноречии. Судебные речи, как обвинительные, так и защитительные, характеризуются единой целевой направленностью и однотипностью своих логических

моделей. Судебные речи активизируют мыслительную деятельность судей, направленную на анализ и синтез всех воспринятых в ходе судебного следствия фактов, помогают судьям выявить спорные противоречивые факты; определяют круг вопросов, которые необходимо будет разрешить в совещательной комнате. Судебная речь характеризуется подчеркнуто выраженной субъективной модальностью, т.к. это напрямую связано с одной из целевых установок данного вида речи – убедить. Подобного можно добиться именно словом, которое является «не механическим передатчиком, а возбудителем сходных мыслей и чувств».

Повтор в речах судебных ораторов выполняет выделительную функцию: он помогает привлечь внимание адресата к важным моментам речи, подчеркнуть значимость какого-либо факта или аргумента, уточнить мысль. Но наряду с этим, повтор – прием, создающий определенный ритм речи, обогащающий её интонационный колорит. Ритмизация речи, интонационное выделение фрагментов текста в немалой степени способствуют привлечению внимания адресата к определенной мысли оратора.

Судебные ораторы мастерски пользуются различными фигурами, построенными на повторе. Наиболее распространенной формой повтора, придающего речи динамичность и ритм, является анафора: «*Врач не имел права оставлять без помощи тяжело раненного человека; не имел права предлагать ему самому явиться утром на осмотр*»; «*Все с нетерпением ждут исхода этого судебного процесса; ждут близкие, коллеги, студенты... Ждут приговора мудрого и справедливого, ждут торжества законности и правды!*»; «*Не случайно Шахмурадов оговаривает своего бывшего друга, не случайно всячески уходит от таинственных историй с машинами репатриантов, не случайно теряет память, когда спрашивают его о денежном долге Тонояну, не случайно отрицает эпизод с сумочкой, которая была подарена его жене*». Анафора позволяет свести в один ряд зачастую различные по строению конструкции, соотнося

их с одним и тем же предшествующим или последующим элементом либо разворачивая веером содержание речи в определенной смысловой точке изложения. Анафора нередко становится аргументирующим средством: именно повторение начальных слов и словосочетаний в предложениях придает речи особую убедительность, поскольку здесь вступает в силу психологический закон края.

Наряду с буквальным повтором в судебных речах используется варьируемый повтор, направленный на создание комфортных психологических условий для усвоения слушателями наиболее важных мыслей. Судебный оратор обычно дважды или трижды в ходе речи повторяет свои соображения, добиваясь того, чтобы они были услышаны и усвоены: «*И возраст, и горе, горе подлинное, горе, от которого нет исцеления, сделали свое дело: сдало сердце*». При этом могут использоваться специальные словмаркеры, сигнализирующие начало повтора (*иначе говоря, иными словами, повторяю, я не могу не повторить и др.*). Варьируемый повтор лежит в основе обрамления – приема, состоящего в том, что в заключении повторяется (или варьируется) мысль, выраженная во вступлении. В таких случаях заключение достраивает, закрывает логическую рамку судебной речи: «*Погиб человек, едва начавший сознательную жизнь, погиб нелепо*».

Судебные ораторы прибегают к повторению, как правило, при анализе доказательств: «*Что же представляет собой / Саша / Соновух / так неожиданно оказавшийся на скамье подсудимых // Я подчеркиваю / неожиданно // Неожиданно для педагогов / неожиданно для родителей / неожиданно для товарищей // Почему неожиданно // Да потому / что поведение в прошлом / было безупречным//*».

Также повторы могут использоваться при описании какого-либо явления, события, факта, а также оценки участников судебной драмы. При помощи повтора оратор подчеркивает, выделяет какую-либо черту, качество, присущее характеризваемому лицу

и имеющее важное значение в связи с обстоятельствами рассматриваемого дела: *«И он не выдержал / такой вот проверки / не выдержал первого серьезного испытания».*

Судебные ораторы часто повторяют реплики участников судебного разбирательства, показания свидетелей, подсудимых, потерпевших. Это так называемый цитатный повтор.

Повторы также широко используются в речи преподавателя и выполняют различные функции, главная из которых все же воздействующая. Во-первых, повторы служат для акцентуализации наиболее важной информации: это может быть определение какого-либо понятия (буквальный повтор) или комментирование классификации (вариативный повтор). Слушающий быстрее и лучше усваивает содержание повторов, поскольку они семантически менее нагружены. Таким образом, повтор в речи преподавателя помогает более легкому и быстрому восприятию и осмыслению информации обучаемыми.

Во-вторых, повторы – это материал для производства и поддержания беседы, они выполняют функцию «обратной связи»: повтор иницирующих слов преподавателя помогает обучаемому создать полный речевой ответ.

В-третьих, повтор преподавателем слов ученика может иметь целью «закрепление» и речевую поддержку правильного ответа. Как правило, наряду с лингвистическими средствами (повторы на разных языковых уровнях) используются невербальные (кивки, улыбка) и паравербальные средства (одобрительная интонация, тон).

В-четвертых, преподаватель прибегает к повтору, чтобы избежать молчания ученика. В этом случае также большую роль играет интонационный рисунок речи: преподаватель повторяет последнее слово, произнесенное обучаемым, с восходящей интонацией, затем делает паузу, тем самым воздействуя на ученика, стимулируя его к высказыванию. В последних трех случаях лингвopsихологическая функция повтора проявляется в том, что он демонстрирует

участие обучаемого в речевом общении с преподавателем, является ответным речевым актом – «прием» на стимулирующий речевой акт – «подсказка» учителя. За счет этого педагогический дискурс становится гармонизирующим.

В речи преподавателя могут встречаться слова-маркеры повтора: *«я повторяю», «повторю», «проверьте написанное».*

Еще одна сфера применения повторов с целью воздействия – психотерапия. Еще с древнейших времен люди, не имея лекарств, не владея методиками операционных вмешательств, пытались облегчить человеческие страдания словом. На Руси был даже специальный термин тогда еще ненаучной психотерапии – «душесловие». В различных вариантах йоги используется повторение особых звукокомплексов – «мантр» и священных слово-слогов «аум» с целью получения эффекта сосредоточения (медитации), самовнушения и внушения.

К. И. Платонов детально описал изученное им влияние «речевой терапии» на многообразные функции человеческого организма. Причем важным в психотерапии, как оказалось, является не только смысл (содержание) внушения, но и словесное его оформление (форма).

Большую роль в формировании психотерапевтического эффекта играют звуковые повторы, создающие определенную звукопись, настроение или определенное сложное смысловое единство. Звуковая организация формулы внушения особенно значима при формировании гипнотического феномена. Фонетические повторы (повторение звуков в тексте, ритм, рифма) широко представлены в текстах знахарских заговоров и заклинаний, герменевтических текстах средневековых алхимиков и средствах медицинской музыкальной медитации. Например, заговор от тоски изобилует фонетическими повторами:

...Вода-водица, река-царица, зоря-зорина! Соймите тоску-кручину и унесите тоску-кручину за синее море в морскую пучину, где люди не ходят и на конях не ездят. Как в морской пучине сер камень не вставает, так бы у раба божия (имярек) тоска-

кручина к ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась...

Для внутренней организации архитектоники текста внушений в психотерапии и гипнозе применим принцип лексико-семантических повторов: *«Спать! Спать глубже, крепче! Ещё глубже! С каждым звуком моего голоса в ходе сеанса ты всё глубже и дальше погружаешься в состояние целебного сна, покоя, отдыха. В голове нарастает приятный лёгкий туман. Все посторонние мысли уходят...»*; *«Веки слипаются, веки тяжелеют все больше и больше. Приятная дремота обволакивает тебя все больше и больше»*. Одним из методов психокоррекции, направленных на «борьбу» с комплексами и фобиями, на развитие личностных качеств, является сказкотерапия. В качестве материала могут использоваться уже готовые сказки или специально созданные для этих целей. Как правило, сказки изобилуют повторами:

«Лентяи больше не ленились, а много и честно работали, причем работали так много и так честно, что прочие деревенские жители даже им немного начинали завидовать; обижаемые и обиженные теперь могли постоять за себя, дать обидчикам отпор и тем самым заслуживали уважение на деревне».

«Яков любил свой дом, что стоял на самом краю поселка, но еще больше любил Яков бродить по окрестностям. ... И зиму любил Яков, и лето любил, и весну с осенью тоже любил. Любил Яков природу. Но любил Яков и свой родной дом, куда всегда с радостью возвращался после своих прогулок». Повторы используются для настройки читающего или слушающего на необходимый лад, поскольку именно они являются актуализаторами смысла.

Религиозный дискурс – еще одна область, в которой наблюдается обилие разных видов повторов. Одним из них является так называемый семантический повтор, подразумевающий под собой повтор слов, имеющих одинаковые семы. Повтор строится за

счет нанизывания синонимов, обозначающих какое-либо лицо, предмет, понятие:

Верую во единого Бога отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от отца рожденного прежде всех век...

Царице мая преблагая, надеждо моя Богородице, приятельнице сирых и странных предстательнице, скорбящих радости, обидимых покровительнице!...

В приведенных фрагментах молитв для именования Бога-отца, Иисуса Христа и Богородицы используются цепочки слов и словосочетаний с тождественными или близкими значениями. Цепочки синонимов или синонимических выражений особенно употребительны в следующих случаях: во-первых, в начальной части молитвы, где содержится адресат сообщения (см. примеры выше). Во-вторых, в основной части, когда читающий молитву прибегает к самоуничтожению, чтобы подчеркнуть дистанцию между Богом и собой, простым смертным, между небом и землей: *Милостив ли буди, грешному и обнаженному всякого дела блага, возстави падшую мою душу, осквернившуюся в безмерных согрешениях, и отыми от мене весь помысл лукавый видимаго сего жития*.

И, в-третьих, в случае, когда молящийся обращается с определенной просьбой к Богу: *... даждь нам, ко сну отходящим, ослабу души и телу, и соблюди нас от всякого мечтания, и темныя сласти кроме; устави стремление страстей, угаси разжжения восстания телесного...*

Следует отметить, что в языковой системе данные однородные ряды не являются синонимическими, а в молитвенных текстах их объединяет общая сема, например, в последнем случае «предостережение от совершения грехов».

Другой разновидностью повтора, встречающегося в молитве, является корневой повтор, т.е. повторение в тексте или фрагменте текста однокоренных слов: *Го-*

споди Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистая Твоя Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй нас; Достоинно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего; ...отпусти ми, недостойному, и прости вся (...) вольные моя грехи и невольные, ведомые и неведомые...

В приведенных примерах наблюдается эхо-эффект, основанный на корневых повторах, что делает прозаические тексты более звучными и поэтичными.

Помимо этого, корневой повтор выполняет еще одну функцию: изображение взаимонаправленности действий субъекта и объекта, как правило, человека земного и человека небесного, человека и Бога, Богородицы, Святых, ангелов и т.д.: *Прости моя согрешения, едине Безгрешнее, яже ты согреших в сей день...; Благого Царя благая Мати, Пречистая и Благословенная Богородице Марие, милость Сына твоего и Бога нашего излей на страстную мою душу и Твоими молитвами наставимя на деяния благая...*

Повтор в данных примерах акцентирует внимание на содействии небесного и земного: насколько дальше движется к горнему, настолько горнее спускается к дольнему. Таким образом, тождество звучания подчеркивает тождество взаимонаправленных действий. Это взаимодействие, основанное на повторах, занимает важное место в религиозной картине мира.

Отдельные молитвы пронизаны однокоренными словами: *Светоподательна светильника сущим во тьме неразумия, прежде гоняй Тя Павел, богоразумного гласа силу внуши и душевную быстроту уясни; сице и мене темные зеницы душевныя просвети.*

В результате повтора однокоренных слов образуются важные в смысловом отношении антонимические словообразовательные гнезда («свет» – «тьма»; «разум» – «неразумие»).

В молитвенных текстах можно най-

ти также префиксальные повторы, которые особенно употребительны в начальной части, где содержится наименование адресата: *...Иисусе пречудный, Ангелов удивление; Иисусе пресильный, прародителей избавление. Иисусе пресладкий, патриархов величание; Иисусе преславный, царей укрепление. Иисусе прелюбимый, пророков исполнение; Иисусе предивный, мучеников крепосте; Иисусе претихий, монахов радости; Иисусе премилостивый, пресвитеров сладосте...* В данной молитве содержится большое количество слов с приставкой пре-, имеющей значение высшей степени качества.

Еще одна разновидность повторов – повтор тропов, обладающих общими семантическими компонентами или построенными по одинаковой схеме. В текстах молитв большое количество эпитетов, метафор, сравнений. Выразительны тропы, содержащие наименование Бога, Богородицы, Святых: *бессмертный Царю, Щедре и Человеколюбче Господи, Чеснейшая Матере, Пречистая Божья Матерь, Благого Царя Благая Мати, Пресвятая Владычице, Пресвятая Троице,* и т.д. Каждому тематическому блоку (Иисус, Богородица) присущи свои повторяющиеся тропы: например, образ Иисуса связывается с понятиями бессмертия, человеколюбия, а образ Богородицы – с понятиями чистоты, святости, честности.

Наряду с семантическими, корневыми, префиксальными повторами, в молитвах употребляются синтаксические повторы: *Господи, не лиши мене небесных твоих благ. Господи, избави мя вечных мук. (...) Господи, избави мя всякого искушения... Молитва* («Молитва 7-я, святого Иоанна Златоуста) состоит из более 10 повторяющихся синтаксических структур, что приводит к возникновению синтаксического параллелизма. Синтаксический параллелизм в молитвенных текстах вместе с другими видами повтора делает язык молитв настолько лиричным (в силу возникновения определенного ритма), что иногда трудно различить поэзию и прозу, поэтому можно говорить о смешении двух родов литературы.

Таким образом, в православных молитвенных текстах содержится большое количество разнообразных повторов, которые придают определенную стройность и цельность текстам, акцентируют внимание на наиболее важных моментах текста, вводят определенную сакральную символику, служат одним из средств поэтизации текста.

Проанализировав разные типы дискурсов, мы пришли к выводу, что повтор – универсальное средство создания воздействующего эффекта: они используются в разных типах дискурса для убеждения слушателей, для воздействия на их умы и чувства, для формирования адекватного восприятия информации, для концентрации внимания.

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-58888 от 28 июля 2014 г.

Название: *ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ*

Адрес редакции: *129075, г. Москва, ул. Новомосковская, д. 15а*

Примерная тематика и (или) специализация: *Образовательная, культурно-просветительская, реклама в соответствии с законодательством Российской Федерации о рекламе*

Форма периодического распространения
(вид - для периодического печатного издания): *Периодическое печатное издание, журнал*

Язык(и): *русский, английский*

Территория распространения: *Российская Федерация, зарубежные страны*

Учредитель (соучредители) (адрес): *Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук (125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1),
Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Московский институт лингвистики" (115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 25, стр. 1)*

Заместитель руководителя **М.Ю. Ксензов**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.В. Виноградов**

052817

28 июля 2014 года Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) зарегистрировала журнал «Вопросы социолингвистики» учрежденный Московским институтом лингвистики совместно с Институтом языкознания РАН и выдала свидетельство о регистрации. Готовится к изданию первый номер журнала.

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

Н.И. Дорогов

УДК 338.242

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье Н.И. Дорогова рассматриваются проблемы эффективности бюджетных расходов при организации государственных и муниципальных закупок в рыночных условиях, обеспечения гласности и прозрачности госзакупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: рыночная экономика, организация государственных закупок, управление системой государственных и муниципальных закупок, эффективность закупочной деятельности, оценка качества товаров, работ и услуг, бюджетный процесс, эффективность бюджетных расходов.

N.I. Dorogov

ON-BUDGET EXPENDITURES EFFICIENCY PROBLEMS IN ADMINISTRATION PUBLIC PURCHASES WITHIN A MARKET

On-budget expenditures efficiency problems in administration governmental and municipal purchases within a market, publicity and transparency assurance of public purchases, corruption prevention and other abuses in the field of goods purchasing, work and service for governmental and municipal needs are being covered in Mr. Dorogov's article.

Key words: market economy, public purchases administration, governmental and municipal system management, procurement activity; goods, work and service quality assessment; budgetary process; on-budget expenditures efficiency.

Федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», пришедший на смену Федеральному закону от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», вступил в силу с 1 января 2014 г. и в настоящее время регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в условиях рыночной экономики в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере государственных и муниципальных закупок, в части, касающейся:

- 1) планирования закупок товаров, работ, услуг;
- 2) определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей);
- 3) заключения гражданско-правового договора, предметом которого являются: поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также бюджетным учреждением либо иным юридическим лицом в соответствии с частями 1, 4 и 5 статьи 15 настоящего Федерального закона;
- 4) особенностей исполнения контрактов;
- 5) мониторинга закупок товаров, работ, услуг;
- 6) аудита в сфере закупок товаров, работ, услуг;
- 7) контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контракт-

ной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В то же время статьей 144 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ для ряда положений и норм вышеназванного Федерального закона установлены иные сроки вступления их в силу:

1) пункт 16 части 3 статьи 4, статьи 16, 17, 18, части 1–10, 12–15 статьи 21, часть 1 статьи 23, пункты 1 и 2 части 4 статьи 38 настоящего Федерального закона вступают в силу с 1 января 2015 года;

2) пункт 2 части 1, пункты 1–3 части 3 статьи 4, статья 20, часть 11 статьи 21, часть 2 статьи 23, часть 5 статьи 26, пункт 3 статьи 42, часть 1 статьи 97, часть 5, пункт 1 части 8 статьи 99, пункт 12 части 2 статьи 103, пункт 5 части 3 статьи 104 настоящего Федерального закона вступают в силу с 1 января 2016 года;

3) часть 4 статьи 23 настоящего Федерального закона вступает в силу с 1 января 2017 года.

При этом, по нашему мнению, в целях организации эффективной работы по использованию средств бюджета при государственных и муниципальных закупках, исключительно важно провести всесторонний объективный анализ результатов более чем восьмилетней практики правоприменения Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ и организации работы по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, извлечь соответствующие уроки и провести необходимую настройку ключевых механизмов национальной контрактной системы и ее подсистем на федеральном, региональном и местном уровнях, что позволит избежать имевших место ошибок и просчетов при организации государственных и муниципальных закупок и повысить эффективность расходов федерального, регионального и местных бюджетов.

В целях выполнения требований федерального законодательства на официаль-

ном сайте Российской Федерации в сети Интернет: <http://www.zakupki.gov.ru/> публикуется информация о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд, нужд субъектов Российской Федерации или муниципальных нужд.

Чтобы оценить и понять значение и масштаб проблемы эффективности бюджетных расходов при организации государственных закупок в рыночных условиях, обратимся к официальной статистике.

Согласно статистическим данным информационной системы государственных закупок, размещенным на официальном сайте в сети Интернет, в системе госзакупок зарегистрировано:

- 91 тыс. 071 официальных пользователей системы;
- 93 тыс. 056 активных закупок;
- 716 млрд. 295 млн. 869 тыс. руб. – общая сумма закупок.

Из 93 тыс. 056 активных закупок: 64 тыс. 295 закупок являются государственными, что составляет 69,1% от их общего количества, 28 тыс. 761 закупка или 30,9% являются коммерческими.

Статистика закупок по 24 отраслям народного хозяйства представлена следующим образом:

- 3 отрасли являются лидерами по закупкам: строительство, недвижимость, архитектура (24466 закупок – 26,3%), медицина и фармакология (18588 закупок – 20,0%), продовольствие, пищевая промышленность (9217 закупок – 9,9%);

- далее следуют 18 отраслей: электротехника (6013 закупок), информационные технологии, компьютеры, оборудование (5393 закупок), транспорт (4665 закупок) и другие (лёгкая промышленность (4636), металлы и металлоизделия (3777), офис, дом (3762), наука, исследования, образование (3114), безопасность (2695), топливо и энергетика (2506), бизнес, финансы, страхование (1960), машиностроение (1927), услуги в сфере ЖКХ (1892), сельское хозяйство (1759), химия (1475), связь и ком-

муникации (1339), перевозки, логистика, таможня (1230), экология (1212), спорт, отдых, туризм (1154));

- 3 отрасли с наименьшим количеством закупок замыкают вышеуказанный ряд: маркетинг, реклама, информационные услуги (1000 закупок – чуть более 1% от общего числа закупок), сырье, полуфабрикаты (910 закупок – 0,98%), деревообработка, лес (419 закупок – 0,45%).

В разрезе регионов – субъектов Российской Федерации госзакупки представлены следующим образом:

- 5 регионов являются лидерами по закупкам: г. Москва – 12872 закупок или 13,8% от общего количества закупок, г. Санкт-Петербург (4572 закупки – 4,9%), Краснодарский край (4198 закупок – 4,5%), Московская область (3950 закупок – 4,2%), Свердловская область (3477 закупок – 3,7%);

- 27 регионов осуществляют от 1000 до 3000 закупок;

- 31 регион имеют от 500 до 1000 закупок;

- 14 регионов проводят от 200 до 500 закупок;

- 6 регионов с наименьшим количеством закупок замыкают вышеуказанный ряд регионов: Республика Карачаево-Черкессия (197), Республика Адыгея (173), Республика Калмыкия (167), Ненецкий автономный округ (160), Чукотский автономный округ (149), Республика Ингушетия (130 закупок).

Статистические данные закупок муниципальных образований (их по состоянию на 1 января 2013 года по Федеральной службе государственной статистики, опубликованному 03.06.2013 года в бюллетене «Формирование местного самоуправления в Российской Федерации - 2013 г.», размещенном на сайте указанного федерального ведомства, составляет 23001 ед.) в информационной системе государственных закупок не приводятся. В ней размещена информации только о 78 активных закупках по г. Байконур. По нашим экспертным оценкам

емкость рынка данных услуг по муниципальным образованиям сопоставима с суммарной емкостью рынка госзакупок 83 вышеуказанных регионов – субъектов Российской Федерации (без учета республики Крым и города Севастополь, включенных в качестве субъектов в состав Российской Федерации в 2014 году).

Рынок тендеров о закупках российских компаний в цифрах, согласно информации Школы тендерных продаж, размещенной на сайте указанной организации, характеризуется следующим образом: - свыше 5.800 торговых площадок и сайтов существует на территории России, на которых публикуется информация о закупках компаний;

- более 4.500 тендеров проводится в стране каждый день;

- 3.200 компаний в среднем становятся победителями этих тендеров ежедневно, из которых 76% являются компаниями-представителями малого и среднего бизнеса;

- 2,31 участников в среднем принимают участие в одном тендере;

- 1 млн. 800 тыс. рублей составляет средняя цена государственного тендера;

- 2,5 часа приходится в среднем на участие в 1-м тендере (от начала поиска тендера до участия в процедуре);

- 28% составляет средний процент победы компании в первых 10-ти тендерах, ранее не участвовавших в тендерах по закупкам.

В публичном доступе имеются многочисленные научные исследования, доклады, статьи российских ученых и специалистов (Д.Г. Антонова, Р. К. Арыкбаева, О.С. Белокрыловой, А.Н. Борисова, Е.А. Звоновой, Л. Г. Каранатовой, И.В. Кузнецовой, О.Л. Лобановой, Р. А. Набиева, Е.А. Пластининой, И.И. Смотрицкой, А.А. Строганова, Т.Н. Трефиловой, Ю.А.Тихомирова, А.А. Храпкина, А.А.Яковлева и др.) – по ключевым вопросам функционирования системы государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации:

нормативно-правовому обеспечению, правоприменению и судебной практике, бюджетному процессу и эффективности бюджетных расходов, кадровому обеспечению и обучению персонала, государственному регулированию и общественному контролю и другим важнейшим вопросам и имеющимся проблемам в этой сфере.

Обобщенные результаты проведенных отечественными учеными и специалистами исследований и всесторонний анализ процесса реализации действующего Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», а также личный опыт разработки ведомственных нормативно-правовых актов, бюджетирования и организации работы по госзакупкам, научного консультирования и сопровождения участия бизнес-структур позволяют нам сделать вывод: несмотря на отдельные положительные результаты, достигнутые в ходе правоприменения Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ в части подготовки и запуска механизма закупок для государственных и муниципальных нужд, система законодательного регулирования организации закупочной деятельности имеет ряд концептуальных недостатков и системных ошибок, положенных в основу установленных процедур в сфере закупок:

- действующая редакция законопроекта не дает ответа на главный вопрос – что такое эффективная закупка и какими способами необходимо ее обеспечивать;

- результатом неправильно сформулированных принципов размещения заказов явилось снижение эффективности закупочной деятельности в целом;

- эффективность закупок оценивается не по достигнутому результату, а по формальному соблюдению регламентных процедур;

- применение универсальных процедур, не учитывающих специфику различных видов закупок;

- допуск к размещению заказов недобросовестных участников, не способных гарантировать эффективность закупок;

- при формально детализированных требованиях к информационной открытости закупок на практике доступ к сведениям о размещении заказов существенно ограничен.

В числе наиболее существенных недостатков действующего законодательства о размещении заказов необходимо отметить следующие:

- соблюдение регламентных норм становится единственным предметом контроля и оценки, при практически полном отсутствии контроля за результатами удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

- практически нивелирована роль важнейших для оценки качества товаров, работ и услуг критериев, не позволяющих не только осуществлять выбор оптимального по срокам, качеству и цене предложения на рынке, но и фактически исключаящих заказчиков из процедуры оценки предложений;

- ограничение критериев оценки предложений поставщиков и сведение процедуры торгов к одному критерию – цене;

- незащищенность заказчика от недобросовестных поставщиков, подрядчиков и как результат – значительный рост количества заключенных контрактов с недобросовестными поставщиками в результате демпинга;

Исходя из этого, заказчик становится естественно мотивированным не на обеспечение максимально эффективного решения государственных задач, а только на соблюдение формальных предписаний. Нарушения заказчиком требований к содержанию и срокам публикации планов-графиков размещения заказов, размещению извещений о закупках, организации рассмотрения заявок не имеют никаких установленных институтов ответственности. В то же время несоблюдение операторами электронных площадок регламентных норм, ненадлежа-

щее исполнение своих функций, а также необеспечение ими конфиденциальности информации, не влечет на практике привлечение их к административной, финансовой или иной ответственности.

Результаты исполнения государственных и муниципальных контрактов не являются публичными, не подлежат оценке или учету при планировании и размещении заказов.

Отказ от использования оценки способности поставщика обеспечить выполнение государственного и муниципального контракта приводит к превалированию формальных институтов оценки над содержательными, результатом чего становятся частые срывы исполнения контрактов, неудовлетворительное исполнение заказов.

Конкурсные и аукционные комиссии не выполняют возложенных на них функций ввиду отсутствия необходимого уровня профессионализма, ограниченности состава комиссий только сотрудниками заказчиков, что не позволяет с необходимой степенью эффективности оценивать предложения участников торгов.

Система закупок не позволяет обеспечить добросовестную конкуренцию между поставщиками и не создает максимально благоприятные условия для участников торгов в зависимости от результатов и опыта их работы, использования передовых технологических решений.

Отсутствие реального контроля заказчиков за исполнением государственных и муниципальных контрактов, как и отсутствие возможности принятия решения о привлечении к ответственности недобросовестного поставщика за ненадлежащее исполнение, приводит зачастую к срыву исполнения контрактов, либо существенного ухудшения качества удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Представленные выше обобщенные выводы и оценки российских ученых и специалистов о системных проблемах в сфере закупок в Российской Федерации, подтвердила Счетная палата Российской Федера-

ции, которая провела «Комплексный анализ эффективности функционирования существующей системы закупок для государственных нужд» (Аналитическая записка по результатам экспертно-аналитического мероприятия размещена на сайте данного ведомства) (Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации № 3 (135) 2009 г.).

Счетная палата Российской Федерации по результатам комплексного анализа действующей системы госзакупок для государственных нужд сделала следующие выводы:

- отечественная система закупок для государственных нужд не основывается на гармонично увязанной бюджетной, налоговой и контрактной политике с целью гарантированного ресурсного обеспечения исполнения государственных функций и социальных обязательств с использованием эффективных инструментов государственного регулирования экономики;

- нормативная правовая база, регулирующая отношения в сфере закупок для государственных нужд, не носит целостного, логически завершенного характера, обеспечивающего формирование в Российской Федерации единого правового и экономического пространства в секторе государственного рынка, а существующие нормы специального права не обеспечивают его устойчивое функционирование, а в отдельных случаях являются препятствием в обеспечении исполнения государственных функций и социальных обязательств;

- не сформирована эффективная система планирования и экономического обоснования объемов государственных закупок для государственных нужд и адекватная ей система бюджетирования. Планирование закупок не включено в бюджетный процесс. Бюджетная классификация в части закупок для государственных нужд не транспарантная и не содержит информации об объемах спроса на товары (работы, услуги);

- при макроэкономическом прогнозировании в рамках формирования параметров бюджета не учитываются процессы,

происходящие на микроуровне;

- используемые при формировании прогнозных объемов расходов бюджета на очередной год и плановый период индексы-дефляторы не учитывают региональных и отраслевых особенностей производства и обращения продукции. В этой связи выделяемые на закупки для государственных нужд объемы бюджетных ассигнований не обеспечивают потребности в продукции (работах, услугах), необходимой для исполнения государственных функций, а также сдерживают рост объемов производства ограничением платежеспособного спроса;

- не разработаны и нормативно не закреплены общие принципы ценообразования на продукцию для государственных нужд, обеспечивающие совместимость порядка калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг) с системой бухгалтерского и/или налогового учета и полную компенсацию затрат, а также получение прибыли. Система учета себестоимости продукции не позволяет устанавливать и исключать непроизводительные затраты, деформирующие финансовый результат хозяйственной деятельности;

- изъятие у заказчика права и обязанности оценки фактических затрат поставщика продукции (работ, услуг) в системе государственного регулирования цен снижает возможности последующего контроля за законностью и эффективностью использования бюджетных средств и делает неосязаемыми коррупционные действия на этапе планирования.

Проведенные Счетной палатой Российской Федерации исследования результатов правоприменительной практики Закона № 94-ФЗ позволили сделать вывод, что концепция закона основана на не вполне достоверном анализе степени развития массового производства и конкуренции в секторе государственного рынка, и, как следствие, реализованные на его основе меры по административному внедрению рыночных механизмов размещения государственного заказа не учитывают особенностей разработки,

производства и обращения наукоемкой и материалоемкой продукции, составляющей около 80 % объема выделяемых на закупку ассигнований и могут быть применимы исключительно к имеющей выраженный рыночный статус простой продукции. Объем и количество дополнений и изменений, внесенных в первоначальную редакцию указанного законодательного акта, свидетельствует о недостаточном качестве его проработки, а частота внесения в него изменений и дополнений создает существенные проблемы в реализации норм.

Наличие пробелов в правовом регулировании допускает субъективное толкование норм закона в процессе правоприменительной практики, существенно повышает риски неэффективного использования бюджетных средств и коррупционные риски.

Результаты анализа Счетной палаты Российской Федерации свидетельствуют, что вследствие системных ошибок Закона № 94-ФЗ из 7 поставленных в нем целей достигнута только цель повышения прозрачности и гласности процедур размещения заказов для государственных нужд, а по отношению ко всей системе закупок он создал отрицательный синергетический эффект.

Проведенный Счетной палатой Российской Федерации анализ исполнения функций уполномоченными федеральными органами исполнительной власти свидетельствует:

- Минэкономразвития России, осуществляющее выработку государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере закупок продукции для государственных и муниципальных нужд, ограничивает свою деятельность исключительно регулированием размещения заказа на поставку продукции (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд;

- представляемые в Правительство Российской Федерации доклады о результатах мониторинга действующей системы размещения заказов носят информативный характер, а рассчитанные с применением

некорректной методики сведения о положительной динамике экономии бюджетных средств недостоверны;

- Федеральная антимонопольная служба ограничивает свою деятельность только контролем за размещением заказов.

- анализ правоприменительной практики закупок продукции (работ, услуг) федеральными органами исполнительной власти (государственными заказчиками) свидетельствует о недостаточном качестве управления системой на ведомственном уровне, а наличие общих недостатков в деятельности – о системном характере проблемы.

Счетная палата Российской Федерации отмечает низкое качество научно-методического обеспечения деятельности и неэффективное использование бюджетных средств, выделенных на указанные цели, в целом ряде федеральных органов исполнительной власти.

Достигнутые результаты большинства НИР в федеральных органах исполнительной власти в практической деятельности не используются.

В результате имеющих место системных проблем в действующей системе закупок для государственных нужд в ходе проведенного анализа установлены следующие негативные тенденции:

- устойчивая тенденция роста нарушений при размещении заказов на поставки продукции для государственных и муниципальных нужд с незначительным изменением структуры;

- создание условий снижения качества продукции и повышения рисков закупки контрафактной продукции;

- перемещение коррупционных рисков в сферу планирования закупок со значительным сокращением возможности их установления и доказательства;

- значительное сокращение конкуренции в секторе государственного рынка и усиление тенденций его монополизации;

- значительные, не связанные с монетарными факторами, темпы роста индексов

цен производителей вследствие мультипликативного эффекта включения в себестоимость продукции трансфертов (бюджетных, рыночных инфраструктурных) на всех этапах, начиная с добычи сырья и заканчивая финальным изделием, а также непроизводительных расходов в сфере обращения при движении продукции от производителя к покупателю;

- нерациональное распределение ресурсов (финансовых, трудовых, интеллектуальных и др.) в пользу непроизводительной сферы (банковской, финансовой, консалтинговой, обращения и т. д.) в ущерб сфере производства и формирование в ней финансовой базы коррупции, а также сохранение деформированной структуры экономики с тенденцией сокращения доли реального сектора;

- снижение экономической эффективности системы закупок для государственных нужд по показателю эффекта от размещения заказов.

Действующая система закупок для государственных нужд не обеспечивает реализацию регулирующей роли государства, в том числе:

- создание стимулов для всех экономических агентов государственных закупок;

- поддержка стратегически важных отраслей и производств;

- повышение эффективности управления стоимостью товаров (работ, услуг);

- переход к методологии стратегического управления в условиях постоянных внешних изменений, инноваций и неустойчивой внешней среды;

- переход от управления текущей эффективностью системы к управлению потенциалом этой эффективности.

В настоящее время Минэкономразвития России рекомендует бюджетополучателям рассчитывать объемы и суммы закупок, исходя из обоснованной платежеспособной потребности в товарах, работах, услугах с применением одного из четырех методов обоснования:

- нормативного метода, при котором объем закупок определяется исходя из удельных нормативов потребления и числа физических или юридических лиц, органов государственной власти или иных главных распорядителей бюджетных средств;

- метода индексации расходов, при котором объем закупок определяется на основе индексации расходов прошлых лет (на уровне не выше темпов инфляции);

- планового метода, при котором объем закупок определяется на основе ранее определенного плана, графика;

- формульного метода, при котором объем закупок определяется на основе нормативно закреплённой или сложившейся формулы расчетов.

Несовершенство практики организации государственных закупок в части оценки эффективности бюджетных расходов и так называемой «бюджетной экономии» наглядно видно на примерах аукционов, проведенных на электронной площадке РТС-Тендер с 08.04.2013 по 14.04.2013, информация о которых размещена на официальном сайте Федеральной антимонопольной службой России 19 апреля 2013 г.

По информации ФАС России при начальной (максимальной) цене контракта по охране, защите, производству лесов на лесных участках Чулымского лесничества Чулымского района Новосибирской области с одновременной продажей лесных насаждений (предельный объем заготовки древесины: 18,5 тыс. куб.м.) 1 млн 541 тыс. 928 руб. достигнутая экономия составила 98% или 1 млн 511 тыс. 089 руб. Получается, что победитель аукциона – ГУП «Новосибирский лесхоз» принял обязательства выполнить работу по охране, защите, производству лесов на лесных участках Чулымского лесничества Чулымского района Новосибирской области за сумму вознаграждения в 30 тыс. 838 руб., которая в 50 раз ниже начальной (максимальной) цены контракта.

Однако ФАС России, оценивая эффективность бюджетных расходов и бюджетную экономию по результатам аукцио-

на, не только не проверили обоснованность затрат по исполнению контракта, но и не приняли во внимание наличие в контракте еще одного существенного условия: победитель аукциона должен обеспечить продажу лесных насаждений (предельный объем заготовки древесины: 18,5 тыс. куб. м.). При средней цене 1 куб. м. выставленной на торги древесины в Новосибирской области 98,5 руб. (см. официальный сайт Росимущества), доходы победителя аукциона – ГУП «Новосибирский лесхоз» от продажи 18,5 тыс. куб. м. древесины составят 1 млн 822 тыс. 250 руб.

Следующие два примера показывают так называемую «достигнутую экономию» 96,73% и 95,02% на примере заказов на «Право заключения контракта на оказание услуг по оценке рыночной стоимости объектов недвижимости муниципальной собственности №95 и №96 (заказчик комитет муниципального заказа города Барнаула, победитель ООО «Оценка и экспертиза». При начальной (максимальной) стоимости контракта соответственно 76 тыс. 500 руб. и 66 тыс. 250 руб. ООО «Оценка и экспертиза» выполнила контракты за условные суммы вознаграждения – соответственно 2 тыс. 500 руб. и 3 тыс. 300 руб.

Правоприменительную практику организации государственных закупок проиллюстрируем на примере организации госзакупок двумя федеральными органами исполнительной власти: Минэкономразвития России и Минобрнауки России.

На сайте Минэкономразвития России информация о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд данного федерального ведомства в 2013, 2012 годах оказалась недоступной для внешнего пользователя. В то же время в разделе «Информационные материалы» 31.03.2011 г. размещен Сводный годовой план-график размещения заказов в Минэкономразвития России в 2011 году – всего 146 заказов. Из 146 размещенных заказов: у 44 заказов отсутствует плановая дата публикации и размещения извещения

о торгах (27,4%), у 17 заказов плановая дата публикации – ноябрь-декабрь 2010 года (11,6%), у 40 заказов плановая дата публикации – январь-март 2011 года (27,4%).

На официальном сайте Минобрнауки России в разделе «Государственные закупки» опубликованы «Нормативные правовые акты, регулирующие проведение конкурсов, запросов котировок и аукционов», планы-графики размещения заказов для государственных нужд на 2011 и на 2012 год, три плана-графика размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков на 2013 год: от 1 февраля 2013 года (pdf, 324 Кб), от 25 апреля 2013 года (pdf, 476 Кб), от 11 октября 2013 года (pdf, 1 Мб) и другие необходимые документы. Только в 2012 году Минобрнауки России разместил заказов на сумму 14 768,5 млн руб.

Первая редакция плана-графика размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд Минобрнауки России (заказчика) на 2013 год от 1 февраля 2013 года (объем информации – 324 Кб) содержит данные КБК – 07404111004099241, ОКВЭД – 73.10, ОКДП – 7310040, № заказа (№ лота) – 2013-1.2-14-512-0002, наименование предмета контракта и минимально необходимые требования, предъявляемые к предмету контракта – (согласно техническому заданию).

В то же время вторая редакция плана-графика размещения заказов Минобрнауки России на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков на 2013 год от 25 апреля 2013 года (объем информации – 476 Кб) содержит сведения о 107 госзаказах для нужд Министерства, из которых 53 заказа (50% от общего количества заказов) запланировано разместить в декабре 2012 года, 21 заказ (20%) – в январе 2013 года и 33 заказа (30%) – в марте 2013 года.

Во всех 107 заказах минимально необходимые требования, предъявляемые к предмету контракта, заявлены «согласно

техническому заданию». При этом сроки исполнения 103 контрактов (96% от их общего количества) установлены в ноябре 2013 года, а у 93 контрактов (90% от их общего количества) ориентировочная начальная (максимальная) цена определена в сумме 10 млн руб. на каждый контракт. Ориентировочная начальная (максимальная) цена всех 107 контрактов составила 1 млрд 011 млн руб.

Третья редакция плана-графика размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд Минобрнауки России на 2013 год от 11 октября 2013 года (объем информации – 1 Мб) Минобрнауки России содержит сведения о 540 заказах на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд Министерства, из которых:

- ориентировочная начальная (максимальная) цена одного контракта Мероприятие 2.5 «Доклинические исследования инновационных лекарственных средств» (Группа 2 «Развитие инновационного потенциала фармацевтической промышленности») 858,00 млн руб.;

- ориентировочная начальная (минимальная) цена одного контракта «Проведение молодежных акций, посвящённых Дню России и Дню Государственного флага Российской Федерации» – 0,290 млн руб.

В целях повышения эффективности бюджетных расходов Минфин России и Минэкономразвития России совместным Приказом Минфина № 182н и Минэкономразвития № 674 от 23.12.2010 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и реализации отраслевых (ведомственных) планов повышения эффективности бюджетных расходов» рекомендовали всем бюджетополучателям включать в мероприятия по оптимизации государственных закупок следующие положения:

- совершенствование системы планирования государственных закупок и управления государственными контрактами, в том числе формирование плана государ-

ственных закупок, а также планов закупок федеральных бюджетных и автономных учреждений;

- использование электронных аукционов при размещении заказов на приобретение товаров, работ и услуг;

- внедрение типовых форм документов по размещению заказов на приобретение товаров (работ, услуг) и типовых форм государственных контрактов;

- внедрение порядка формирования начальных цен накупаемые для государственных нужд товары, работы, услуги;

- осуществление контроля за выполнением плановых показателей по государственным закупкам, эффективностью размещения заказов и своевременным исполнением контрактных обязательств;

- включение в условия получения субсидий автономным учреждением рамочных требований к процедуре государственных закупок;

- контроль использования результатов НИОКР, проводимых в интересах ведомства;

- иные мероприятия по оптимизации государственных закупок.

Вышеуказанные рекомендации Минфина России и Минэкономразвития России носят по существу общий характер и не позволяют бюджетополучателем и контролирующим органам оценить эффективность бюджетных расходов системы государственных закупок. В этой связи предлагаем Минфину России совместно с Минэкономразвития России, Минобрнауки России и ФАС России с привлечением научных организаций и бизнеса разработать научно-обоснованную методику оценки эффективности бюджетных расходов системы государственных закупок в рыночных условиях и сделать ее равнодоступной для всех бюджетополучателей и участников системы госзакупок.

В связи с вступлением в силу с 1 января 2014 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспе-

чения государственных и муниципальных нужд», предлагаем разработчику указанного Федерального закона Минэкономразвития России совместно с Минобрнауки России, Минфином России, ФАС России организовать своевременную и качественную подготовку кадров для контрактной системы управления государственными закупками в Российской Федерации, что, с одной, стороны, обеспечит гарантии положительной правоприменительной практики в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а с другой стороны, создаваемая на новых принципах и инновационных подходах национальная контрактная система позволит ее участникам избежать системных ошибок и недостатков, при-

сущих действующей до 2014 года системе размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

В свою очередь, использование современных инновационных методов и механизмов управления государственными закупками позволит максимально повысить эффективность бюджетных расходов при организации государственных закупок, обеспечить прозрачность контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, достичь ожидаемого социально-экономического результата и обеспечить адекватное потребностям общества качество поставляемых товаров (выполняемых работ, оказываемых услуг).

Литература

1. Аналитическая записка Счетной палаты Российской Федерации по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Комплексный анализ эффективности функционирования существующей системы закупок для государственных нужд». Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации № 3 (135) 2009 г.
2. Борисов А.Н. Новое в законодательстве о размещении заказов. — М.: «Деловой двор», 2011. — 88 с.
3. Дорогов Н.И. Управление хозяйством региона. Научное издание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999.
4. Звонова Е.А. Финансирование государственных закупок // Е.А. Звонова. – РЭА им. Г.В.Плеханова. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 517 с.
5. Каранатова Л. Г. Формирование эффективного механизма управления государственными заказами: вопросы теории и практики: монография. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. – 216 с.
6. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации в сети Интернет: <http://www.economy.gov.ru/>
7. Официальный сайт Министерства науки и образования Российской Федерации в сети Интернет: <http://www.минобрнауки.рф>
8. Официальный сайт Российской Федерации в сети Интернет: <http://www.zakupki.gov.ru/>
9. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службой России в сети Интернет: <http://www.fas.gov.ru/>
10. Официальный сайт Школы тендерных продаж в сети Интернет: <http://www.tendersale.ru/>
11. Пластинина, Е.А. Система государственных закупок как фактор экономической безопасности региона: монография / Е.А. Пластинина, А.Д. Бурыкин. – Ярославль: «Академия труда и социальных отношений», 2009.
12. Повышение эффективности бюджетных расходов системы государственных заказов и закупок. Р. А. Набиев, Р. К. Арыкбаев. По материалам журнала «Финансы и кредит». – 2008. – N 25.
13. Строганов А.А Госзаказ и контроль за его размещением. – М.: ИД «Юриёспруденция», 2010 – 208 с.
14. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».
15. Федеральный закон от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

К.В. Пителинский

УДК 008.2, 307.9, 308

**СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ – АРХАИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ЕГО ВИРТУАЛИЗАЦИЮ**

Обсуждаются некоторые аспекты влияния символических конструкций, содержащихся в информационном пространстве, на динамику socioeconomic процессов. Рассмотрены также аспекты управления поведением масс через их сознательное погружение в архаику с помощью технологий виртуальной реальности.

Ключевые слова: теория управления, спираль Бусыгина-Маслоу, триада управления, информационные технологии, виртуальная реальность, новое средневековье, ноосфера

K.V. Pitelensky

**SOCIOECONOMIC MANAGEMENT ASPECTS – FILING
VIA VIRTUALIZATION**

Some impact aspects of cyberspace symbolic structures on socioeconomic process dynamics are being discussed. Crowds' behavior management aspects through their willful submergence into archaic character with virtual reality technologies are also covered.

Key words: management theory, Bussigin – Maslow spiral, management triad, information technologies (IT), New Middle Ages, anthroposphere.

В начале 90-х годов XX века человечество вступило в эпоху интенсивного информационного развития, характеризующуюся увеличением степени распространения (обмена), накопления, хранения и применения информации.

Становится очевидным, что информация является таким же товаром (и услугой элитарным стратам социума), как и «классические» (материальные) предметы потребления и орудия производства и предметы труда (в рамках концепции трехсекторной экономики В.А. Колемаева). Из этого следует, что к ней применимы как принципы конкурентного продвижения товаров и услуг на рынке, так и концепция жизненного цикла изделия. Информация, как и любой товар, должна быть ориентирована на определенную группу ее потребителей и, в перспективе, на завоевание всего информационного поля – в глобальном масштабе.

Исходя из этого, необходимо привить как можно более широкой аудитории некие политкорректные (усредненные) вкусы, держа невысокой планку требований к уровню духовного развития потребителя информации. Подобный конформизм в мышлении и во вкусах очень полезен для построения нового мирового порядка, основанного на принципах глобализации и разделения труда, а по сути – на закреплении разрыва в уровне жизни между «золотым миллиардом» и прочими жителями Земли.

На рис. 1 приведены авторские дуальная (полярная) структура теории управления и ее триадная суть в контексте программно-целевого управления процессом продвижения Субъектом социоэкономических отношений по спирали Бусыгина-Маслоу, разворачивающейся в пространственно-временном континууме.

Информация, преподанная в нужном ключе и в нужный момент, играет огром-

Рис. 1. Некоторые цели и средства реализации эволюции общества

ную роль в жизни общества. Необходимо особо подчеркнуть этот факт, ибо тут мы имеем дело скорее с синергетическими, нежели с кибернетическими принципами управления социально-экономическими системами – важно не то, сколько раз вбрасываются в общество определенные идейные концепции и стереотипы (интенсивность управления, кибернетический подход), а момент, когда эти идеи вызываются к жизни (в т.н. точках бифуркации эволюции общества – это подход теории хаоса).

Одним из направлений построения нового мирового порядка является унификация образования, стирание его национального своеобразия и самобытности и формирование «цивилизации новых кочевников» (терминология Ж. Аттали), находящихся в постоянном движении, средствами современных инновационных технологий, могущих координировать свои действия с другими представителями себе подобных из любой точки Ойкумены. Сейчас уже многие разрабатывают программное обеспечение в рамках распределенных рабочих групп с помощью Интернет или осуществляют биржевые спекуляции, не выходя из дома. Так социум постепенно переходит из устойчиво стратифицированного в гомогенизированное атомарное состояние, где многие не знают в лицо своих соседей. Живое человеческое общение им подменили сериалы, попса из MTV и сидение в чатах – т.е., у них культивируется калейдоскопично-клиповое сознание.

Тут необходимо сказать еще несколько слов про технологии виртуальной реальности и о их социальной роли. Сейчас складывается парадоксальная ситуация: человечество стремится уйти от действительности в мир красивых грез и мечтаний. Это обусловлено тем, что, по мнению большинства людей, наш мир грязен, жесток и нелогичен. Не у многих из них хватает мужества и сил вступить в борьбу за построение «brave new world». Поэтому для большинства «пассажиров» имеет смысл забыться в сладком и уютном фальшивом мире киберпространства.

Кроме того, есть еще один посыл поместить себя в виртуальную реальность – теологический. Находясь в виртуальной реальности, каждый чувствует себя в ней Демиургом, чем, возможно, компенсирует свои житейские проблемы. Подобно черепахе, уходящей в случае опасности под свой массивный щит, скрывается он от прозы жизни и от ударов судьбы под шлемом виртуальной реальности и крепче сжимает в руке спасительный джойстик. Что именно творит человек в состоящем из нулей и единиц мире – не суть важно. Важен сам процесс, где с помощью новых информационных технологий творят все и всё что и как угодно. Обычно, в виртуальное пространство человек открывает свои потаенные окна души, которые он не рискнет распахнуть в общении со знающими его людьми. Оттого и приобрели столь большую популярность всевозможные стрелялки, начиная от реликтового «Doom» под MS DOS и заканчивая весьма натуралистичным и недобрым «Manhunt».

Для построения альтернативной реальности современная техника предоставила современным фантазерам доселе невиданные технические возможности. Раньше новые миры возникали в рассказах профессиональных сказителей, в книгах и в пьесах. Им на смену пришли радио и кинематограф. Но, выйдя из кинотеатра, маленький человек снова погружался в обыденность и волшебные ощущения, которые он испытывал в зале, оставались в прошлом. Позволить себе домашний кинотеатр могли себе лишь избранные. С приходом в повседневный обиход компьютера все изменилось. Он стал не только решателем, чудовищной логарифмической линейкой в руках крутолобых ученых, но и домашним кинотеатром и музыкальным автоматом, готовым потакать любому, пусть даже и незатейливому вкусу.

Тут возникает законный вопрос: «А как же быть с кулинарными изысканиями из поваренной книги Карлоса Кастанеды»? Надо подчеркнуть, что видения, вызванные поглощением этой невкусной и нездоровой пищи, обусловлены лишь процессами, про-

исходящими в коре головного мозга, и гурман не может контролировать полет своей фантазии (или в точности повторить видения путем поедания второй порции похлебки). Кроме того, виды грез сильно рознятся еще в зависимости от их носителя-индивида. Мечты хрестоматийного дяди Тома, лежащего на земляном полу своей хижины на юге США, несомненно контрастируют с видениями парижского богемного декадента. Приведенный пример еще раз подтверждает мысль Френсиса Бэкона, вынесенную в название отечественного научного журнала.

Итак, Творец создал картину. При этом возможен классический вопрос о том, что первично и что вторично. Первыми образцами виртуальной реальности можно, наверное, считать наскальные изображения охоты на мамонтов. В них отчетливо проступает мысль: «Я бы так жил!». Материал для этого был весьма разнообразен: от деревяшек до черепов наиболее выдающихся врагов. Но все эти рисунки имели существенный недостаток – они не были в должной мере детализированы, и с помощью них трудно было рассказать какую-либо осмысленную историю. Известно несколько цивилизаций, построивших свою культуру на рисунках (пиктограммах) – египтяне, японцы, майя и индусы. У японцев при этом каждое слово можно прочесть во множестве вариантов. Поэтому они изначально ориентировали свою письменность на небольшие картинки-комиксы. Существует вполне правдоподобная гипотеза об общих этнокультурных корнях цивилизаций египтян и майя. Интересно,

что расшифровка египетских символов тоже является виртуальной – трудно доказать однозначность выполненного перевода. В зависимости от технологий обработки и передачи информации в обществе происходят и революции в образовании (см. рис 2).

Каждый творит свою собственную виртуальную реальность на свой лад. После картин появились новые инструменты виртуальной реальности – книги. Принцип построения хорошей книги таков – на канву повествования нанизываются некоторые события, а окружающий их мир автор придумывает сам, опираясь на свой личный опыт. По такому принципу и строились все великие литературные произведения, но постепенно их стали побеждать пухлые труды графоманов, получавших построчную оплату. Поэтому последним прибежищем гениев стал жанр новеллы. Примером гениальной краткости является квинтэссенция Библии – 10 заповедей. Но человек хочет не только творить, но и получать за это блага и мало-помалу книги из инструментов виртуальной реальности превратились в ее суррогат. Оттого человек, читая книгу, перестает додумывать на свой лад происходящие в ней события, а просто потребляет все слишком подробно разжеванные в ней описания. Для его воображения уже не остается простора. С этим и связано постепенное угасание интереса к бумажной книге. Уже не осталось гениальных писателей: их вытеснили знаменитые писатели для широких масс. Понять гения может только гений, а гениальность – штучный товар.

Революции в образовании		
1: Переход от устной традиции передачи знаний к письменной - около LV века до н.э.	2: Переход к университетской (концентрированной) форме обучения - XI век	3: Переход от традиционной формы обучения к дистанционной форме обучения –XVIII-XIX век
		

Рис. 2. Революции в образовательных технологиях

Изобретение Конрадом Цузе ЭВМ по прошествии некоторого времени дало в руки наиболее одаренных людей игрушечный инструмент для забав разума. Поскольку пользователи имели к тому времени уже сложившуюся концепцию миропонимания и мировосприятия, то они начали создавать свои миры на основе личного опыта.

На примере широко распространенных компьютерных игр обнаружился эффект обратной связи, который может нанести серьезный ущерб психике. Оказывается, если игра переступает определенный порог реалистичности и коммуникации, то человек начинает одушевлять игру и вживается в нее. Подобного рода проблема описана в романах С. Лукьяненко «Лабиринты отражений» и «Фальшивые зеркала» (с поправкой на ментальность игрока в трехмерную стрелялку, где практически отсутствовал ролевой элемент). Но главное – человек, входящий в ролевую игру становится другой личностью. Да, у него остаются все качества своей «исходной» личности, но в процессе игры он может кардинально измениться. Трус превращается в Джека-Жнеца, интеллигентные люди – в отбросы общества. Поскольку нет внешнего сдерживающего морального фактора, то люди, играющие в такие игры, ведут себя по большей части мерзко: все скелеты, таящиеся в чуланах их душ, вылезают наружу.

В настоящее время усиленно исследуется влияние компьютерных игр на человеческую психику. Люди стали погружаться в игры, доселе для этого не предназначенные. Произошло так называемое ментальное привыкание – раньше люди шарахались от трамваев как от адских служащих, а потом к ним привыкли, стали ездить зайцами, ночевать в них (т.е. фамиллярно к ним относиться) и в результате стали массово повторять судьбу литератора Берлиоза. Это особенно удивительно, ибо трамваи и троллейбусы двигаются по строго фиксированным маршрутам и свернуть с них не могут. Транспортные средства стали для людей

предметами обыденной жизни, с ними свыклись и оттого перестали их опасаться.

При этом, как и следовало ожидать, у людей не существует единого мнения об окружающем мире. И какое же видение мира реальнее – прекрасный мир в компьютере или в телевизоре или окружающие героев фильма «Матрица» мрачные руины? Далее, в массовом порядке впечатлительные люди, наигравшись в игры подобные «Manhunt» и посмотревшись штампованных голливудских боевиков (тоже, кстати сказать, симулирующих виртуальную реальность), потеряли страх перед оружием и вступили на тропу войны, поскольку им не была привита культура обращения с оружием. *Оружие элегантная вещь, но это не игрушка.*

Многие обвиняют компании, производящие компьютерные игры, в генерации витка насилия, захлестнувшего общество, но это лишь один из факторов, влияющий на этот сложный процесс, также как и свободная продажа оружия. Следуя подобной логике, следует запретить кирпичи и лопаты. Подобный подход в корне неверен – убивает не оружие, а человек, его применяющий. К тому же у преступников всегда есть оружие и они, не раздумывая, пускают его в ход, в отличие от законопослушных граждан, у которых мысль всегда предшествует действию.

Компьютерные игры-симуляторы боевых действий требуют полного погружения в них и приучают людей к тому, что надо сначала действовать, а потом смотреть, что из этого вышло. Но подобный подход годится только при воспитании профессиональных диверсантов и террористов (без которых не может обходиться ни одно мощное государство), действующих в боевой обстановке в состоянии полного погружения в себя и отрешенности от окружающего мира (дзен-техники) на основании внедренных в их подсознание команд и стереотипов поведения. Примером может служить тактика ведения боя героями фильма «Equilibrium».

В «Counter Strike» никто не думает о том, в каком направлении надо бежать, игроки просто бегут, куда глаза глядят. При этом происходит полное отождествление игрока из плоти и крови со своим фантомным двойником (опять эзотерика!).

Таким образом, виртуальная реальность, содержащаяся в фильмах и играх, оказывает все нарастающее магико-реалистическое давление на реальность бытия человека. Если сейчас не заняться серьезным изучением этого вопроса, то очень скоро человечество пойдет по пути, описанному в фильме «Матрица». Человек всегда хочет, чтобы все его проблемы решал не он сам своим тяжелым трудом, а кто-то другой (государство, религиозный лидер, интеллектуальная машина, фармакология и генетика и т.д.). Тот, кто не хочет думать и принимать решения сам, рано или поздно добьется того, что за него это будут делать другие (*и не обязательно люди*).

Возвращаясь к реалиям сегодняшнего дня, можно сказать, что пока у человечества еще есть в достатке природно-сырьевые ресурсы, оно (и в первую очередь, «золотой миллиард») будет постепенно разлагаться под действием иллюзорных мечтаний, не менее опасных, чем оружие массового поражения в руках живущих в своей личной виртуальной реальности фанатиков, одержимых манией переустройства мира и жаждущих на свой вкус облагодетельствовать все остальное человечество.

Однако, применение технологий, аналогичных бесплатной технологии сетевого

доступа Outernet, на практике приведет к значительному сокращению базы фундаменталистских и религиозных движений, ибо будет привязывать их адептов к мобильным устройствам передачи данных, с помощью которых они будут отслеживаться и будет локализовано их местонахождение. Кроме того, они будут тратить много времени на размещение своих материалов и переписку с соратниками (это автоматически переведет их в разряд диванных войск), доступ к альтернативным точкам зрения несколько притупит их агрессивность. Наконец, всем этим людям (бывшим радикалам) рано или поздно придется повышать свой профессиональный уровень в учебных заведениях западного типа, что также сместит им парадигму мышления. На примере технологии Outernet, мы видим очень грамотный подход к управлению стихийной активностью народных масс.

Подытоживая вышеизложенные факты, можно сказать, что технический прогресс и новые технологии ведут к размыванию и дроблению гомогенных традиционных обществ (имеющих единую всеобъемлющую философско-политическую основу) на множество мелких неосредневековых (очаговых) субкультур, не представляющих опасности окружающим из-за своей потенциальной слабости, обусловленной их взаимной непохожестью и уникальностью (т.е. опасный целеустремленный собирательный Гулливер распадается на неорганизованную толпу крикливых Лиллипутов).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ж.Н. Шалимова

УКД 908

КРАЕВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается развитие краеведения с середины XVIII века до наших дней. Характеризуя современный этап в развитии краеведения, автор представляет информацию о нем в системе образования.

Ключевые слова: краеведение, история, современность, образование.

Zh. N. Shalimova

REGIONAL STUDIES: PAST AND PRESENT

Article investigates the development of local and regional studies from the middle of XVIII century till now. Author considers its place within the framework of modern education.

Keywords: regional studies, history, education, modern times

Краеведение и туризм тесно взаимосвязаны с историей развития человеческого общества.

От наскальных рисунков до интерактивных карт, от ориентирования по местным признакам до GPS-навигаторов, от примитивных построек до фешенебельных курортов, от торгово-купеческих услуг до услуг туристских агентов – таков путь развития цивилизации и места в ней краеведения и туризма.

Обратимся к истории (таблица 1). При этом следует отметить, что краеведение,

как самостоятельное направление в жизни педагогического сообщества, общественных организаций, государственных образований, сформировалось в начале прошлого столетия.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что нестабильность в развитии географического краеведения в России связано с:

- 1) политическими преобразованиями;
- 2) уровнем развития экономики страны;
- 3) новыми тенденциями в развитии географической науки;
- 4) нововведениями в системе образования;

Таблица 1. Из истории развития краеведения¹

<i>Век</i>	<i>Этапы</i>	<i>Краеведческая деятельность</i>	<i>Процессы в развитии краеведения</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
XVIII	Середина века	1761г.- эмпирические исследования М.В. Ломоносова.	Зарождение краеведения
	Конец века	1782 г. – включение в преподавание 4-го класса начальных училищ элементов краеведения	Внедрение краеведческих элементов в систему образования
XIX	Начало века	Распространение элементов краеведения в системе образования.	
	Середина века	1. К.Д. Ушинский о необходимости изучения географии на краеведческой основе. 2. 1840 г. – первый учебник географии с элементами краеведения (Ф. Студитский). 3. 1860 г. – первый учебник географии на основе родоноведческого принципа (Д.Д. Семёнов). 4. Изучение территории страны и появление крупных географо-краеведческих произведений. Русское географическое общество приняло активное участие в краеведческих исследованиях.	Введение краеведческого принципа (КП) в преподавание географии Накопление географо-краеведческого материала
	Конец века	В годы политических реакций наблюдалось уменьшение краеведческих исследований в области географической науки. В школах прекратили активно использовать краеведческий материал в преподавании.	Торможение в развитии краеведения

¹ В таблице использованы материалы: Матрусов 1963, Сафиуллин 1979.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Век</i>	<i>Этапы</i>	<i>Краеведческая деятельность</i>	<i>Процессы в развитии краеведения</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
XX	Начало века	<ol style="list-style-type: none"> 1. После 1-го съезда учителей географии в 1915 г. термин «краеведение» стал повсеместно использоваться при рассмотрении вопросов малой родины. 2. 1920–1930 гг. – бурный рост краеведения: Центральное бюро краеведения, школьные экскурсионные станции, экспедиции, туристические походы, опора на краеведческий принцип преподавания (КПП) в школах. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование внеклассного и внешкольного краеведения. 2. Появление различных форм краеведения в зависимости от задач и практических интересов, от предмета исследования.
XXI	Середина века	<ol style="list-style-type: none"> 1. От эпизодических до систематических краеведческих исследований в урочное время в связи с введением в программы школ КПП (1948 г.). 2. 1961 г. – первые учебники по географии своей области, края, местности. 3. 1968 г. – первые Всесоюзные педагогические чтения на краеведческой основе. 4. Всесоюзные экспедиции пионеров и школьников. 5. Туристические походы. 	<p>Становление краеведения в системе школьного географического образования на постоянную основу.</p> <p>Расширение возможностей краеведения за счёт внеклассной и внешкольной деятельности.</p>
	Конец века	<p>Годы политических и экономических преобразований в стране негативно сказались на краеведческих исследованиях и, как следствие, использование КПП в системе образования</p>	<p>Понижение уровня краеведческих исследований и преподавания на краеведческой основе</p>
	Начало века	<ol style="list-style-type: none"> 1. Введение регионального компонента в систему школьного образования. 2. Введение региональных курсов, построенных на краеведческой основе в системе школьного и вузовского образования. 3. Экспедиции, туристические маршруты по изучению малых городов России. 4. Проведение геоэкологических исследований. 	<p>Подъём краеведческих исследований методического характера на основе регионализации образования. Локально-региональные географо-краеведческие исследования.</p>

5) уровнем географической культуры общества.

Краеведение как общественное движение, как одно из направлений изучения родного края (малой родины) прочно вошло в жизнь современного общества.

Под краеведением на современном этапе принято считать комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию края [Никонова 2003:24].

Структуру современного краеведения необходимо рассматривать как взаимосвязь взаимодополняющих элементов, соподчинённых между собой (рис.1).

Опираясь на исторически сложившиеся организационные формы краеведения, деление по предмету исследования в данной схеме поэтапно выделены территориальные уровни.

История развития краеведения, его структуризация позволяют увидеть ряд проблем в системе образования по вопросам краеведения:

На федеральном уровне нет чёткой программы по краеведческому образованию и воспитанию подрастающего поколения и молодежи. Краеведение в системе образования, в частности географического, рассматривается в контексте краеведческого принципа преподавания. Это наводит на определённые размышления: наблюдаются противоречия между сущностью краеведения и его отражением в системе образования.

Краеведение, в широком смысле слова, – это не наука, не общественное движение, это комплекс дисциплин. Поэтому содержание комплексной дисциплины «краеведение» должно состоять из различных модулей, соподчинённых между собой, но ведущих в совокупности к научному и всестороннему познанию родного края.

Так как содержание модулей, по сути, соответствует содержанию научных дисциплин, то какой учитель в школе может обучать учащихся основам краеведения, а преподаватель – в ВУЗе? Ответа мы не най-

дём. В современной системе образования не предусмотрена подготовка специалиста, который в комплексе мог бы рассмотреть регионально-локальные территории. Учителя-предметники и преподаватели, реализуя дидактический принцип межпредметной соотнесённости в учебном процессе, вкраплениями насыщают учебный материал краеведческой информацией из смежных дисциплин. Это очень трудоёмкая и кропотливая работа, требующая не только активной жизненной позиции учителя, но и компетентности в краеведческих вопросах, профессионализма и мастерства.

Стандарт третьего поколения только начал входит в систему образования в школах и ВУЗах (ФГОС 3+). Недостаточно времени прошло для четкого понимания и переосмысления места краеведческого материала в подготовке подрастающего поколения, в подготовке бакалавров по направлению «Туризм». Накопленный положительный опыт в реализации КПП, в изучении региональных курсов должен остаться и рассматриваться под призмой проблемно-страноведческого подхода.

Проблемно-страноведческий подход получил довольно широкое распространение в экономико-географических исследованиях Я.Г. Машбиц, И.М. Маергойз и др. учёных, он предлагает отступления от типовой схемы изучения страны и концентрации внимания на ключевых экономико-географических проблемах: ресурсообеспеченность и использование природных ресурсов, формирование системы расселения и производственно-территориальной структуры хозяйства и т.д.

В образовании мы наблюдаем следующую картину: молодые учителя ещё не могут самостоятельно перестроиться на школьные рельсы, учителя с большим педагогическим стажем уже не могут (или не хотят). Инертность педагогической среды в целом настолько велика, что любое нововведение, или предложение в области географического краеведения, не находят отклика в должной мере. Опорой в таких случаях

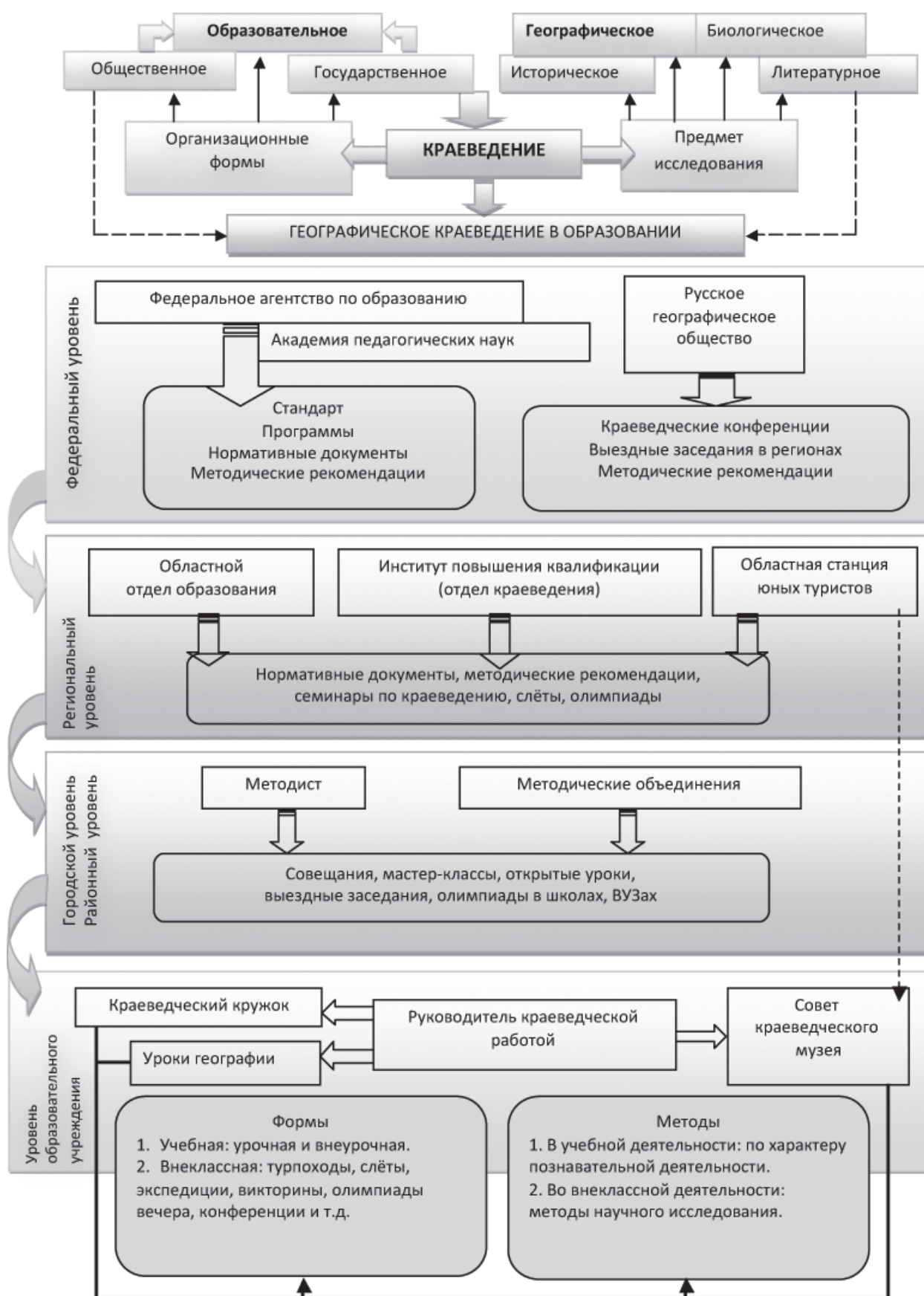

Рис. 1. Структуризация краеведения (составлено автором)

становятся учителя-новаторы, краеведы.

Введение регионального компонента в начале века заставило нас по-иному взглянуть на процесс краеведческой подготовки. В школах и вузах активно использовали процесс регионализации образования. Появились новые дисциплины, направленные на изучение малой родины.

В терминологическом аппарате по вопросам краеведения, регионоведения у практиков в образовании хаос. Как соотносятся понятия «регионоведение» и «краеведение», «региональный компонент» и «региональное содержание школьной географии», «краеведческий принцип преподавания» и «региональный курс», «внеклассная» и

«внеурочная» работа по вопросам краеведения? На данные вопросы частично даёт ответы учебно-методическая литература, журнал «География в школе». Но до сих пор идут споры относительно предмета изучения «регионоведения» и «краеведения».

В содержательной части также масса проблем: как соотнести содержание регионального курса с материалом учебного блока по географии России «География своей области» (края, республики); как построить школьный предмет «Начальный курс географии» без практической части, которая стала основой самостоятельного предмета «краеведение» и т.д.

Значительные недоработки наблюда-

Рис. 2. Перспективы развития краеведения (составлено автором)

ются и в подготовке бакалавров по направлению «Туризм». Анализ учебных планов ряда вузов страны показал отсутствие дисциплин краеведческого содержания.

Все перечисленные проблемы не являются единственными в вопросах краеведения в современных образовательных условиях и требуют серьёзной проработки. Это и действие местных властей, представителей органов образования в регионах, это и работа методических центров с целью оказания помощи учителю и преподавателю, это и деятельность работников образования по вопросам краеведческого образования обучающихся, это и пополнение материально-технической базы образовательных учреждений для проведения полевых исследований и т.д.

Несмотря на большие проблемы в системе образовательного географического краеведения, перспективы его развития очевидны. Основные сферы деятельности отмечены на рисунке 2.

Основная цель решения проблем и реализация основных задач в перспективе – это помочь обучающимся познать природу, население, экономику того края, где он живёт. Он должен увидеть неповторимые ландшафты, всю красоту своей малой родины, осмыслить зависимость производственной деятельности человека от местной природы, её ресурсов; изучить, что предпринимается различными организациями в области охраны природы; принять активное участие в социально значимой деятельности по улучшению среды своего обитания.

Литература

Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии /Под ред. Л.М. Панчешниковой. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1990. – 303 с.

Матрусов И.С. Краеведение и краеведческий подход в преподавании географии. Сб. статей. – М.: АПН, РСФСР, 1963. – 117 с.

Методика преподавания региональной географии в школе: Учебное пособие для учителей географии и студентов географ. спец. высш. пед. учеб. заведений /М.А. Никонова, О.А. Бахчиева, И.В. Душина и др.; Под ред. М.А. Никоновой. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 188 с.

Сафиуллин А.З. Географическое краеведение в общеобразовательной школе. – М., 1979. – 127 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Багрова Алифтина Яковлевна, кандидат педагогических наук, доцент Московского института лингвистики, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Гуревич Любовь Степановна, доктор филологических наук, доцент, Московский институт лингвистики, заведующая кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации, e-mail: gurevich_ls@mail.ru

Дорогов Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного, муниципального и корпоративного управления Московского финансово-экономического института, e-mail: dorogovni@mfei.ru

Климов Ю.Н., доктор наук, гонорис кауза, профессор, e-mail: klimov29@mail.ru

Мыскин Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, Московская академия рынка труда и информационных технологий, e-mail: serg-myskin@yandex.ru

Палкин Алексей Дмитриевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Московского педагогического государственного университета, e-mail: p-alexis@yandex.ru

Пителинский Кирилл Владимирович, кандидат технических наук, доцент, НОЧУ ВПО МФЭИ, профессор кафедры «Математика и ИТ», e-mail: yekadath@gmail.com

Салтыкова Марина Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Академия гражданской защиты МЧС России»

Самохин Иван Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Московского института лингвистики, e-mail: alcrips85@mail.ru

Шалимова Ж.Н. Кандидат педагогических наук, доцент общегуманитарных и социальных дисциплин Московского финансово-экономического института, e-mail: shazn2404@gmail.com

Юдаева Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Московского института лингвистики, e-mail: olesyayudaeva@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МИЛ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: akirilina@inyaz-mil.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в Вестнике.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - название вуза полностью и города (курсивом по центру);
  - аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
  - ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
  - перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - аннотацию на английском языке;
  - ключевые слова на английском языке.
- Основной текст статьи должен содержать:
- введение, где необходимо указание на

имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;

- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);

- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;

- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 14. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 20000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать О (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принимаются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

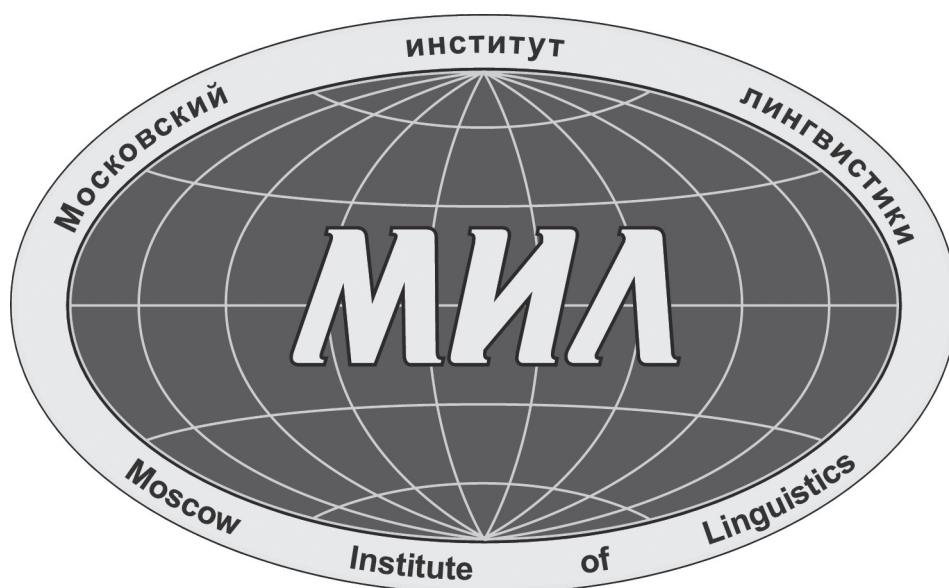
Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).

**МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ
ВЫСШИЕ КУРСЫ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

[HTTP://I-MIL.RU/](http://i-mil.ru/)

ЦЕНТР ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

[WWW. MIL-ONLINE.RU](http://www.mil-online.ru)

